

**О.М. Акай, С.Н. Бредихин, Ю.И. Бредихина,
В.В. Катермина, Т.С. Ледович, З.З. Чанышева, Т.А. Ширяева**

**КОНТАМИНИРОВАННЫЙ
ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО
ДИСКУРСА ПАНДЕМИИ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
И КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ**

Монография

**Ставрополь
2022**

УДК 81'42
ББК 81.055.1
К 65

Рецензенты:

- Аликаев Рашид Султанович* доктор филологических наук, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
- Алимурадов Олег Алимурадович* доктор филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур ИПРИМ ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
- Радченко Олег Анатольевич* доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Авторы:

- Акай Оксана Михайловна* доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
- Бредихин Сергей Николаевич* доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
- Бредихина Юлия Игоревна* магистр лингвистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
- Катермина Вероника Викторовна* доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
- Ледович Татьяна Сергеевна* доктор экономических наук, ректор ЧОУ ВО «Институт Дружбы народов Кавказа»
- Чанышева Зульфира Закиевна* доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
- Ширяева Татьяна Александровна* доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

К 65 **Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания** / О.М. Акай, С.Н. Бредихин, Ю.И. Бредихина, В.В. Катермина, Т.С. Ледович, З.З. Чанышева, Т.А. Ширяева ; научн. ред. С.Н. Бредихин. – Ставрополь : Ставропольское издательство «Параграф», 2022. – 188 с.

ISBN 978-5-6047904-0-3

УДК 81'42
ББК 81.055.1

ISBN 978-5-6047904-0-3

© Авторский коллектив, 2022.
© Оформление. ООО «Ставропольское издательство «Параграф», 2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
(С.Н. Бредихин).....	4
ГЛАВА 1.	
Номинация и деривация в дискурсе пандемии	
(С.Н. Бредихин).....	8
ГЛАВА 2.	
Поликодовость и полидискурсивность	
как определяющие факторы выбора стратегий и тактик	
в дискурсе пандемии	
(С.Н. Бредихин, Т.С. Ледович).....	25
ГЛАВА 3.	
Вертикальный контекст как призма интенсификации	
индивидуально-личностных компонентов в социально	
маркированном дискурсе пандемии	
(С.Н. Бредихин, Ю.И. Бредихина).....	62
ГЛАВА 4.	
Влияние пандемии COVID-19 на нефтегазовый дискурс	
в кризисной медиакоммуникации: планы контаминации	
(З.З. Чанышева).....	86
ГЛАВА 5.	
Языковая репрезентация пандемии в социальных сетях	
глав государств (на материале микроблогов государственных	
лидеров Великобритании и США)	
(Т.А. Ширяева).....	101
ГЛАВА 6.	
Пандемия COVID-19 как фактор экстренной цифровизации	
системы высшего образования	
(О.М. Акай).....	134
ГЛАВА 7.	
Vocabulary of the coronavirus pandemic as a comprehensive	
reflection of socio-cultural transformations in neological	
english discourse	
(Katermina V.V.).....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
ЛИТЕРАТУРА	173

ВВЕДЕНИЕ

Современное пространство общения представляет собой динамический гетерогенный объект феноменологической и ноэтической рефлексии, отражающий социально-историческую реальность в экстремальных условиях реального и коммуникативного действия, который требует детального его рассмотрения и исследования всех факторов интенсификации многомерного смысла. В лингвистическом знании различной направленности возрастает популярность изучения коммуникативных функций различных компонентов полидискурсивного и поликодового пространства. Кроме того, до настоящего времени не представлено единой непротиворечивой и конвенциональной трактовки глубинных и поверхностных структур и критериальных признаков контаминированного коммуникативного пространства. Отсутствие единого подхода к определению данной категории, на наш взгляд, обусловлено двумя причинами. Во-первых, экстремальные факторы динамического формирования глобального концептуально-валерного пространства в условиях стимул-реактивного процесса экспликации контрастивных черт разнотиповых дискурсивных практик в единой конситуативной интерпретации приводят к возникновению широкого разнообразия видов и способов инкодирования на основе неконвергирующих кодов, и далеко не всегда можно наблюдать четкие концептуальные границы между ними. Во-вторых, коммуникативное пространство исследуемой в данной монографии негомогенной области информационно-знаниевого континуума по сути является трансдисциплинарным и транскультурным, включающим точки бифуркации не только имеющихся на сегодняшний день осложненных феноменов социально, гендерно, культурно и эпистемологически маркированного дискурсопорождения, но и феномен перманентной смены рецептивных и интерпретативных кодов, функционирующих в глобальном пространстве, каждый из которых вычленяет свой топикальный ракурс.

На наш взгляд, один из наиболее репрезентативных подходов (с точки зрения рассмотрения характера, типа и функционально-прагматической направленности коммуникативного

процесса) к трактовке экстремального поликодового и полидискурсивного коммуникативного пространства пандемии предложил американский социолог Р. Ольденбург. В своей концепции третьего места Р. Ольденбург выделил три ключевых компонента коммуникативного пространства: 1) первое место, определяющее имплементационный потенциал эпизодических компонентов и строящееся на основе различных видов персонально-ориентированного типа, – сфера интимизации, семьи, так называемой, первичной актуализации зарождающегося концептуального поля; 2) второе место, эксплицирующее социокультурные компоненты на основе детерминированных социальными институтами кодов интенсификации знаниевых компонентов, – сфера профессиональной коммуникации, предельно институционализированной, формализованной и инструментальной; 3) третье место, создающее пространство повторной реконцептуализации и интимизации опредмеченных критериальных признаков глобального характера и имплементации в дискурсивное пространство контаминированных единиц, – сфера пограничной, поликодовой и полидискурсивной коммуникации. Предложенная американским исследователем структура представляет собой обобщенную интересубъективную и интеринституциональную модель, которая в наиболее общем виде отображает основной коммуникативный опыт индивида в условиях развития пандемии и константных модификаций в условиях глобализации данного специфического дискурса.

В конце 2019 года в китайском городе Ухань была зафиксирована вспышка нового инфекционного заболевания, позднее получившего базовую номинацию и классифицированного как коронавирус COVID-19. Эпидемиологический характер данного заболевания вскоре сменил статус с локального на глобальный и отдельные лингвокультурные сообщества столкнулись с новым феноменом пандемии, при этом динамика «глобализации» как явления реальной действительности, так и перманентно расширяющихся дискурсивных практик оказалась в условиях современного «единого» мирового пространства просто ошеломляющей (статус пандемии был присвоен Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) COVID-19 спустя всего три месяца с момента выявления первого заболевшего). Все дальнейшие дей-

ствия как реальные, так и коммуникативные каждого из национальных государств, а также их коллективное модальное, волюнтаристическое и концептуальное пространство было детерминировано или по крайней мере учитывало факт наличия данного вызова всем сферам человеческой деятельности, что и привело к ранее не виданным, трансформациям коммуникативного пространства.

Стандартные методы борьбы с теми или иными экстремальными ситуациями в условиях развития пандемии, ввиду особенностей национальных систем хозяйствования, здравоохранения и т.д. оказались не работающими. Фактор времени в данном случае явился решающим и конвергенция как отдельных областей человеческой деятельности, так и структурирующих их дискурсивных практик оказалась не только объективно необходимой, но и приобретающей социальный вектор. «Социализация» всех видов деятельности, реализуемых даже в сфере «первого места» по Р. Ольденбургу приобрела глобальный характер. Предпринимаемые изначально разобщенно, потом по принципу аналогии, а на настоящий момент и единым «глобальным фронтом» меры для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции – от социального разобщения и изоляции, до сокращения пространства публичного взаимодействия, оказали беспрецедентное влияние на все сферы жизни мирового сообщества – экономика, культура, образование, бизнес и трудовая сфера и, разумеется, коммуникация. В данном случае мы имеем дело с одним из наиболее сложных и противоречивых дискурсивных феноменов – поликодовой полидискурсивной коммуникацией в условиях «мертвого» публичного пространства по терминологии американского социолога Р. Сеннета. При анализе подобного нового вида коммуникации с топикальной привязкой-детерминантой необходимо учитывать не только привычные факторы дискурсопорождения, но и современные условия Тройной революции, объединяющей разнородные социальные структуры в единую сеть, которая при этом индивидуализируется и варьируется каждым конкретным коммуникантом на основе не только собственных модусов порождения, но и в рамках социальных «рекомендаций».

Детерминированное социальной сетью взаимодействия коммуникативная сфера представляет собой глобализованную форму организации топикально-детерминированного социально-ориентированного взаимодействия, а в условиях экстремального контаминированного дискурсопорождения, а при интенсифицирующей и замещающей «мертвое» публичное пространство роли дистантных средств, опосредующих общение, выходит на совершенно новый уровень. Социальная ориентированность и опосредованность цифровизацией структурирует имеющиеся и создает новые цепочки коммуникативных сетей, являясь одновременно и фактором их формирования и результатом функционирования. Постоянная связь с глобальным информационно-знаниевым континуумом и участие в «нонстоп» коммуникации, которое является в условиях контаминированного дискурса пандемии не только сферой осознанного выбора, но и необходимым и достаточным условием существования, характеризует современного коммуниканта. Несмотря на физическую разобщенность участников глобального дискурса пандемии, и в настоящий момент не только расстоянием и принадлежностью к разным лингвокультурам, но и интенциональным мерам по противодействию распространения заболевания, можно предполагать наличие в современном обществе такой характеристики коммуникативного пространства как цифровая «гипер-связанность» (в данном термине мы предполагаем наличие интенциональной амфиболии – аллюзию к гипертекстовому пространству и наличию компонента «чрезвычайно высокий уровень» коннекционизма в процессах глобальной конвенционализации новых мета-концептов дискурса в стадии его становления. Т.е. нет принципиального отличия в различных видах онлайн и оффлайн коммуникативной реальности, новое проектирование и прогнозирование конситуативной интерпретации производится автоматически в каждой из этих взаимопроникающих сфер.

ГЛАВА 1. НОМИНАЦИЯ И ДЕРИВАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ПАНДЕМИИ

*Доктор филологических наук, профессор
С.Н. Бредихин*

Современное состояние различных дискурсивных практик характеризуется той или иной степенью маркированности (эксплицитной или имплицитной реминисцентности) довлеющим социально значимым феноменом, интенсифицируемым в концептуально-валерном пространстве, – пандемией новой коронавирусной инфекции. Вариативные пути экспликации как знаниевых, так и информационных компонентов континуума проходит под эгидой аргументативной и психо-эмотивной вербализации соответствующих действительности, идеологизированных, а также генерации ложных, мифологизированных элементов объективной и рефлексивной реальности пандемии. Настоящий момент истории человечества проходит под знаком пандемии коронавирусной инфекции. Каждое из коммуникативных действий откладывает определенный след в дальнейшем развитии и трансформации векторов дискурсопорождения сложной деятельностно-коммуникативной сферы социального взаимодействия, при этом последствия и влияния их вполне ожидаемы – появление особого «языка пандемии», но это не единственный код имплементации компонентов расширения метаконцептуальных областей, оказывающих влияние на все конситуативное глобальное пространство. Уровни проявления пандемического маркирования охватывают и стратегико-тактический пласт взаимодействия, поведенческое и паравербальное пространства, фонографические и визуальные символические системы кодирования.

В рамках выявления специфики и форм актуализации и интенсификации маркированных компонентов необходимо, прежде всего, произвести анализ представленности глубинных семантизированных и ноэматических компонентов в самом именовании (как базовом номене, так и вариативных номинациях)

данного заболевания в контексте глобальной интерпретации. В качестве базовой методологии наиболее релевантным будет избрание комплексного герменевтико-ноэматиического подхода. Позволяющего выявить основные пути имплементации как семантических, так и эпизодических компонентов в структуре вербализаторов ментальных сущностей. Именно на основе определения эпизодических компонентов, формирующихся при участии в архетипическом дихотомическом взаимовлиянии адресантно-адресатной фокусности смыслопорождающих констант ситуативности, модальности, субъективности, фоновых знаний, темпоральности и т.д., происходит финальная семантизация генерализованного значения каждого из представленных вариативных именовании. Полидискурсивность и предельная транспарентность коммуникативных практик служит одним из ключевых факторов расширения как трансгрессионных, так и модификационных потенциалов когнитивно- и эмоционально-нагруженных единиц дискурса пандемии (Bredikhin, Babayants, Pelevina, 2021). Следует отдельно отметить отсутствие в настоящее время (несмотря на внушительный период и широту исследований лингвистических средств экспликации, в особенности лексического уровня представленности пандемии коронавирусной инфекции) системного анализа когнитивно-коммуникативных импликаций, irradiирующих на различные, даже не смежные предметные области информационно-знаниевого континуума. Однако необходимо признать и значительный вклад некоторых ученых как в лингвистическое портретирование пандемии (новый «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», 2021), так и в изучение стратегий и тактик вербального и невербального взаимодействия в статических и динамических текстах, посвященных коронавирусной пандемии (Лату, Тагильцева, 2021).

В рамках исследования генерализованных стратегий и тактик достижения наибольшего перлокутивного эффекта в институциональном и бытийственном виде персонального дискурса пандемии, в рамках учета его перформативности, эвокативности и коллективной виндиктивности необходимо, прежде всего, определиться с примарной номинацией ядерного метаконцепта, который образует дискурсивное пространство и, по сути, создает весь прецедентный мир той или иной пандемии. На сего-

дняшний день наиболее репрезентативным является дискурс прецедентного мира «COVID-19», что объясняется наличием интерпретативного пространства формирования данной лингво-концептуальной области на луче темпорально-контактной рефлексии. Однако и различные механизмы создания ключевых метаконцептов демонстрируют наличие темпорально-дистантной рефлексии в рамках реминисценций и создания аллюзивных рядов осмысления на основе сравнения современного состояния социально значимых феноменов и их функционирования и понимания как в прежние периоды различных заболеваний, имевших эпидемический или пандемический характер, так и в «спокойные» периоды исторического развития различных сообществ. Свое именование, как базовый вербализатор метаконцепта, новая коронавирусная инфекция обретает не сразу, а на луче темпорально-дистантной рефлексии, поскольку в современном мире процесс идентификации, делимитации и концептуализации (т.е. присвоения именованного) болезни, особенно, если она имеет контагиозный характер, превращается в социокультурный контаминированный процесс интрадискурсивизации различных видов коммуникативных практик. Т.е. в этом процессе задействованы не только медики, но и политики, экономисты, медийные контркоммуниканты, что наглядно видно на примере актуализации прецедентных онимов в экономической и стигматизирующей сфере общения. При этом следует учитывать фактор социальной значимости рапидно номинируемого феномена, ведь критериальные признаки, имплементируемые в концептуализируемое именование, обязаны были представить не только характеристики стоящего за вербализатором явления (основных и наиболее важных его свойств, реляционных явлений и сопутствующих феноменов), но и отдельные аспекты её проявления, распространения, передачи, видов, степени тяжести протекания, способов лечения. Таким образом, можно констатировать наличие весьма тесных корреляций социокультурных апперцептивных и объективно перцептивных факторов и аспектов интенсификации в ядерной области метаконцепта COVID-19.

Итак, вторично порожденное и закрепленное в Международной классификации болезней именование должно было не только дефинировать болезнь, но и облегчить взаимодействие

специалистов в процессе объединения усилий по предупреждению и борьбе с ней. Исходным номеном, в англоязычном дискурсе пандемии, не прошедшим, однако, процесса концептуализации и потерявшим исходные имплементационные потенции, т.е. не реализующим ни в инкоативном, ни в дуративном консиуативном пространстве интерпретации адекватный иллюкуции перлокутивный эффект, явился «2019-nCoV» – от английского Novel Coronavirus Pneumonia (пневмония, вызванная новым типом коронавируса). Основным фактором, нивелирующим потенциальную концептуализацию оказалось неудобство и определенные фонетические сложности в произношении, что повлекло за собой поиски (в достаточно срочном порядке) более удобоваримого и благозвучного именованя. В итоге, согласно рекомендациям, разработанным ранее совместно с Всемирной организацией по охране здоровья животных, а также Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций, 11 февраля 2020 г. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) объявила о присвоении данному заболеванию названия – сокращение от coronavirus disease, где 19 – год регистрации первого случая заболевания: *COVID-19. I'll spell it: C-O-V-I-D hyphen one nine – COVID-19* (WHO Director-General's remarks at the media briefing on 2019-nCoV).

Следует при этом учитывать некоторые лингвокультурные ограничения имплементации данного доминантного вербализатора метаконцепта в рамках его глобального функционирования, ведь иногда именованя, созданные с соблюдением всех формальных требований ВОЗ как организации, официальным рабочим языком которой является, прежде всего, английский, а также условия создания его на луче темпорально-контактной рефлексии, вне возможностей детального рассмотрения всех возможных этимологических, этноспецифических и личностно-эпизодических компонентов, «обижают» некоторые онимы уже существующие в различных языках. В качестве такого примера можно привести несколько фонетически сходных эргонимов и топонимов (название области в Португалии Covide, наименование международной компании по производству медицинского оборудования и расходных материалов Covidien – что вообще создает прецедентную амфиболию и формирует дерогативные

компоненты в интерпретации названия компании, наименование компании по производству соединительных материалов для аудио- и видеотехники Covid). Само существование негативного пространства номинирования пандемии уже предполагает трансформацию конситуативного пространства интерпретации и аксиологической сферы при использовании названий организаций, хотя иногда наблюдается и обратный процесс позитивизации дискурса при актуализации обертонов «противоборство», «неприятие», – так называемая легитимизация построенная на контрастивных признаках. При таком условии перлокутивный эффект реализуется не только в рамках частотного социокультурно нагруженного употребления, но и с помощью создания фонографических ассоциаций несмежных семантических рядов в той или иной лингвокультуре.

Современный словарь английского языка Merriam-Webster, дефинируя лексику «COVID-19», подчеркивает вариативность базового номена метаконцепта ввиду неравномерного распространения номинаций в различных видах дискурса: «called also coronavirus, coronavirus disease, coronavirus disease 2019, CV-19, CV19» (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/COVID-19>). Следует указать на различные типы интенсификации множества компонентов вербализатора, что определяется иллюкутивными целями дискурсопроизводства и, безусловно, влияет на степень реализации перлокутивного эффекта дискурса пандемии, а именно на прагма-аксиологический заряд актуализируемых единиц в условиях легитимизации более широкого, генерализованного именованного возбудителя (вируса), или производимого им морбидного эффекта. Хотя одновременность номинирования возбудителя и болезни ставит весьма серьезные вопросы о примарности критериальных признаков в экспликации двух взаимосвязанных метаконцептов пандемии. Возможно более высокая степень социокультурной нагруженности наименования болезни, выводит её характерологические признаки при конситуативной интерпретации на первый план. Кроме того, необходимо отметить степень освоенности названия болезни, как абсолютно нового, не использованного ранее в узусе как бытового, так и профессионального общения, т.е. обладающего эффектом первичного восприятия и преодоления эпистемологи-

ческого барьера (COVID-19). В случае же с именовани­ем возбу­дителя, мы имеем дело лишь с контекстуально, дискурсно де­терминированной «реновацией» существовавшего ранее аббре­виационного термина SARS-CoV-2 – сокращение от Severe Acute Respiratory Syndrome CoronaVirus-2 (коронавирус тяжело­го острого респираторного синдрома-2) – компонент именовани­я которого – «2» – вызывает к жизни в рамках профессионального медицинского институционального дискурса давно забытые обертоны, вызвавшего в 2003 году вспышку тяжелого острого респираторного заболевания в Китае, известного вируса SARS-CoV. Конкретизатор «2» при этом отражает компоненты новума и «потенциальной творимости», что безусловно усиливает как перлокутивный эффект использования данного номена, так и вводит в дискурсивное пространство пандемии совершенно но­вые социокультурно маркированные элементы, а также расши­ряет конситуативную интерпретацию от локальной и професси­ональной до глобальной и трансдискурсивной (деловой, профес­сиональной, бытийственной и бытовой).

Новая аббревиатура, вызванная к жизни экстралингвисти­ческими причинами (которые в данном случае имеют не только лингвокультурную, но и глобальную детерминацию) призвана реализовать не только номинативную функцию – ведь, как и все номены, она характеризуется системными парадигматическими связями, формируемыми ещё на этапе её внедрения; но и дис­курсорождающую в процессе создания синтагматических и топикально-ориентационных связей. Именно амфиболические корреляции компонентов освоенности и типизируемости вируса-возбудителя и относительная новизна и интенсивность импле­ментации номенов доселе безымянной инфекции создают семан­тические и ноэматические неопределенности, неинтенциональ­ности в употреблении базовых вербализаторов метаконцептов рассматриваемой лингвоконцептуальной области «COVID-19». Данная семантико-ноэматическая вариативность проявляется и в лексико-семантической сочетаемости этих именовани­й при по­рождении того или иного вида дискурса пандемии, что в конеч­ном счете приводит к весьма необычным коллокациям, напри­мер «заболеть / заболеваемость вирусом – заболеть / заболевае­мость COVID», «эпидемия (пандемия) вируса – эпидемия (пан-

демия) COVID». Вариативность проявляется, прежде всего, во введении или нивелировке конкретизирующих компонентов в именовании, при этом, стратегическое нагнетание на основе компонентов «страх неизвестности» происходит преимущественно в рамках тактик иллюстрации, создания «тяжелой» прогностики, негативного оценивания и т.д. Следует подчеркнуть тот факт, что конкретизирующие элементы призваны сформировать поле дерогации, а генерализующие вариативные номены расширяют это уже сформированное пространство (Бредихин, Бредихина, Махова, 2021, с. 122). На основе этого происходит и усиление перлокутивного эффекта битийственных и бытовых дискурсивных практик.

Герменевтико-ноэватический анализ отдельных компонентов вербализаторов в вышеприведенных сочетаниях демонстрирует интенциональную некорректность первых пар: «Заболееваемость – показатель распространения болезней, выявленных и зарегистрированных в течение года среди населения в целом или в отдельных группах (возрастных, половых, территориальных, профессиональных и др.), исчисляемый на определенное количество населения (100, 1 000, 10 000, 100 000 жит.)» (Заболееваемость). В данном случае интенциональный семантический сдвиг призван интимизировать компонента «опасность» на основе внеконситуативного восприятия неосведомленными, наивными реципиентами всего пространства COVID-19 в бытийственном и бытовом дискурсе. Лексема «эпидемия» дефинируется как «(греческий *epidemos* – распространенный среди народа) – категория интенсивности эпидемического процесса, характеризующаяся тем, что уровень заболеваемости определенной заразной болезнью значительно превышает обычно регистрируемый на данной территории за аналогичный период. <...> Эпидемии отдельных заразных болезней в различных условиях характеризуются разной интенсивностью» (Эпидемия). Таким образом, в данной коллокации интенсифицируется компонент «широта распространения» повышающий степень перлокутивного эффекта стратегии нагнетания. Ещё большим психоэмоциональным зарядом в бытовом дискурсе обладает предельный конкретизатор в градационной шкале «широта распространения» «пандемия»: «(*pandemia*; греч. *pandemia* – весь народ в це-

лом) – необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран, континентов; высшая степень развития эпидемического процесса. <...> Пандемии различных болезней с древних времен опустошали города и страны» (Пандемия). Актуализация при этом происходит именно в историческом пласте модификации метаконцептуального содержания, а этимологические компоненты стираются и перестают играть значительную роль в степени нагнетания «страха». Так, в англоязычном бытийственном виде дискурса намеренная ошибка семантической сочетаемости создает в рамках тактики создания «тяжелой» прогностики темпорально-контактные обертоны потенциального «распространения по всему миру»: *Experts say there are several ways discharged patients could fall ill with the virus again* (Stanway, Kelland); *The World Health Organization on Wednesday declared the novel coronavirus outbreak a pandemic* (Gumbrecht, Howard, 2020). Что дополнительно подкрепляется аргументативным дискурсом, а именно апелляцией к авторитету, что создает не только психоэмоциональную эвиденциальность, но и формирует реминисценции с прецедентным именованием организации, призванной контролировать систему здравоохранения во всем мире.

Фонографические производные в некоторых лингвокультурах создают дополнительное пространство дерогации, которое в бытийственном дискурсе, при условии единиц, проникающих в профессиональный институциональный дискурс (медийный, политический) проходит путь идеологизации. Осуществляется этот процесс в условиях вариативного удара в основном вербализаторе на начальном этапе формирования ядерной области лингвоконцептуальной области. Так, посредством игры слов и экскурсивно-рекурсивного слияния в английском и русском языке органично образовалась лексема «*covidiot/ковидиот*», т.е. лицо, определяемое как, *someone who ignores the warnings regarding public health or safety*. Т.е. здесь снова интенсифицируются компоненты социальной значимости на основе лексем «*public*», «*safety*». Различные производные продолжают образовываться на основе базового вербализатора при расширении конситуативного пространства интерпретации. Именно на базе тактики негативного оценивания в контрверсном антонимическом, ироническом высказывании лексема «*covidiot/ковидиот*»

внедряется в дискурсивное пространство, отражающее реалии периода начала повсеместного распространения заболевания: *A person who hoards goods, denying them from their neighbors – Человек, который копит добро, утаивая его от соседей (Covidiot).*

Каждое из обретающих характеристику прецедентности событий в период пандемии находит свой тип производного маркирования с базовой лексемой-репрезентантой, так, для семейных пар, которые в силу сложившихся обстоятельств, причем не всегда связанных с пандемической ситуацией, решились на развод во время пандемии, был создан конкретизирующий вербализатор «*covidivorce/ковидиворс*». В данном случае на основе тактики создания «тяжелой» прогностики актуализируется сопутствующая вынужденному совместному пребыванию и символизирующая разрыв из-за невозможности быть вместе в замкнутом пространстве психоэмоциональная компонента. Само собой разумеется, что эти воспринимаемые на уровне ноэматической (неосознанной) рефлексии компоненты расширяют именно дерогативное поле интерпретации любого высказывания в дискурсе пандемии, что может существенно затруднить достижение адекватного пиерлокутивного эффекта при попытке создать позитивный образ интенсификации обертонов «успешная борьба», «действия правительства», «выход из «тяжелой» ситуации». Т.е. фиксированная схематизация дерогативной области автоматизирует «схемы действия» и создает стереотипы восприятия всего дискурсивного пространства пандемии.

На этой основе каждое из связанных и несвязанных проявлений симптоматики фиксируется как однозначно обусловленное пандемией новой коронавирусной инфекции. Например, уже зафиксированным в словарях является терминологизированное понятие «*COVID toes*»: *COVID toes is an informal name for reddish sores on the toes and sometimes fingers, considered a possible symptom of COVID-19, especially in younger, asymptomatic patients.*

COVID toes have been said to resemble chilblains (pernio), a rash caused by dengue fever, frostbite, and other such lesions. Some experts think the sores could be caused by blood clotting, a known effect of COVID-19 in some patients. More research is needed, however, to determine if the sores are, in fact, a symptom of COVID-19

and what, exactly, causes them (Covid toes). Следует признать некоторое отхождение от традиционных этапов терминологизации в контаминированном дискурсе, испытывающем влияние пространства аргументации «highly likely». Таким образом, даже в профессиональном дискурсе здравоохранения доминантными становятся тактики психомотивизации, повышающие уровень эмфатизации и, с одной стороны, способствующие реализации перлокутивного эффекта, а с другой, снижающие рефлексивную и эмпирическую верификацию получаемой информации. Вне зависимости от того, что в различных видах и даже типах дискурса маркированных топикально, локально и темпорально ситуацией пандемии превалируют термины, квазитермины и предтермины различных научных областей, которые казалось бы призваны наиболее полно и точно эксплицитировать критериальные и дифференциальные признаки именуемого феномена или ситуации, генерализованно общее аргументативное пространство сужается и дискурс пандемии приобретает черты бытового.

В процессе по-знания, классификации, о-сознания и трансляции характерологических признаков того или иного объекта или феномена на основе специфических лингвокогнитивных механизмов, объекты когниции преломляются в трех плоскостях формирования прецедентного мира: 1) социокультурном контексте, 2) лингво-семиозисе и 3) идио-семиозисе. Т.е. именно функционирование и процессы постоянного опредмечивания и распредемечивания смысловых обертонов, концептуализируемых в социокультурном сообществе, ставят человека, как инициатора и участника вышеназванных процессов в центр дискурсоформирования (Б.А. Серебренников, Н.Ф. Алефиренко). Стремление к фиксации отдельных компонентов ядра, ближней и дальней периферии, а также собственных идиоассоциатов в терминологизируемой единице, является определяющим в таких сложных образованиях как дискурс пандемии. В связи с такими процессами актуализации отдельных семем и ноэм, главным в определении стратегий и тактик реализации адекватного иллюкуции перлокутивного эффекта является анализ процессов концептуализации и различных видов рецепции и верификации информационно-знаниевых компонентов, маркирующих исследуемое дискурсивное пространство. Глобальность концептуализируе-

мых компонентов накладывает свой отпечаток на способы и приемы констатирующей интерпретации нового заболевания, имеющего пандемический характер. Вследствие расширения дискурсивных практик пандемии различные факторы объективного и субъективного, национального и транснационального модифицирования являются условием изменения и обновлению лингвокультурных и глобальных картин мира.

В случае распрямления дискурсивного пространства, основанного на трансляции компонентов «highly likely», реципиент зачастую действует на основе некритического буквально-го восприятия, сходного с процессом машинного несемантического перевода. Так лексема «COVID toes» с некоторыми дополнениями в русской лингвокультуре понимается как «неофициальное название красноватых язв на пальцах ног, а иногда и пальцев рук, считающихся возможным симптомом COVID-19, особенно у молодых, бессимптомных пациентов.

КОВИДНЫЕ пальцы ног, как говорят, напоминают обморожения (pernio), сыпь, вызванную лихорадкой Денге, обморожением и другими подобными поражениями. Некоторые эксперты считают, что язвы могут быть вызваны свертыванием крови, известным эффектом COVID-19 у некоторых пациентов. Однако необходимы дополнительные исследования, чтобы определить, являются ли язвы на самом деле симптомом COVID-19 и что именно их вызывает».

Эти эксплицитные ассоциации с другими известными болезнями, зачастую не имеющими специфического лечения, способствуют реализации тактики создания «тяжелой» прогностики. При этом в рамках генерализованной стратегии нагнетания «страха неизвестности» используется и ещё одна тактика иллюстрации симптоматики, что способствует интимизации компонента «неизбежность». Каждый из отдельных приемов – от терминологизации, до псевдоаргументации на основе множества апелляций – расширяет возможности деривации новых единиц на базе все более внедряющегося в различные типы дискурса ядерного вербализатора, транскрибируемого или транслитерируемого в различных языковых системах. Так, в русском языке с его склонностью к суффиксальному словообразованию органично воспринимаются любые дериваты (равно как и номинативные

группы) с конкретизатором «ковидный»: *В Бурятии начнет работать **ковидный госпиталь*** (<https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.baikal-daily.ru%2Fnews%2F16%2F388668%2F>), *Жители Башкирии обеспечат «ковидные» отделения республики зеркалами, посудой и маркерами* (<https://www.interfax-russia.ru/volga/news/zhiteli-bashkirii-obespechat-kovidnye-otdeleniya-respubliki-zerkalami-posudoy-i-markerami>). Отметим, что не только форма (кириллическая транскрипция), но и графическое или эмфатическое выделение в устной речи является отдельным средством интенсификации компонентов «локальность», «глобальность» в институциональном дискурсе СМИ. На основе культурной адаптации исходного термина, превращающегося в визуальный номинант и деривационный компонент, происходит легитимизация именованного ядерного метаконцепта пандемии в любой лингвокультуре, что позволяет исследуемому топикально детерминированному дискурсу обрести статус транснационального.

В различных языках в рамках данного транснационального дискурса пандемии максимальными потенциями семантической деривации обладает сфера антропонимической номинации. Так, одним из средств создания прецедентности, является получение новорожденными в различных странах имен: Ковид, Корона, Санитайзер, Lockout. Прецедентность в данном способе создания мемориального пространства конвергирует с эпизодическими компонентами дискурсоформирования, так достаточно частым является пояснение бытийственного характера: *Родители **гордятся** выбором имен, полагая, что они не только **будут напоминать о трудных временах, но будут счастливыми для их носителей*** (https://www.znak.com/2020-04-04/detey_nachali_nazyvat_v_chest_koronavirusa). В подобной стратегии «положительного» прогнозирования отмечается присутствие тактики самопрезентации в условиях введения социокультурно значимых компонентов в личностное интимизированное пространство интерпретации, а кроме того трансляции идиокомпонентов в общее аксиологически маркированное лингвокультурное пространство позитивизации, с внедрением в содержательную структуру ядерного «дерогативного» метаконцепта компонентов «надежда», «счастье».

Каждый из подобных личностно мотивированных векторов развития бытового и бытийственного дискурса маркируется достаточно действенным лингвокогнитивным механизмом мифологизации, ведущим к сакрализации базовых номенов лингвоконцептуальной области. Мифологемы, создаваемые пандемическим дискурсом, представляются как успешно преодолевающие эпистемологический барьер ввиду разделенности не только отдельным лингвокультурным сообществом, но и всем человечеством. Хотя ценностно-ориентационное пространство может различаться, даже превращаясь в концептуально-валерную идиосистему, отдельные ядерные компоненты вне зависимости от вектора (негативного или позитивного) личностной интерпретации в рамках наличия или отсутствия рецептивного опыта детерминируют социокультурную значимость данных единиц.

В процессе имплементации новых лексем-репрезентантов порождаемых самой жизнью метаконцептов в различные языковые системы вариативность избрания средств номинации практически нивелируется и каждый из языков вынужденно пользуется базовым вербализатором, созданным в английском языке. Интенсификация отдельных конкретизирующих обертонов может проявляться только в рамках деривации производных именованных, причем данная относительная свобода в экспликации лингвокультурного и эпизодического также заметно ограничивается шириной употребления и использованием базового номена в различных дискурсивных практиках. Т.е. множество участников и коммуникативных ситуаций обладает возможностью не только расширить содержательное пространство метаконцепта, но и снизить неологичность образования, органично внедряя его в языковую систему и во множество коммуникативных практик.

Можно утверждать, что в качестве социально и исторически значимого чрезвычайного (прецедентного) события для всего мира пандемия в процессах номинации и деривации формирует специфический эпизодический топикально детерминированный дискурс с особыми контаминированными характеристиками институциональности и персональности. породила так называемый «временный тематический дискурс»: «Тематическое начало выступает одним из первичных оснований для образования дискурса и поддержания его относительной стабильно-

сти. Тема может становиться доминантой дискурса и тем самым дифференцировать его – такие дискурсы, как правило, носят временный или периодически возобновляющийся характер, в зависимости от характера и продолжительности интереса к данной теме в сообществе, осуществляющем данный дискурс» (Силантьев, 2006). В каждом из пандемических дискурсов формируется и транслируется метаконцепт, репрезентирующий как специальные, так и наивные знаниевые компоненты о болезни и её факторах и аспектах. Особенность процессов концептуализации тех или иных феноменов актуализируемых в период эпидемии детерминируется ее динамикой, каждая из пандемических «волн» (подъемы и спады) вносит свои элементы концептуализации и порождает новые конкретизаторы номенов. Определенное и распрямление характерологических признаков в структуре вербализаторов происходит на основе сложных знаков-текстов различных коммуникативных типов, варьирующихся от операционно-информативных, решающих задачи интенсификации знания, до суггестивно-эмотивных, обеспечивающих возможность привнесения индивидуальных аксиологических компонентов. «Для дискурса подъема эпидемии преимущественно характерна информирующая функция, поскольку в нем предъявляется новая для адресата информация, а для дискурса спада – воздействующая функция, т.к. этот тип дискурса соотносится с контролем эпидемии, организацией противоэпидемических мероприятий» (Тарасова, 2013, с. 4).

Институциональный медийный дискурс представляет собой наиболее значимое поле трансляции информации о пандемии, т.е. знаниевые компоненты изменяют саму суть суггестивных дискурсивных практик и создают особую область интенсификации объективного, разделенного всеми членами лингвокультурного сообщества понимания и восприятия базовых критериальных признаков лексем-репрезентант, т.е. «в дискурсе масс медиа наблюдаются признаки научно-популярного медицинского дискурса – прагматически ориентированного способа вербализации научной информации» (Уткина, 2006, с. 3). Однако даже в процессе интенсификации знаниевого компонента в номинировании концептуально значимых феноменов периода пандемии концептуализация претерпевает множество модифи-

каций, так, одной из наиболее востребованных моделей вербализации специальных компонентов, обусловленной перманентным саккадическим движением развития самой эпидемиологической ситуации (спадами и подъемами заболеваемости), является метафорическое моделирование (Тарасова, 2013; Глотова, Кривова, Кульбаченко, 2016). Свойственные человеческому мышлению способы познания мира в метафорике посредством конвергенции элементов сферы-источника и сферы-цели наблюдаются как в языках иницирующей создание основных лексем-репрезентант, так и в системах, воспринимающих имплементированные элементы: *International cooperation and mutual assistance are the main weapons against COVID-19, Chinese President Xi Jinping said on Monday* (<https://en.news-front.info/2020/05/18/xi-jinping-evaluated-the-role-of-international-cooperation-in-the-fight-against-covid-19/>).

Следует упомянуть и конситуативно детерминированную метафоризацию, производимую в рамках институционального дискурса политиков, которая призвана связать воедино феномены различных сфер жизни и легитимизировать некоторые действия в объективной реальности: *Army on standby as Boris declares war on coronavirus with battle plan to kill off deadly bug* (<https://news-video.su/video/12353687>). На этой основе происходит формирование как позитивной (в первом приведенном примере), так и дерогативной (второй пример) области интерпретации описываемого с помощью вариативных метафорических именованной ситуации. Во втором примере данная эпизодическая личностно детерминированная номинация «deadly bug» не просто эвфемизирует базовый номен, но и ремифологизирует компоненты «широта распространения», «неизбежность» создавая ассоциированное пространство с «паутиной», которую расставило человечеству смертельно ядовитое насекомое.

По мнению одного из наиболее именитых дискурсологов нашего времени В. И. Карасика, дискурс пандемии, несмотря на топикальное единство, характеризуется на современном этапе неоднородностью структуры и сложностью моделей порождения – метаконцепты данной лингвоконцептуальной обрасти иррадируют на различные коммуникативно-речевые области, от медицинского профессионального институционального дискурса,

до бытийственного вида ритуального институционального религиозного и персонально-ориентированного общения «на кухне». В качестве ключевого спецификатора, оказывающего влияние на широту коммуникативной имплементации концептов, Владимир Ильич называет именно глобальную общность участников общения, в то время как объективных и рефлексивных факторов их конситуативной интерпретации можно назвать практически бесконечное количество. Объективное информирование в исследуемом виде контаминированного дискурса соседствует с повышением психоэмотивной значимости пандемических феноменов, что реализуется в стратегиях иллюстрации и мифологизации одновременно, как пишет В. И. Карасик, «В массиве официальной информации об эпидемии преобладает рациональное изложение фактов, дополненное целесообразными рекомендациями о поведении в сложившихся обстоятельствах и иллюстрирующее решимость власти держать ситуацию под контролем. Реакция активной части публики на эту информацию в значительной степени эмоциональна, объяснения происходящего носят как рациональный, так и мистический характер, обвинения в адрес власти сводятся к обличению ее некомпетентности и политически маркированы, в публичном анонимном дискурсе высока доля сарказма и черного юмора» (Карасик, 2020, с. 31).

Однако, несмотря на множество векторов развития дискурсивных практик в глобальном дискурсе пандемии, следует признать, что отдельные виды институционального типа доминируют над бытовыми и бытийственными видами. В качестве превалирующих в номинативном процессе, а также в рамках деривации производных от базовых лексем-репрезентант называются политический, научный и правовой виды профессиональной коммуникации, которые и являются донорами ядерной области содержания ключевых номинантов для этических, культурных и социальных дискурсивных практики. При этом в качестве определяющих стратегическое и тактическое наполнение коммуникативных практик наоборот признаются социокультурно детерминированные, значимые в бытовой коммуникации виды дискурса: социальные, культурные и этические, т.е. призванные не номинировать и концептуализировать ядерные концепты, но определить их место в лингвоконцептуальной области, снаб-

дять их аксиологическими компонентами содержания. «The texts operate within and as parts of an ordered universe of discourse. Among the six discourses which emerge from the analysis the scientific, political, and legal dominate the social, cultural, and ethical» (Garoon, Duggan, 2008, p. 1140). Этический дискурс, в принципе, является определяющим видом глобальной пандемической коммуникации в аспекте формирования не только вербальных, но и реально-деятельных стратегий и тактик, а также отношения к предельным понятиям, фиксирующим общественную значимость и актуализирующим то область деррогации, то позитивизации в зависимости от вертикального контекста. Об этом свидетельствует множество исследований современных зарубежных авторов, представляющих социальное направление дискурсологии (Abeysinghe S, Benatar S. R., Briggset C. L, Fidler D. P., Holmes B. J., Kinlaw K., Weiss M. и др.). Именно развитие основных трендов данного вида дискурса позволяет сформировать комплекс реальных мер по защите всех сообществ от последствий новой коронавирусной инфекции, создать столь важные в условиях её распространения «схемы действия» как в реальном, так и в коммуникативном пространстве. Ведь учитывая исторический опыт, в каждой отдельно взятой ситуации экзистенциальной и терминологической неопределенности, отсутствии устойчивой научной базы и наличия полярных точек зрения, неизбежно создаются условия амфиболии понятий и негативных манипуляций, необоснованной имплементации становящихся междискурсивными вербализаторов «самоизоляция», «карантин» и т.п. Формирующаяся лингвоконцептуальная область «COVOD-19» должна избрать в качестве основного вектора номинирования научный, а для создания стратегического наполнения этический виды дискурса, но случайная контаминированность и саккадичность проявлений деривационного процесса при этом должна смениться четкой выверенностью интенционального институционального дискурса взаимодействия, реализующегося в виде поликодового пространства.

ГЛАВА 2. ПОЛИКОДОВОСТЬ И ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ДИСКУРСЕ ПАНДЕМИИ

*Доктор филологических наук, профессор
С.Н. Бредихин
Доктор экономических наук, профессор
Т.С. Ледович*

Как уже было упомянуто выше, поликодимость и полидискурсивность дискурса пандемии на современном этапе развития коммуникации являются ключевыми факторами, детерминирующими не только выбор уже существующих стратегий и тактик интенсификации генерализованного смысла высказывания, но и появления новых, основанных на современных реалиях глобального инкодирования значимых явлений. В рамках специфики интродукции кодов различных видов в текстовое пространство (текст при этом мы будем понимать как Ж. Деррида в качестве объективно-субъективной репрезентации мира) дискурс пандемии представляет собой не только особый способ экспликации различных граней мировоззренческих и мировидческих компонентов того или иного феномена, значимого для всех участников дискурса, но и инструментальное пространство формирования этих граней, т.е. формирования общественного мнения как неравного сумме восприятия критериальных признаков конкретного феномена объективной реальности. Именно в этом аспекте наиболее яркими и представляющими широкий интерес для анализа предстают статические и динамические поликодовые образования (мемы, демотиваторы, краткие контаминированные сообщения, интернет-комменты и т.п.), которые топикально привязаны к лингвоконцептуальной области «пандемия COVID-19». Они могут быть делимитированы на несколько концептуальных зон с ключевыми вербализаторами предельных социально-

исторически маркированных глобальных концептов ЭПИДЕМИЯ, КАРАНТИН, САМОИЗОЛЯЦИЯ и т.д. Стратеги и тактики, функционирующие в данных поликодовых текстовых пространствах, вне зависимости от степени их освоенности контркоммуникантами обладают максимальными потенциями к модификации общей картины мира, причем не только лингвокультурной, но и глобальной. Таким образом, можно констатировать, что этико-эмоциональные компоненты в аргументативном и псевдоаргументативном дискурсе иррадируют на нетипичные к принятию подобных компонентов институциональные виды дискурсивных практик (академический, правовой и др.). Как демонстрирует подробный анализ стратегико-тактического распределения коммуникативного дискурса самоизоляции, проведенный учеными Пятигорского государственного университета М. Н. Лату и Ю. Р. Тагильцевой, в наиболее часто встречающихся и уже ставших прецедентными поликодовых текстах, реализуется специфический ряд тактик, формирующих общее стратегическое развертывание вербально-визуального манипулирования общественным мнением (Лату, Тагильцева, 2021). Ориентация на усредненного гипотетического адресата в данном случае в некоторой степени снимает жесткие формы противостояния процессам имплементации оборотов несвойственных исходным вводным и традиционным векторам распределения дерогативных и позитивных компонентов.

Подобное стратегическое варьирование в рамках генерализованного ментально-вербального плана действия, который определяется иллюкативной целью и психоэмоциональной интенциональной направленностью продуцента высказывания при условии намеренного распределения и полного осознания не только вертикального, но и горизонтального контекста коммуникативной ситуации как некоей совокупности факторов и иерархически организованных планов, создает специфическую прогностику (планирование) и детерминирует способы реализации коммуникативных действий для достижения адекватного перлокутивного эффекта. В рамках данного понимания стратегии более конкретные действия формируют тактики как речевые акты (действия или объединяемые общим интенциональным планом ряд действий), которые должны быть направлены и в

конечном счете способствовать реализации генерализованного плана или достижения логической цели того или иного этапа стратегического планирования и варьирующиеся или же создаваемые с учетом конкретной коммуникативной задачи (Лингвистика ИПВ, 2017, с. 54). Именно тактическое варьирование в контаминированном дискурсивном пространстве и дает возможность эмотивно-аксиологической импринтизации на основе повышения степени влияния как аргументативного, так и психоэмоционального плана. Именно так реализуется суггестия, минуя не только устоявшиеся лингвокультурно детерминированные схематизмы в интерпретации феноменов и событий, но и личностную концептуально-валерную систему как основу внутренней цензуры, так новые схемы закрепляются в подсознании, регулируя дальнейшее поведение человека в объективной и коммуникативной реальности. Рассмотрим данное тактическое варьирование в привязке к генерализованным стратегиям, реализуемым в поликодовом полидискурсивном дискурсе пандемии.

Одной из наиболее часто встречающихся в рассматриваемом виде дискурса является генерализованная стратегия создания психологического напряжения, примарной целью которой можно признать создание общего фона и атмосферы страха, как в эпизодическом восприятии, так и в дистантной интерпретации описываемого феномена или события. Дуга напряженности, формируемая при использовании тактик данной стратегии, призвана не просто напугать реципиента, создать у него особый тип некритического восприятия, но и закрепить данную «схему действия» как алгоритм реагирования на все топикально связанные текстовые пространства. Т.е. изменить мировосприятие феноменов конкретной лингвоконцептуальной области, что является механизмом прямого манипулирования общественным сознанием.

По меткому замечанию Ю. А. Антоновой, данную стратегию коммуникативного поведения, встречающуюся как в динамически структурируемых, так и в статически инкодируемых текстах, построенных на основе имплементации нескольких кодовых систем (визуальных, вербальных, ольфакторно и густаторно маркированных систем), можно с уверенностью отнести к прагматическому типу, который в качестве доминанты имеет «формирование эмоционального настроения посредством ряда вер-

бальных и вербально-визуальных приемов и тактических средств» (Антонова, 2007, с. 76). При этом растиражированность данной стратегии в дискурсах различных типов и саккадичность в выборе вида инкодирования обуславливает высокую степень вариативности базовых тактик, в зависимости от примарной цели создания текста.

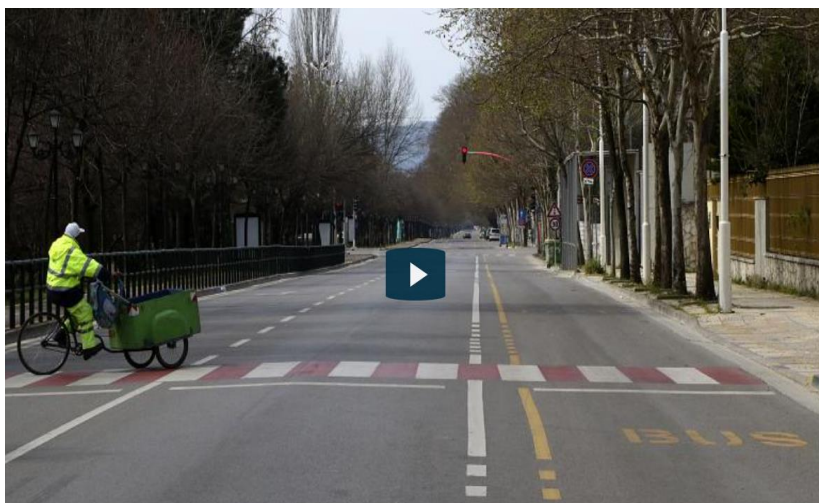
Главенствующей тактикой в рамках данной стратегии является тактика создания «тяжелой» прогностики с экстраполяцией эпизодических компонентов «конец», «гибель», «безысходность» и т.п. на всю дальнейшую жизнь реципиента в рамках темпорально-дистантной прогрессивной эмотивной ассимиляции. При реализации данной тактики ключевым мотивом экспликации является «Какое же будущее ожидает “переживших” пандемию» или «Что же случится если...». Чаще всего содержание подобных полидискурсивных и поликодовых образований интенсифицирует именно личностное видение ситуации и субъективные компоненты оценивания будущего в топикальной привязке к описываемому феномену. Однако следует указать на дистинктивные признаки данной тактики, делимитирующей её от ретроспективной экстремистской тактики, которая характеризуется именно актуализацией субъективного рецептивного опыта, пережитого продуцентом высказывания и связанного с социокультурной памятью отдельной группы или целого сообщества. В прогностической экстремизации доминантой является именно компонент «неизвестности» будущего, который и вызывает к жизни ужас и страх – «было плохо, а будет ещё хуже». Рефлексивно-волеятативный тип формирования характеристик будущих событий создает надуманность, фаталистичность и трагизм, свойственный антиутопиям. Невозможность пережить подобные эмоции и после этого создать дискурс на луче данной рефлексии формирует особое интерпретативное пространство, которое детерминируется только апперцептивными факторами.

Типичным приемом реализации данной тактики является трансфер чужого опыта, представляющий собой построение релятивных отношений и ассоциативных рядов как с текстами эпизодического порождения, так и с прецедентными текстами культуры, например, отсылка к различным антиутопиям. Картины псевдореальности постапокалиптического существования в

мире, где после эпидемии остается минимальное количество людей, или же люди находятся на самоизоляции, редко покидая свое жилище для поисков пропитания, встречаются во многих поликодовых динамических и статических текстах дискурса пандемии.

Нередки констативные высказывания, сопровождаемые видами пустых улиц, похожими на «сталкерскую Зону» или иллюстрации с улиц городов после Чернобыльской катастрофы:

COVID-19 опустошает планету

(<https://ru.euronews.com/2020/03/23/europe-wrap-monday>)

Как наблюдается в приведенном выше визуальном компоненте, представляющем собой видео с улиц Тираны (Албания), наличие отдельных персонажей в форменной одежде напоминает костюмы химзащиты или ядерной защиты, прогнозирует удручающее развитие событий в будущем. Основывается это на стереотипном восприятии непроходящей биоугрозы, которая «выкашивает» города и страны, превращая их в «призраков».

Кроме того, в полидискурсивных поликодовых текстах пандемического дискурса присутствуют реминисценции с постнеклассическими антиутопиями, создающими картину сосуще-

ствования выживших людей (чаще всего ими представляются непривитые антиваксеры, сохранившие человеческое лицо в буквальном смысле) и нечеловеческой расы, в которую превратились все привитые, зомбированные и т.д.: *Как используя COVID-19 людей превратят в подконтрольных апокалиптических зомби* (<https://shabdua.livejournal.com/7569988.html>). Расщепление человеческого общества, интенциональная актуализация различий и сегрегации, является одним из ключевых приемов создания «тяжелой» прогностики в рассматриваемых текстах, именно трансгрессионная интертекстуальность и служит основой полидискурсивности, контаминации институциональных и персональных типов коммуникативных практик. Отдельные мировосприятия и эпизодические компоненты их репрезентации сливаются в несколько, чаще всего в два антогонистических мировоззрения, которые характеризуются контрастной экспликацией архетипической оппозиции «свой – чужой». Дуальность бытийственности отражается в амфиболичной контаминированной коммуникации, имеющей признаки как аргументативного, так и псевдоаргументативного психоэмоционального дискурса.

Вышеописанные приемы в большинстве случаев коррелируют с приемом гиперболизации, который носит прогностический темпоральный характер, ещё более усиливающий компоненты «шок», «безысходность»:

Привет, я прибыл из будущего. Какой сейчас год?

– 2020-й

– То есть, десятилетний карантин только начался?

Таким образом, можно сделать вывод о доминантной экспликации дерогативного пространства в конситуативной интерпретации будущего, что может оказывать негативное влияние не только на рефлексивное пространство коммуникации, но и привести к неадекватной модификации глобальной картины мира, а значит и повлиять на схематические действия в объективной реальности. Вызвать стагнацию в экономике, создать предельные уровни волатильности, «подстегнуть» инфляцию.

Следующей тактикой, реализуемой в рамках стратегии повышения психологического напряжения, является иллюстрация. Она базируется как на наглядном (визуальном) иллюстрирова-

нии описываемого феномена, так и на вербальном символично-метафорическом её представлении. По мнению Ю.А. Антоновой (Антонова, 2007, с. 84), объективное или актуализируемое со ссылкой на эмпирическую верификацию изображение всегда создает эффект максимальной легитимизации мнения, трансформирующего восприятие объективной реальности. Ключевыми средствами демонстрации при использовании данной тактики в статических поликодовых текстах являются:

- 1) визуализация фразеологических выражений

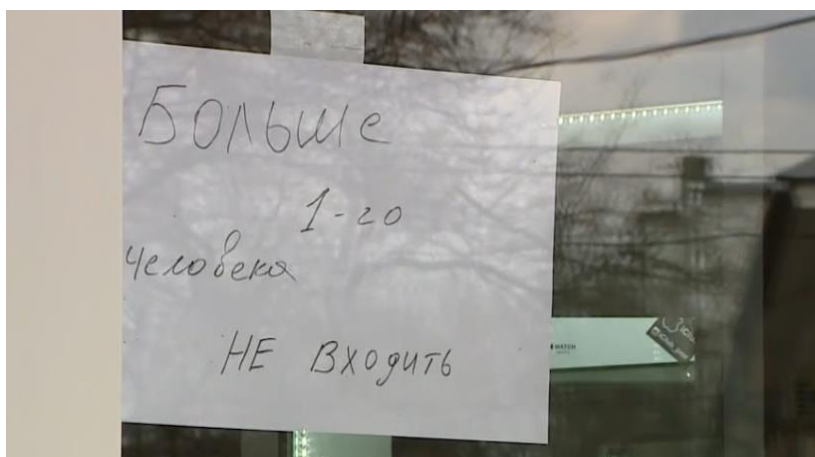
В приведенном примере, происходит интенсификация известного выражения «мышь в холодильнике повесилась», дающего недвусмысленные реминисценции к возможной экономической ситуации в различных странах при участившихся затяжных «локдаунах». При этом следует экстраполировать этот статический поликодовый схематизм на условия вынужденной самоизоляции и отнести его глубинное содержание к актуализации дерогативного пространства.

- 2) приведение эпизодически интерпретируемого эргонимического конкретизатора (объявления в магазинах, изменение графика работы учреждений и т.п.)

В данном примере эксплицируется не только иллюстрация факта закрытия с примарными каузаторами, но и имплицуруется схематизация конситуативного темпорально-контактного восприятия общепонятной, ставшей прецедентной ситуации, носящая дерогативный характер.

3) в некоторых случаях имплицитность каузации вызывает к жизни особые гипертексты, формирующие интенциональную амфиболию с компонентами «полимодальные опасения» (за здоровье, за состояние бизнеса, за возможность наказания в условиях несоблюдения предписаний):

Тактика схематизации рецептивного опыта, т.е. рассказа о собственных пережитых волнениях и опасениях, используется не только для повышения психоэмоционального напряжения, но и для констатации факта вне зависимости от вектора его оценивания:

Странно, что в условиях пандемии никто не брал мазки у пассажиров по прилёту. Никто не контролирует соблюдение нами самоизоляции (<https://www.miloserdie.ru/article/samoizolirovalis-istorii-rossiyan-perestavshih-vyhodit-iz-doma-chtoby-uberech-drugih-ot-virusa/>).

Другой интенсифицирующей коммуникативной стратегией, способствующей актуализации социокультурных компонентов, влияющих на векторы интерпретации феноменов объективной реальности в условиях разворачивания дискурса пандемии, является ирония и юмор.

Следует подчеркнуть, что в случае легализации собственных эпизодических компонентов большинство продуцентов следует векторам распределения общезначимых смыслов. Для обеспечения, так называемой, интимизации, внедрения индивидуальной «схемы действия» «автор нацеливается на создание комического эффекта, обыгрывая пресуппозицию читателя» (Бредихин, Бабаянц, 2019, с. 172), т.е. адресатная маркированность, как ни странно, является превалирующей в индивидуальной стратегии.

Появление поликодовых полидискурсивных единиц, которые строятся на примарной интенсификации «юмора, иронии, а порой и сарказма <...> свидетельствует о значительных трансформационных изменениях, происходящих в прагма-смысловом пространстве» (Храмченко, 2017, с. 70) исходно институционального дискурса. Обычно в качестве доминанты ироничного в контаминированном дискурсе выступает мотив контраста, иногда приобретающий форму парадокса. Однако, возникает вопрос, для чего использовать множество систем кодирования для производства стандартного контрастного юмористического высказывания в уже осложненном полидискурсивностью высказывании? Ответ напрашивается сам собой – «”выходящие за пределы разумного” мыслительные содержания обусловлены особой формой мышления, и невозможностью стандартного

языка вербализовать подобные формы мышления» (Бредихин, 2013а, с. 569).

Кроме того, различные тактики волюнтаризации и потенциализации: экспликация ожиданий, игровых форм, онейрического восприятия и т.д., способны распространить свое влияние в процессе изменения мировосприятия реципиентов именно благодаря не жесткой аргументации, а на основе предположительности. Хотя и в этом случае каждое из высказываний, предполагающих вариативность генерализованного содержания и потенциальную возможность прототекстуальной прецедентности, должно в итоге «завершаться именно актами интендирования (приращением субъективности, модальности, значимости), непомерным расширением герменевтической ситуации («игрового» смыслопорождения, переразложением этимологических основ, герменевтическим кругом и т.д.)» (Бредихин, 2013б, с. 374).

Компоненты, обуславливающие реализацию ожидания, в данном случае имеют внешнюю, поверхностную импелментацию, что модифицирует только способ восприятия, не влияя на глубинное содержание, не модифицируя конситуативную интерпретацию. Но способ суггестивного воздействия формирует определенную «схему действия» у реципиента, что способствует восприятию последующего содержания и всех текстов данной тематики в уже импринтном ключе. В процессе актуализации релевантных для конкретной ситуации эпизодически интерпретируемых смыслов или «переразложении имеющихся смыслов в новых структурах на первый план выступают периферийные концепты, а именно: окказиональные деривационные модели и интенция автора» (Бредихин, 2014, с. 13).

Отдельно необходимо остановится на людических мотивах воссоздания псевдореалистического пространства как фона интерпретации текстов пандемического дискурса. При условии непротиворечивого сочетания различных типов инкодирования и легитимизации содержания каждый из исходных имплицитных констативов эпизодического характера, может в рамках начального этапа внедрения «схемы действия» трансформироваться в перформатив, который в свою очередь напрямую диктует векторы восприятия и интерпретации и «функционирует

уже в качестве личного ценностного ориентира, который оказывает манипулятивное воздействие, изменяя коллективное ментальное обязующе-действенное пространство» (Бредихин, Бургакова, 2020, с. 17). Эти временные интерпретативные пространства и служат как основа восприятия ситуации в объективной реальности, формируют ироничное отношение к сложившейся эпидемической, кокономической и политической ситуации. Вполне возможно, что так происходит «очуждение» информационных и знаниевых компонентов, что способствует «выживанию» в сложных условиях пандемии. А повторяемость структурных компонентов, экстраполяция «схемы действования» в большинстве случаев приводит к нивелировке позитивной области, к её развенчанию и миграции положительных компонентов в дерогативную область оценивания происходящего.

В случае имплементации иронических компонентов в процессе концептуализации феноменов в дискурсе пандемии происходит актуализация как дерогативного, так и позитивного пространства, т.е. в той или иной мере тапикально-мотивационные характеристики присущие различным типам и видам дискурсивных практик проявляются в нем в полной мере. Именно в связи с данным фактом можно говорить о символической поликодности и полидискурсивности рассматриваемой коммуникации. Интенсифицируемые контрастивные единства призваны сформировать специфический фон конситуативной интерпретации описываемых событий, актуализируются компоненты «новум», обертоны «неузуальность», «ситуативность», «темпоральность». Таким образом, создается схематизм восприятия негативных компонентов как несвойственных традиционному мировоззрению, противоречащих здравому смыслу. Людические компоненты при своей экспликации легитимизируют частотные характеристики и специфическое социокультурное имплементации эпизодических «схем действований» в период пандемии. Акцентуация онейрических, волюнтаристических и потенциальных форм вербального прогнозирования описываемых событий призваны сформировать у реципиента исходные и закрепляемые в процессе развертывания дискурса компоненты псевдореального восприятия.

В качестве примарной цели реализации стратегии иронизирования в пандемическом дискурсе следует признать легитимизацию обыденности, формируемой на луче темпорально-дистантной рефлексии в условиях дуративного форманта описания. Изменение схематизма в интерпретации с негативного на «очуждаемо»-индифферентный дает возможность трансформировать концептуально-валерную систему лингвокультурного и глобального сообщества в процессе высмеивания гипертрофированных положительных или отрицательных оценок концептуализируемых феноменов пандемии.

Так, критике в иронической форме подвергаются действия правительств различных стран, реагирующих на всплески заболеваемости в якобы демократическом ключе, средствами явно тоталитарного характера: *Коронавирус как правящий субъект: секулярные боги чумы* (<https://www.geopolitica.ru/article/pandemiya-i-politika-vyzhivaniya-gorizonty-diktatury-novogo-tipa>). В данном случае продуцент не только создает иерархию комических элементов посредством соединения институционального юридического и ритуального дискурсов, но и мифологизирует иронию с помощью конвергенции компонентов лексемы «секулярный». С одной стороны, интенсифицируется темпоральный эпистемологический сдвиг в парадигме восприятия регулятивных механизмов человеческого общества (в этимологическом значении лексемы-репрезентанта «секулярный»), а с другой стороны, актуализируется контрастное ритуальному культурному концепту БОГ содержание – «независимый от церкви».

В комическом представлении реализуется и прогностика «тяжелого» будущего и жалость к собственному существованию: *Не столько от домашних обязанностей, или от снижения зарплаты, или необходимости постоянно отвлекаться на нужды младшего или на корректировку учебы старшей, сколько от давящей неизвестности* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5cc1e13b6e47b000b322069c/kak-ia-preodolela-sindrom-vygoraniia-na-samoizoliacii-5e9a29174b1b0c58c88d64e6>). Представление обыденных событий в рамках формирования прогностики «страха» и «неизвестности» интимизирует подобное восприятие действительности для всех реципиентов, а трансгрессия про-

странства узуальности и нерцептивного опыта формирует комический эффект на основе приема обманутых ожиданий.

Кроме того, в рамках реализации стратегии иронизирования используется тактика наивного дефинирования, при которой основой имплементации социокультурных компонентов, интимизируемых в полидискурсивном поликодовом пространстве, служит представление описываемого феномена в терминах речептивного опыта, т.е. контаминация сферы-источника и сферы-цели из объективной и рефлексивной реальности. Именно подобное «опредмечивание» позволяет апперцептивному опыту и знаниевым компонентам проникать во внутреннее концептуально-валерное пространство индивида, а продуценту эксплицировать собственное отношение (Храмченко, 2017, с. 71). При этом константы ситуативности и темпоральности играют примарную роль в интенсификации комического компонента, создавая интердискурсивное пространство взаимопроникновения мировоззрения и мировидения, базирующееся на перманентной смене типов инкодирования (Bredikhin, Tsybulevskaya, 2020, p. 1508). Аксиологический сдвиг в конситуативной интерпретации темпорального аспекта рецепции вне смены локативных характеристик происходит в рамках интенсификации мифологического времени «здесь и сейчас» как вечного, непреходящего и детерминирующего как эпизодическое, так и дальнейшее восприятие описываемых ситуаций.

В процессе имплементации комических компонентов сфера-источник в основном детерминируется визуальными компонентами, которые вводят в пространство конситуативной интерпретации материальные феномены, служащие для отсчета рефлексивных темпоральных целевых пар. Например, при прояснении механизмов «растягивания» времени наиболее важным становится тактика повышения психологической напряженности: *Страх ускоряет наш внутренний ритм* (<https://kp-ru.turbopages.org/turbo/kp.ru/s/daily/27127/4212013/>). В данном примере наблюдается стандартное расширение персонного влияния на ход наблюдения в эксперименте по Юнгу. Так, находясь внутри системы координат при исследовании того или иного феномена, включенность реципиента в процесс изменяет его результаты, однако, в случае с рассматриваемым типом дискурса

изменения происходят не в самих объективных результатах, а в восприятии течения эксперимента. Т.е. для продуцента высказывания в рамках пандемического дискурса процессы изоляции, нахождения в стационаре/реанимации и т.д. растягиваются и исчисляются количеством «связанных вещей», «прочитанных книг». При «вынесении за скобки» реципирующего субъекта время наоборот «схлопывается» и с каждым прожитым на самоизоляции днем темп его течения ускоряется, измерение при этом также осуществляется с помощью материальных объектов, например, денежных средств, которыми располагает субъект описания ситуации.

Ещё одной доминантной тактикой реализации стратегии юмора служит тактика контраста в экспликации событий «до и во время / после эпидемии». Контрадикторные и контрастивные компоненты реализуются в основном в статическом поликодовом тексте по типу сопоставления изображений «до и после», при этом в основном для интенсификации социокультурного компонента избираются прецедентные образы, которые приняты в качестве схематизмов в глобальном пространстве интерпретации:

Тактика черного юмора в дискурсе пандемии коррелирует с тактикой экспликации «тяжелой» прогностики, которая в комическом компоненте интенсифицирует отсылку к прецедентным текстам культуры. Именно в данном аспекте можно наблюдать лингвокультурную маркированность визуального или символично-метафорического плана. Например, реминисценциями к русской культуре обладает следующий поликодовый статический мем:

Тут обсуждают, чем
заменить рукопожатие. Не
могу промолчать.

Во всех тактиках реализации стратегии иронии/юмора наблюдается предельная гиперболизация описываемого события, данный прием формирует не только утрированное изобра-

жение объективной реальности, но и имеет наибольшую степень суггестии, вовлекая реципиента поликодового текста в трансляцию не только элементов ироничной интерпретации, но и имплицитно заложенных дерогативных или позитивных компонентов концептуально-валерной системы продуцента.

В процессе формирования позитивного пространства интерпретации реализуется коммуникативная стратегия нейтрализации, позволяющая нивелировать дерогативное поле оценивания и сформировать у реципиента необходимые векторы восприятия действий тех или иных компетентных органов в контроле над ситуацией. Первичной целью данной генерализованной модели коммуникативного поведения является перераспределение дискурсных элементов в иерархии от положительного к отрицательному с установлением конкретного места на градационной шкале. При этом следует отметить, что частотность появления контрастивных пар следует логике «от аргументативных к психоэмоциональным». По мнению О. С. Иссерс, эта стратегия является доминантной в процессе создания эмоционального фона интерпретации. Институциональный дискурс медиа и политики в этой топикальной области иногда принимает критериальные показатели персонально-ориентированных дискурсивных практик и органично включает в свой тактический аппарат псевдонейтрализацию, строящуюся на ироничном изображении мнения противников и скептиков.

Однако наибольшую широту в использовании демонстрирует тактика экспликации положительного опыта. При этом следует отметить наибольший интимизационный потенциал индивидуальных компонентов, которые призваны познакомить реципиента с личностным пространством и сформировать иллюзию совместного переживания не в рефлексивной, но псевдообъективной области действия. Рассматриваемая тактика находит свое широкое применение в случае акцентуации наиболее выигрышных, по мнению автора, аспектах сложившейся ситуации, их демонстрации и подкреплении «случаями из собственного опыта». В этом случае сопутствующими оказываются тактика иллюстрации (как визуальной, так и вербальной), зачастую с прецедентным подкреплением.

Пару дней было недомогание и низкое давление. Но через два дня – как огурчики! При этом мы так и не разу не заболели

в период первой волны и второй (<https://www.b17.ru/article/330061/>).

В вышеприведенном примере воздействие на общественное сознание посредством эпизодического личностного компонента подкрепляется не только устойчивым выражением **как огурчики**, но и специфическим синтаксисом и ненамеренными речевыми ошибками, которые придают высказыванию интимизирующий суггестивный потенциал. При этом контрастивное изображение не имеющих серьезных клинических последствий «побочных эффектов» в качестве инициальной посылки, позволяет нивелировать данную информацию в дуге напряжения.

Одной из наиболее часто реализуемых тактик в рамках данной стратегии является эксплицитная директивизация, т.е. высказывание советов. Доминантной целью этой тактики представляется успокоение реципиента, формирование благоприятного фона для восприятия последующей информации, направленной на подавление панического настроения или депрессивного состояния.

*Да, так будет даже лучше, если сначала сдать кровь на антитела, а потом уже принимать решение "за" или "против". **Руководствоваться надо не пропагандой, а собственным выбором...*** (<https://www.b17.ru/article/330061/>).

Акцентуация при этом производится также на контрасте, однако, имплицитное, подспудное, часто формируемое на основе номематической темпорально-контактной рефлексии введение необходимой продуценту «схемы действия» превалирует над дерогативным пространством гипотетической оценки события.

Иногда данная тактика совмещается с тактикой иронии на основе чего выстраивается контаминированное пространство институционального и бытового дискурсов, легитимизирующее личную оценку на основе введения прецедентного текста. Прецедентный текст при этом вводится не напрямую, а в форме комментативной ремарки, лишь аллюзивно сопровождающей высказывание:

Психологи успокаивают: пара недель в кругу семьи в изоляции пойдут только на пользу. Самоизоляция это только первые 5 лет тяжело... Потом привыкаешь. (с) Робинзон Крузо.

Непосредственный директив превращается в способ синтонного создания пространства единения и благоприятного психологического климата в обществе, в противовес конфликтогенному действию директивного высказывания.

Подобные же приемы характеризуют и тактику интенсификации собственного превосходства, которая нацелена на демонстрацию фактов рецептивного опыта на основе констатива «У меня всё происходило гораздо лучше, чем у других». В этом случае имплементируемые образы и символы вне зависимости от их вариаций выстраиваются по принципу прямого или косвенного сравнения.

Моя болезнь проходила относительно легко, я даже вроде и не почувствовал её, мой сосед зря страдал ивлом и лежкой пятой точкой кверху...

Можно заметить, что комические компоненты в визуальном прецедентном для той или иной лингвокультуры компоненте, не только эксплицируют сочувствие к заболевшим и оказавшимся на самоизоляции, но и транслируют внутреннюю причастность, интимизируют обортоны «легкая жизнь», «отдых» и т.п.

Когда во время карантина вспоминаешь о былой насыщенной жизни до карантина

При последовательном выстраивании дерогативного пространства дискурса пандемии реализуется генерализованная стратегия диффамации – транслирования порочащих характеристик и сведений об описываемом феномене. В анализируемых поликодовых интердискурсивных текстах объектами критики псевдоаргументативного дискурса выступают правительство и меры по предотвращению распространения эпидемии. Базовыми тактиками в данном случае выступают: формирование негативного подтекста, примитивизации феномена, прямой инвективизации.

Так, тактика формирования негативного подтекста реализуется за счет создания контаминированного визуально-вербального единства посредством отсылки к прецедентному событию, содержащему негативные обертоны.

Во многих поликодовых текстах пандемического дискурса таргетом становится правительство как персонифицированный субъект деструктивных ограничений, а также собственно объек-

тивно предпринимаемые жесткие меры по предотвращению распространения эпидемии, в связи с чем некоторые авторы в выражаемых субъективных представлениях об условиях как собственной жизни (эпизодический ситуативный компонент), так и деятельности отдельных социальных институтов и государства в целом, создают главным образом с помощью гиперболизации ассоциативные пространства контаминации с образом тоталитарного государства, тайная полиция и сыскные мероприятия в котором играют доминирующую роль в жизни. Эксплицируются в визуальном и вербальном кодах такие компоненты как «арест», «охота», «заключение» и т.п. Слежка за гражданами и случаи доносов «на ближнего» превращается в релевантный мем в «гражданском обществе», что создает области дерогативного аксиологического пространства. Аллюзии подобного рода весьма характерны и легко распознаются в различных лингвокультурах, особенно имеющих в структуре социокультурной и исторической памяти соответствующее подкрепление (СССР, ГДР, КНР ит.д.).

Также одной из наиболее востребованных в дискурсе пандемии и рестрикции выступает тактика примитивизации объекта описания. В данном случае наблюдается широкий спектр приемов примитивизации, от детализации описания в формате «наивного» повествования до формирования образа псевдокомпетентного диегетического (непосредственного участника описываемых событий в роли специалиста) и недиегетического (стороннего наблюдателя-специалиста) нарратора.

При этом может приводиться детализация отрицательной характеристики объекта речи в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), за счет которой создается иллюзия компетентности автора поликодового текста, а тональность осуждения и отрицания самой ситуации, созданной объектом, лишь усиливает этот эффект. Так, абсурдность трактовки «падения человека из окна» как попытки нарушения режима изоляции, повлекшей за собой санкции – штраф, в итоге может спровоцировать в коллективном сознании резкое неприятие общей ситуации и распространение дерогативных компонентов на все поле пандемического взаимодействия личности и государ-

ства. Данные компоненты могут вызвать деструкцию базисного элемента культуры единения общества в кризисных условиях.

*Лучше дома: как погибают нарушители самоизоляции
Как россияне погибают, нарушив режим самоизоляции*

Третьей ключевой стратегией контаминированного дискурса пандемии выступает косвенное негативное оценивание объекта описания. Специфичным для всех тактик данной стратегии выступает выявление на основе псевдоаргументативного анализа и диффамация на основе ассоциативных компонентов, присутствующих в нескольких сравниваемых областях.

На основе личностной парадигматики выстраивается пространство сравнения, зачастую обладающее амфиболическими (неоднозначными) характеристиками и способствующее созданию дерогативного пространства оценивания мер противодействия новой коронавирусной инфекции. Таргетная дискредитация на основе акцентуации негативных компонентов и связывания их с компрометирующими аспектами источниковой сферы формирует в коллективном сознании устойчивую модель констатирующей интерпретации, распространяющей свое действие на другие схожие ситуации.

При реализации данной стратегии основное внимание направлено на тактику суммирования мелких недостатков, которую можно обозначить как синергетическую дискредитацию. Негативные детали объекта описания в их эпизодической ситуативной интерпретации находят свои корреляты в ассоциированных областях и создают целостный негативный образ.

Очень часто при формировании определенного мнения об объекте описания ключевую роль играют незначительные на первый взгляд или же нерелевантные в его сущностных характеристиках детали, уточняющие или поясняющие поверхностные его характеристики или характер взаимодействия с иными областями рассматриваемого события. В совокупности синергетическое взаимодействие данных «мелочей» обладает потенциальностью к развенчанию любого позитивного образа, который мог складываться на основе интенционально имплементированных компонентов (в СМИ, официальных речах, политическом дискурсе пандемии и т.д.).

Выпавшего из окна москвича спасли и оштрафовали за нарушение самоизоляции

В данном контексте частный конкретный случай злоупотребления властью и абсурдность поведения в институциональном дискурсе агентов сформировала общее негативное отношение в коллективном сознании к мерам самоизоляции, образ которых в рамках интенционально имплементируемых компонентов «необходимость», «забота об окружающих» и т.п. формировался в медиа достаточно долго и носил исключительно позитивный характер.

Следующей по значимости в рамках данной стратегии является тактика создания в интерпретативном пространстве компрометирующих ассоциаций, которые призваны сформировать и транслировать негативные представления о властных структурах как доминантных агентах, определяющих векторы развития дискурса и схематизирующих действия в объективной реальности. В этом случае наиболее распространенным приемом является экспликация прямых реминисценций к советскому или фашистскому прошлому, т.е. внедрение в визуальный код прецедентных феноменов с сохранением схожей текстовой структуры лозунга или плаката.

С одной стороны, подобные аллюзивные компоненты, содержащие гротескную интертекстуальность, транслируют и подкрепляют сложившуюся в коллективном сознании негативную оценку (на основе реминисценции, нашедшей отражение в прецедентных текстах анекдотов), а с другой – создают условия для конситуативной интерпретации мер по противодействию COVID-19 в качестве неприемлемых в «гражданском обществе».

Зачастую прецедентные имена также могут транслировать курьезность предпринимаемых мер и выводить весь дискурс ограничительных мер в дерогативное пространство оценивания реципиентами:

Полицейские догнали в открытом море и оштрафовали Федора Конюхова за то, что он далеко отошел от своего дома (<https://www.anekdot.ru/id/1106991/>).

Исходя из представленного анализа, стратегии диффамации и косвенного негативного оценивания объекта направлены на создание подрыва доверия к власти и формирование сомнения в правильности ее действий в стремлении охранить порядок в период пандемии, но самое примечательное здесь заключается в том, что эти стратегии способствуют выстраиванию архетипической дихотомии «СВОЙ» (граждане, находящиеся на самоизоляции) и «ЧУЖОЙ» (правительство, представители правопорядка), наделяя последнего негативными качествами, способными вызвать неприятие, отторжение у «СВОИХ». При этом существует особое пространство, нивелирующее градационную шкалу в оппозиционной системе координат, вариативность и возможность легитимизации каких-либо действий со стороны «ЧУЖИХ» полностью отрицаются. Для этого идет в ход коммуникативный ход «Он похож на ...», целью которого является создание необходимых говорящему сравнений, ассоциаций, способствующих переносу негативных оценок с одной когнитивной области на другую. Так, очень часто современный режим сравнивают с тоталитарным, опирающимся на сыскной полицейский режим со всеми его последствиями.

Следующей стратегией интенсификации специфических компонентов дискурса пандемии становится формирование волюнтаристического пространства «жалости» к «жертвам» коронавируса. При этом абсолютно не важно, являются ли жертвы реаль-

но пострадавшими от инфекционного заболевания, или же негативные последствия проявляются в экономическом (страдает бизнес, разрушаются связи, теряется привычный уровень жизни), психологическом (чувство неуверенности в завтрашнем дне, стресс и т.д.) или социальном (одиночество, потеря близких) аспектах.

Целью в данном случае является формирование чувства жалости к объекту описания или усиление у реципиента сочувствия, сострадания к людям, оказавшимся в непростой ситуации, а на основе механизма интимизации и экстраполяция данных ощущений на самого себя, и в результате сформировать в его сознании образ несчастных заложников обстоятельств, вынужденных самостоятельно справляться с трудностями, с которыми ранее им не приходилось сталкиваться. Примечателен и тот факт, что именно стратегия пробуждения сочувствия, по мнению Л. Лаукса, содержит в себе интенцию «нуждающийся в помощи», а значит и в сочувствии.

В рамках этой генерализованной стратегии примарной тактикой реализации иллюкутивных целей представляется изображение трудностей обыденной жизни. Практически все поликодовые и полидискурсивные тексты пандемического искурса, в которых реализуется данная тактика, направлены, с одной стороны, на иллюстрацию проблем вакцинации, самоизоляции, карантинных мер и т.п., с которыми сталкиваются индивиды, оказавшись один на один с трудностями выживания в кризисных условиях, а с другой – на трансляцию отношения самого автора к той или иной описываемой ситуации, при этом повествование зачастую ведется от лица диегетического нерасчлененного нарратора. Поэтому нередко для усиления эмоционального воздействия на реципиента, как и в случае с тактикой трансляции негативного собственного опыта, избирается особая форма повествования – от имени «жертвы COVID-19», чтобы сообщение казалось более убедительным, достоверным и не вызывало сомнения, что предполагает использование приема «маски»: говорящий берет на себя роль жертвы, повествующей о своих трудностях, советчика, собеседника и др. Это стандартный прием в процессе интимизации повествования, повышающий степень эвиденциальности и снимающий хеджинговые планы коммуни-

кации. Большинство поликодовых текстов дискурса пандемии, транслирующих трудности повседневной жизни людей в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции, подается как переживание автора, который занимает определенную позицию – неприятия, непонимания ситуации с вынужденной самоизоляцией и ее последствий. И именно «позиция в данном случае равнозначна „маске“, которую надевает на себя адресант, желая скрыть свои истинные намерения и добиться своей цели» (Антонова, 2007, с. 82). Таким образом, псевдоаргументация может быть подкреплена ссылкой на «авторитетного пишущего» повествователя, что создает большой кредит доверия и усиливает суггестию.

Так, например, к упоминаемым трудностям, переживаемым практически всеми представителями не только отдельного лингвокультурного сообщества, но имеющим глобальный характер, относятся:

1) проблемы по осуществлению трудовой деятельности в удаленной форме, сюда же можно причислить и трудности дистанционного образования:

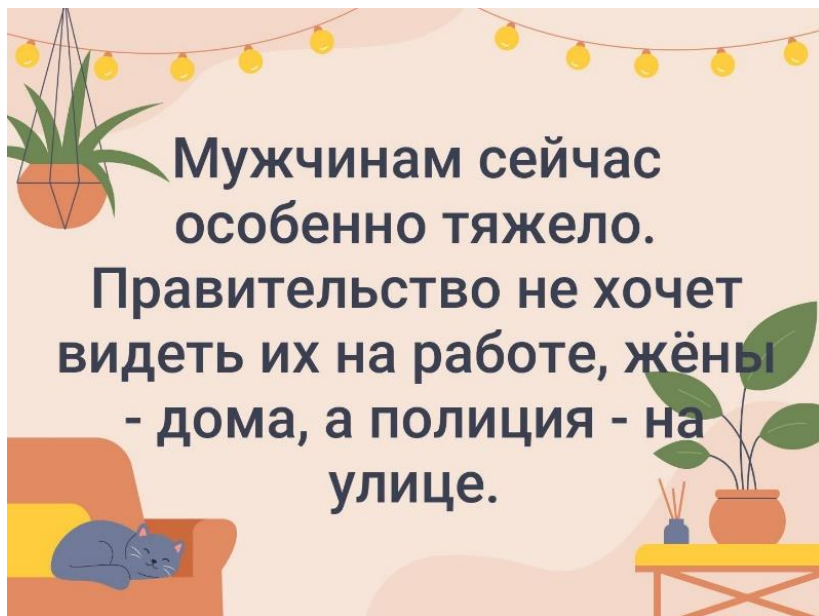
2) проблемы долгого совместного нахождения в закрытом пространстве, в данном случае наблюдается контаминация с приемом гиперболизации и тактикой демонстрации на основе прецедентных текстов культуры:

3) трудности взаимодействия в различных социальных институтах в условиях ограничений доводятся до абсурда:

В данном случае возникают ироничные или саркастичные тексты, строящиеся на основе стереотипного изображения действительности и попытке экспликации гипертрофированных горизонтальным контекстом критериальных признаков лингвокультурных типажей:

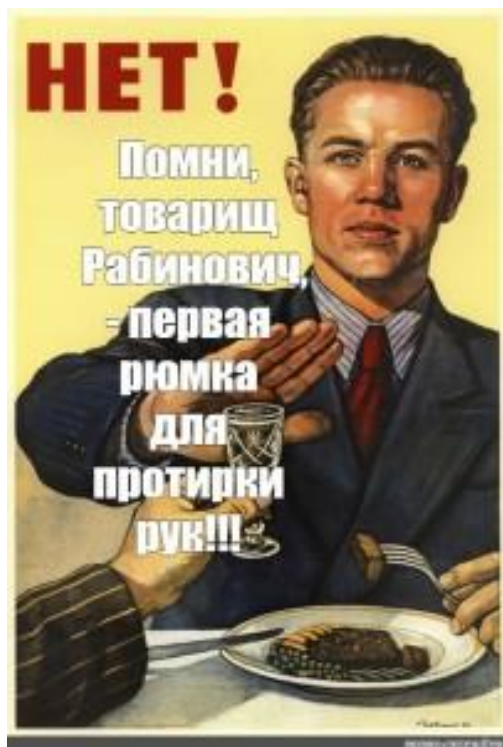

В вербальном плане наиболее востребованными средствами подобных полидискурсивных образований будут являться: во-первых, использование личного местоимения первого лица единственного числа «я», его падежных форм, а также притяжательного местоимения «мои», определительного местоимения «сам», которые свидетельствуют прежде всего о самопрезентации автора, согласии с выражаемым мнением, отождествлении с изображаемым субъектом. Для этой же цели используются и глаголы первого лица единственного числа, указывающие, что автор заявляет о себе как о субъекте данных действий. Во-вторых, в ряде текстов встречается модальный глагол «мочь» в изъявительном наклонении и предикат «нельзя», являющиеся

маркерами субъективной модальности эпистемической возможности, выражающей порой неполноту знаний говорящего о чем-либо. Обычно данная категория используется тогда, когда рассматриваются разные возможности мира и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место. В принципе модальное пространство наряду с волюнтативной вариативностью представляет собой самую плодотворную почву для экспликации личностных компонентов ценностно-ориентационного пространства продуцента того или иного высказывания, топикально детерминированного условиями пандемии. Поэтому в представленных ситуациях модельный глагол «мочь» с отрицанием (частица «не») прежде всего указывает на контекст, где возможность с точки зрения говорящего единственная: «Я так больше не могу» (говорящий акцентирует внимание на том, что в таких условиях ему трудно дальше существовать). Стоит также отметить, что эпистемическая возможность указывает и на неконтролируемость ситуаций говорящим. Предикативные отрицания в форме отдельных аналитически выделенных лексем, например, «нельзя», в подобных высказываниях персонально-ориентированного дискурса пандемии усиливает эту единственную возможность. В-третьих, в некоторых поликодовых текстах встречается введение модальных слов, например, со значением уверенности («конечно»), неуверенности – сомнения («на всякий пожарный»); заострения внимания на деталях (например, на раздражителях).

Следует отметить тот факт, что прием «маски» является специфическим способом опосредованного дистантного диалога с реципиентом/адресатом/читателем, с одной стороны, позволяющий эмоционально описать картину происходящего и дать оценку с позиции не в форме объективного стороннего наблюдателя, а «в лицах», высказать критику, выразить оценку, подвергнуть аналитике и т. д.; с другой – устраняющий дистанцию между автором и читателем, делающий общение более доверительным, т.е. способствующим максимальной интимизации транслируемых смыслов. И в то же время именно этот прием способствует описанию/созданию гротескно изменяющейся картины мира, в котором оказались и сам автор, и читатель.

Ещё одной весьма эффективной тактикой служит представление дихотомии, легитимизирующей реальные условия существования в плане ассоциирования и подкрепления их нормированными компонентами восприятия. Т.е. создается некое трансформированное пространство интерпретации прецедентной фразы *O tempo! O mores!*, приобретающей вид «Новая реальность – новые правила/императивы». Принцип реализации данной тактики заключается в акцентировании внимания на вынужденном характере соблюдения новых поведенческих императивов в обществе: необходимость использования СИЗ и соблюдения мер социального дистанцирования; необходимость регулирования количества приемов пищи при постоянном нахождении дома и сниженной активности; соблюдение новых условий трудовых отношений с сохранением отчетности в формальных аспектах; следование новым этикетным формулам поведения и т. д.

В процессе реализации данной тактики в поликодовом пространстве дискурса пандемии привлекаются прецедентные визуальные ассоциаты, в большинстве случаев приобретающие форму плакатно-лозунгового представления эксплицируемого события.

Генерализованная стратегия стимуляции логического рассуждения призвана побудить адресата к мыслительной деятельности, заставить осознать происходящее в контексте времени, самому ответить на вопрос, принять решение или сделать вывод. Именно при следовании продуцентом данной стратегии достигается максимальная степень манипулирования коллективным сознанием в аспекте создания позитивного пространства интерпретации.

Доминантной в этой стратегии является тактика диалогизации описания, которая формирует псевдиалог с реципиентом, адресат в данном как бы случае вовлекается в непосредственное участие в производство текста. Равноправность (реальная или псевдореальная) позволяет сформировать у реципиента ощущение причастности к управлению векторами развития дискурса, создает чувство значимости и инициальности решений, принимаемых как в реальной, так и в коммуникативной деятельности. Таким образом, один из коммуникантов транслирует уточненные знания, новые обстоятельства, события, заставляя тем самым адресата осознавать, принимать или отторгать их. Для создания эффекта совместного рассуждения используются следующие приемы:

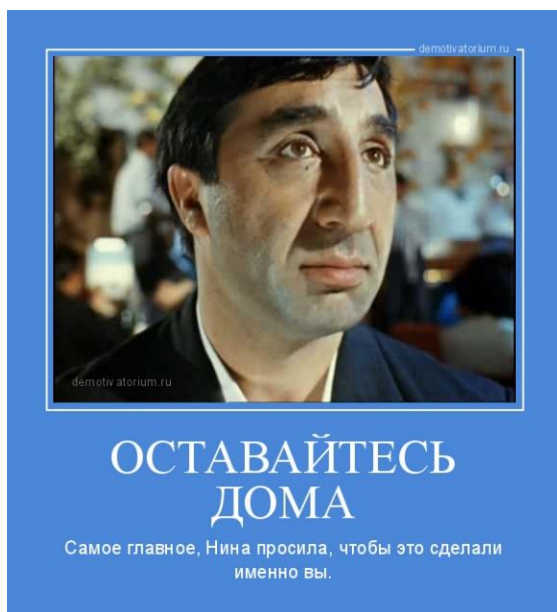
- ориентации на диалог через личное местоимение 1-го лица множественного числа («мы»), что способствует включению реципиента/читателя в диалог;
- обращения, представленного в форме глагола повелительного наклонения («помнишь», «сядь», «надо обсудить»), личного местоимения 2-го лица единственного числа («ты») или собственного имени второго лица;
- дубитации («Помнишь, как печенегов победили? И половцев?»).

В данном случае происходит привлечение к аргументации прецедентных субъектов, авторитетное мнение которых преподносится как аллюзивная отсылка происходящих событий к другим прецедентным событиям и феноменам.

Тактика использования известного образа. Данная тактика является характерной для мемов и демотиваторов вообще. В качестве узнаваемого образа могут выступать известные личности (например, политические деятели, как это наблюдается в вышеприведенном примере), киногерои, персонажи мультфильмов и т. д., транслирующие какую-либо идею. Так, например, в рассматриваемых текстах репрезентация образов известных киногероев прослеживается как на иконическом уровне (дается визуальный образ киногероя), и, конечно, на синтаксическом (использование тех же синтаксических конструкций, которые встречаются в речи героя). При этом известное высказывание прецедентной личности в таком поликодовом тексте может быть изменено, приводиться не полностью или дополнено автором. Таким образом, одна часть высказывания в составе вербального

компонента может соответствовать реплике ассоциируемой и вводимой в рамках визуального кода личности, а другая представлять собой слова автора текста, что нередко используется для создания комического эффекта в рамках реализации стратегии юмора и иронии. За счет такого эффекта – использования знакомого образа и знакомого начала фразы – происходит трансформация автора и стоящего за ним (подкрепляющего его высказывание) прецедентного субъекта в некоего «лидера мнений», транслирующего определенную идею и заставляющего задуматься (о своей безопасности в период распространения коронавирусной инфекции) или стимулирующего эмоции (смех как результат мотива игры – наложение известной цитаты на реалии жизни в условиях мер, предпринимаемых для препятствия распространению COVID-19).

Однако наиболее интересными в аспекте создания регулятивных установок в коллективном сознании является генерализованная стратегия манипулирования. По мнению О. Н. Быковой, «языковое манипулирование – вид языкового воздействия, исполь-

зуемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» (Быкова, 1999, с. 99)]. Следовательно, цель коммуникативной стратегии манипуляции – убедить адресата встать на позиции отправителя речи. Убеждение в данном случае понимается не только в логико-аргументативном ракурсе, но и в эмотивно-суггестивном аспекте, который оказывает гораздо больший эффект в условиях снятия критического восприятия информационного потока.

Примарно используемой в рамках этой стратегии тактикой является пропаганда в дискурсе пандемии COVID-19, которая представляет собой целенаправленное распространение идеи, а также императивов здоровьесбережения населения и препятствия распространению инфекции в сложных условиях. В данном случае интенсифицируются прежде всего социокультурные компоненты, маркируемые исключительной значимостью для каждого в рамках механизма интимизации. Фатические элементы приобретают клишированный характер, однако это не нивелирует их псевдоличностных характеристик.

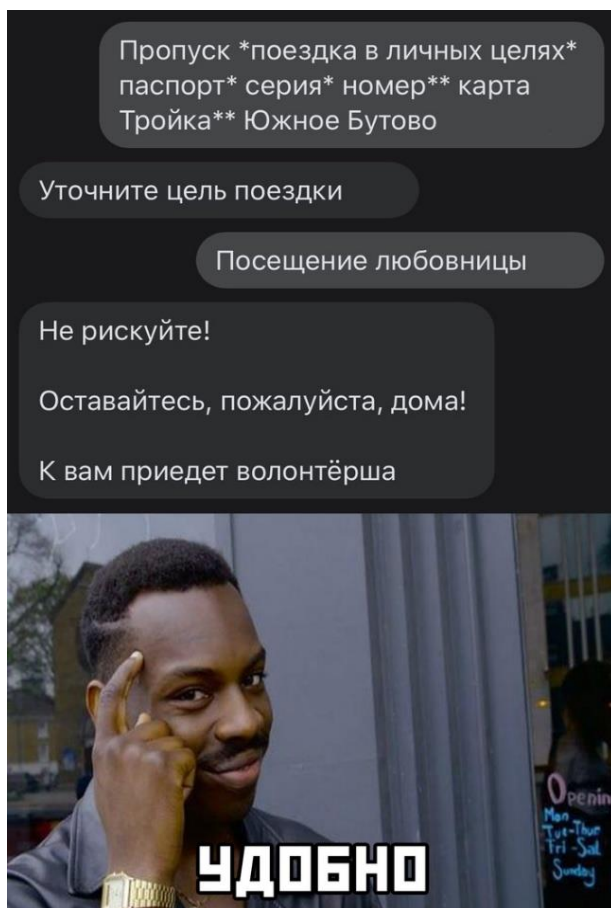
В этом же поле фатики находится тактика призыва, содержащая неформальные обращения вне рамок пропагандистского лозунга, но с вербализацией предложения или просьбы о каком-либо действии в объективной реальности.

Эта тактика в сочетании с неформальным обращением зачастую имеет целью сформировать некоторую область позитивизации в рамках стандартного негативного описания, т.е. ободрить адресата, сформировать у реципиента позитивное отношение к непростой ситуации, связанной с введением ограничений в период самоизоляции, и создать некую базу положительных эмоций, направленных на устранение негативных чувств апатии, сомнения, одиночества.

Это своего рода демонстрация интимизированных компонентов заботы о ближнем, экспликация общеизвестных чувств в формате социально значимого высказывания. Реализуется подобная контаминированная тактика в основном в персонально-ориентированном типе дискурса, однако создание позитивного аксиологического пространства может представлять интерес для внедрения её в пограничные коммуникации социальных сетей официальных представителей власти и публичных персон. Ча-

стотные реминисценции с элементами юмора способствуют созданию положительных эмоций.

Таким образом, как показывает анализ, в рассматриваемых поликодовых полидискурсивных единствах, топикально маркированных пандемией COVID-19, реализуется набор коммуникативных стратегий, используемых для воздействия на коллективного адресата сообщения и формирования общественного мнения в отношении описываемых событий, среди которых стратегия генерализованные стратегии создания психологического

напряжения, иронии и юмора, косвенного негативного оценивания, формирования волонтеристического пространства «жалости» к «жертвам» коронавируса, стимуляции логического рассуждения, манипулирования. В связи с этим поликодовые тексты создаются в соответствии со следующими прагматическими целями сообщений и транслируемых установок: сформировать пространства дерогативной или позитивной аксиологии в отношении описываемых событий, успокоить или нивелировать конфликтогенные компоненты восприятия, высмеять актуальные действия или схематизмы в восприятии данных действий, информировать о том или ином событии, каждое из этих рефлексивных действий может быть детализированной содержать в себе множество субдискурсивных иллокуций, однако все они в общем и целом отражают моделируемую в конкретных условиях систему отношений и намерений участников коммуникации. Стоит отметить и тот факт, что в ходе исследования поликодовых полидискурсивных пространств дискурса пандемии в современном его состоянии избирались лишь те стратегии и тактики, которые наиболее эффективно реализуют цель экспликации глобальных проблем и универсальных типичных способов из преодоления, а также легитимизации схематических действий, в условиях распространения коронавируса и борьбы с пандемией.

ГЛАВА 3. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ПРИЗМА ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ ПАНДЕМИИ

*Доктор филологических наук, профессор
С.Н. Бредихин
Магистр лингвистики
Ю. И. Бредихина*

Настоящее исследование посвящено проблемам изучения функционально-коммуникативных особенностей пограничного вида дискурса как особого социально-ритуального вида институциональной коммуникации с типичными кризисными условиями её развертывания. Мы анализируем основные функционально-коммуникативные характеристики пограничных видов дискурса институционального типа на примере дискурса пандемии COVID-19 релевантные для адекватной репрезентации уровней коммуникативного действия. Основываясь на принципах реализации в рассматриваемом дискурсе принципов взаимодействия тройственных коммуникативных связей «агент – клиент – третичный агент надзора», в рамках сложноорганизованного взаимодействия и смены кодов, необходимо подчеркнуть приоритет доминантных уровней коммуникативных действий по вербализации как институциональных, так и персональных элементов данного вида общения. Подобный подход дает возможность делимитировать и сам пограничный дискурс пандемии COVID-19 как специфический, появляющийся в условиях взаимодействия различных характерологических признаков различных дискурсивных типов, в качестве контаминированного феномена, органично сочетающего характеристики социально-ритуального вида институционального типа и бытийного вида личностно-ориентированного типа. Именно в рамках подобного сочетания

выявляются способы языковой реализации конвенциональных компонентов данного типа дискурса, где детерминирующим является именно вертикальный социально-исторический контекст, обуславливающий не только коммуникативные действия, но и поведение в объективной реальности, создающий особые «схемы действия» (Бредихин, Бредихина, Махова, 2021).

Дискурс специфического пограничного вида в рамках институциональной коммуникации (в нашем исследовании это, прежде всего, дискурс пандемии COVID-19 в его глобальной и национальной реализации) ещё не подвергался специальному описанию, при этом институциональные характеристики данного вида коммуникации, обусловленные контекстом ситуации дискурсопостроения, весьма специфичны по причине наличия третьей регулирующей инстанции (государства, надзирающих органов, цензуры и т.п.). Как мы уже отмечали в стандартных двуфокусных ситуациях с действующими контркоммуникантами «агент – клиент» присутствует также третий конвенциализирующий общение институт некоей службы, который устанавливает не просто нормы и правила действия в различных ситуациях по трансформации объективной реальности, но и регулирует порядок дискурсопостроения, что вынуждает участников коммуникации прибегать к вторичному рецензированию высказываний (Бредихина, 2017, с. 89) по отношению и формированию собственного мнения относительно самой ситуации и мер, принимаемых в борьбе с пандемией. Следует, однако, подчеркнуть практически постоянную смену коммуникативных кодов и реестров общения в условиях пограничного дискурса, именно это и позволяет дефинировать данный вид как специфический.

Таким образом, дискурс пограничного вида можно определить как макроречевой акт, который призван реализовать различные намерения участников коммуникации: ассертивное, директивное и комиссивное. При этом контркоммуниканты репрезентируют различные социальные роли, экспликацией которых в вербалике и будут детерминированы аксиологические и рецептивные области, а также агенты, представляющие социальные институты и физические лица в роли контрагента по отношению как к облеченному властью и большими возможностями доступа к управлению дискурсом, так и к самому общественному инсти-

туту в целом, формирующими и изменяющему формы протекания коммуникативных действий, взаимодействие участников обуславливается ситуацией реального действия в условиях пандемии COVID – 2019 и статусными ролями контркоммуникантов. В данном случае именно ситуация осложненного кризисного и критически анализируемого (особенно в ситуации представления оценочных высказываний в СМИ) служит конкретизатором контекста и главным и необходимым условием адекватности дискурса (Halliday, 1989).

Целью данного исследования является выявление, анализ и классификация функционально-коммуникативных параметров, влияющих на ситуацию при транслировании пограничного вида институционального типа дискурса, который непосредственно обусловлен предметной коммуникативной ситуацией в рамках иерархической системы уровней коммуникативного действия, которая в свою очередь по разному выстраивается в различных лингвокультурах, в зависимости от традиций и регламентирующих ситуацию общения правовых норм.

Объектом настоящего исследования являются языковые и текстовые средства реализации конкретных уровней коммуникативного действия в пограничном виде дискурса пандемии COVID-19, институциональные и персональные характеристики которого обусловлены контекстом внеязыковой ситуации и векторами развития дискурса, а также способы их адекватной трансляции. Обращение к пограничным видам дискурса, и в частности к социально значимому и контролируемому дискурсу пандемии COVID-19, в свете современного возрастающего интереса лингвистов к способам экспликации в речи социального положения участников коммуникации и социокультурной и историко-эпистемической обусловленности, что объясняется также все возрастающей ролью социальных институтов в рамках информационно насыщенной в аспекте взаимодействия людей как между собой, так и с государственными органами и обществом в целом, и обеспечения действенности различных общественных программ как в России, так и за рубежом, равно как и постоянным взаимодействием организаций различных стран и международных организаций в рамках разработки и реализации программ по борьбе и противодействию распространению новой

коронавирусной инфекции, не случайно, ведь среди других видов институционального дискурса пограничная коммуникация характеризуется специфическим прагматическим фокусом, дискурсивно-жанровыми особенностями, а также совершенно отличным от других регистром. Совокупность названных параметров дает основание полагать, что пограничный дискурс является одним из прототипических образцов институционального дискурса, который нуждается в выявлении и анализе специфических способов трансляции лингвокультурных особенностей функционирования.

Доминантные установки анализа исследуемого вида дискурсивных практик в период распространения пандемии диктуют и необходимость использования достаточно широкого комплекса лингвистических методов анализа, например, метод анализа речевых актов, дискурс-анализ, интерпретативного метод, метода феноменологической редукции, методов филологической герменевтики, в аспекте выделения и описания скрытых способов управления степенью доступа к дискурсопостроению и экспликативных возможностей влияния на векторы развития коммуникации, осложненной вертикальным контекстом.

Методологическую базу при изучении пограничных видов дискурса пандемии COVID-19 составляют работы как отечественных, так и зарубежных ученых-дискурсологов, посвященные исследованию дискурсов различных видов и типов. Так, например, В.И. Карасик, исследуя, различные виды как институционального, так и личностно-ориентированного дискурсов, не описывает комплексные, контаминированные разновидности (Карасик, 2000, с. 41), которые представляют интерес в плане увеличения числа критериев классификации и более четкого делимитирования различных жанров дискурса. В настоящем исследовании мы также руководствовались некоторыми положениями трудов по анализу функционального аспекта статусно-ролевой коммуникации (Бейлинсон, 2009) и рядом работ, анализирующих специфику моделирования делового общения в рамках экспликации социального статуса и возможностей управления коммуникацией (Ширяева, 2008). Существенное влияние на методологию исследования оказала работа Т. А. ван Дейка, посвященная реализации ментальных моделей экспликации соци-

ального статуса (Dijk, 2006), что в первую очередь релевантно для определения основных способов адекватной трансляции экспликаторов уровня доступа к управлению векторами развития дискурса пандемии COVID-19, что значимо для определения третичного агента коммуникации и установления степени конвенционализации актов.

В когнитивных и дискурсологических исследованиях установлено, что природа дискурса амфиболична по своей сути, и именно названные методы позволяют определить и проанализировать не только наиболее значимые характеристики коммуникации в пограничном виде институционального типа дискурса, но и сопутствующие, формальные и коннотативно-смысловые вариативные показатели (например, степень вариативности текстовых и языковых средств экспликации и трансляции или иллюкативные цели построения высказываний в их сравнении с перлюкативным эффектом как в самой коммуникации непосредственно, так и во влиянии на поведение контркоммуникантов в объективной реальности).

Текст в рамках дискурса пограничного вида пандемии COVID-19 мы рассматриваем как 1) отрезок письменной или устной речи, реализующий средствами языковой системы прототипические ситуации, представленные в рамках общения внутри социального института и обусловленные объективной необходимостью коммуникативного взаимодействия для решения некоторых задач в социальной объективной реальности в условиях обсуждения проблем распространения или борьбы с коронавирусной инфекцией, носящие контаминированный (профессиональный, социальный, личностный) характер и 2) как содержательное единство, реализующее определенную коммуникативную интенцию одной из сторон общения в триаде «актуальная социальная роль агента – актуальная социальная роль клиента – динамический конвенциональный компонент социальных норм и правил взаимодействия». Вся структура как объективного, так и коммуникативного действия, определяющая построение самого пограничного дискурса пандемии COVID-19, чаще всего реализуется в регламентированной комплексной системе государственной службы, которая получает языковое оформление в рамках коммуникативных канонов официального

общения, т.е. соответствует требованиям логичности изложения и точности вербализации, аргументативности в качестве доказательства соответствия или несоответствия некоторым законам, внутренним стандартам работы тех или иных органов и социальных институтов в целом и т.п. предъявляемых положений, а также в медийном дискурсе, формирующем ценностно-ориентационное пространство отношения к органам власти и ситуации пандемии. В пограничном виде дискурса институционального типа можно выявить некоторые конститутивные признаки, отграничивающие данный пограничный вид от других институциональных жанров в рамках реализации различных коммуникативных действий, вербализуемые неоднородными и амфиболическими речевыми актами, распадающимися на отдельные структурные типы и эксплицируемые разноуровневыми речевыми единицами.

В рамках коммуникативных действий, реализуемых в пограничном дискурсе, прежде всего, на начальном этапе инкогнито-формально-институционального общения необходимо выявить собственно конститутивные признаки речевых актов «обращение», «жалоба», «заявление», в рамках реализации коммуникативных стратегий, присущих осложненному дискурсу пандемии – «дерогация», «повышение напряженности» и т.д.:

1. осознание «клиентом» – продуцентом первичного обращения в некую службу или государственный орган факта несоответствия собственного представления относительно каких-либо феноменов или ситуаций в условиях пандемии (невозможность сделать прививку, сложности на работе при несоблюдении мер по нераспространению, отсутствие СИЗ и т.п.) таковым со стороны государственных социальных служб, органов административного управления и т.п.; или же представление своего «бедственного» положения с целью его изменения или привлечения внимания к нему для получения некоторых преференций или изменения актуальной социальной роли.

2. Реализация иллюкативной цели информирования соответствующих служб или органов о факте данного осознания, разъяснение положения дел по рассматриваемому вопросу с использованием некоторых стратегий манипуляции и актуализации (повышения значимости эксплицируемых целеустановок),

возведение в Абсолют собственного мнения по данному поводу и псевдоаргументативные ссылки на авторитет или интенсификация ценностей.

3. Интенциональность эмоциогенного речевого акта в рамках реализации соответствующего перлокутивного эффекта (вызвать сочувствие, попытки актуализировать некую социальную роль вне рамок наличествующей актуальной, придать значимость собственной аргументации, пробудить личную заинтересованность сотрудников в исполнении просьбы, осуществлении какого-либо действия, снятия ограничений и т.п.)

4. В качестве сопутствующей интенции можно охарактеризовать намеренную конфликтогенность указанных речевых действий, а также вызывающую мимику и кинесику, сопутствующую подобным стратегиям в коммуникации.

5. Реализация фатики – привлечение внимания агентов коммуникации для реализации объективного действия, что осуществляется в рамках дефектного усвоения модели получения особого статуса, получения преференций в реализации объективной цели, актуализации виртуальной социальной роли вне актуальной присущей (иногда с помощью стратегий угрозы, конфронтации, псевдоаргументации, хеджирования и т.д.).

6. Интенсификация иллокутивных целей при неоднократном упоминании конкретных фактов сложившейся ситуации, зачастую происходит «эффект коммуникативной фиксации» – повторение в некоторой вариации единичного высказывания как некоей психо-эмоциональной доминанты собственного действия в рамках постоянной его эмотивизации.

Отграничивая дискурс пограничный вид дискурса пандемии COVID-19 от других видов институциональной коммуникации, мы, однако, вслед за В.И. Карасиком, допускаем возможность анализа рассматриваемого вида дискурса в одной плоскости с другими видами институционального дискурса – научным, политическим, юридическим, медико-педагогическим и др. (Карасик, 2000: 13). Тем более, что рассматриваемый частный случай институционального дискурса всё же вбирает в себя характерологические признаки каждого из вышеназванных видов. Более того, в большинстве данных видов институционального общения возможен переход в плоскость контаминированного погра-

ничного дискурса, однако, следует подчеркнуть, что гораздо более типичен данный вид для дискурса пандемии COVID-19 в рамках его социального маркирования. Специфика институциональных параметров в социально-значимой пограничной коммуникации в условиях пандемии заключается в комбинации прагматических и коммуникативных аспектов дискурсивных практик как главного условия экспликации конвенционального и его взаимодействия с индивидуально-личностным, подобное взаимодействие в его синергии образует специфические формы вербализации смысла. Эти комбинаторные формы представлены на четырех различных, часто взаимопроникающих уровнях коммуникативного действия, причем индикация как актуальных, так и актуализируемых виртуальных статусных-ролей в подобном пограничном дискурсе осуществляется как на уровне непосредственных (в плоскости «клиент – агент»), так и на уровне опосредованных контактов (в плоскости «клиент – третичный агент надзора и регуляции коммуникативного пространства») (Карасик, 2002, с. 45-46).

На первом уровне манипуляции субъект общения (клиент) может рассматривать контркоммуниканта (представляющего конвенциональные нормы и правила взаимодействия, установленные как условиями общения, так и третичным агентом – чаще всего это агент коммуникации) в двух ипостасях, либо как средство достижения необходимого эффекта, который будет реализован в объективной реальности, либо в качестве помехи в рамках достижения перлокутивного эффекта (реализации желаемого в объективной реальности – снятии ограничений, выхода с самоизоляции, предоставлении больших прав и т.п.). На данном этапе реализуется коммуникативная модель «партнерство», которая заключается в сообщении желаемого и информировании контркоммуниканта о сути проблемы. Коммуникативная связь согласно этой модели представлена источником (адресантом) и приемником (адресатом) информации, причем данная связь может осуществляться как непосредственно (при личном общении в письменной и устной форме, в случае, когда известен агент коммуникации), так и опосредованно (в той или иной форме, когда обращение направлено некоему социальному институту в его коллективной форме, чаще всего на имя руководителя того

или иного органа власти, а ответная коммуникация ведется от имени разных представителей социального института). Статус коммуникативного действия будет обусловлен его целевыми доминантами и результатами, получающими свою реализацию уже в объективной реальности, например:

У меня уже есть некоторая информация по данному вопросу, например, о порядке проведения вакцинации ГБУЗ Поликлиника № 6 г. Ставрополя, но не систематизированная и не за весь отчетный период. По вопросу дополнительных часов и работников, которые должны были проводить вакцинацию и прием пациентов, я имею в виду, например, продление выходных и возможность сделать прививку в праздничные дни и пр. (материал из личной картотеки исследователя Ю.И. Бредихиной).

В данном случае продуцент (клиент) часто использует целый сонм манипулятивных стратегий для реализации своих иллюкативных целей, что, однако, чаще всего происходит неосознанно, а потому этот подвид пограничного дискурса совершенно точно описывается Кевином Стенсоном: «the client's discourse as involving a primitive and ad hoc stringing together of representations of concrete experiences, with little attempt at manipulating abstractions» (Stenson, 1993, с. 74) – дискурс клиента (следует понимать) как вовлечение (в коммуникацию) примитивной и ad hoc (по случаю верной) репрезентации собственного опыта, с точечным включением манипулятивных обобщений (перевод автора – Ю.Б.). В интерпретации В.И. Карасика данный уровень направлен на экспликацию персонально-статусного значения, что наиболее четко выражается в использовании личных и притяжательных местоимений первого лица, что является наиболее выраженным дейктическим признаком персонально-статусного комплекса (Карасик, 2002, с. 230-231).

При трансляции высказываний данного уровня необходимо четко определиться со спецификой экспликации личностных компонентов манипулятивного аспекта, т.е. в рамках какого регистра производится усиление воздействующей составляющей. Так зачастую в бытовой коммуникации это происходит при помощи личных местоимений и дейктиков имманентного осознания разной степени уверенности: «я думаю», «считаю, что...», «как мне кажется», или же компонентов хеджирования, позво-

ляющих переложить ответственность с себя на некоего третьего агента, со слов которого и осуществляется псевдоаргументация.

Как можно заметить коммуникативная модель «партнерство» отнюдь не означает осознанного взаимодействия по реализации целей общения в условиях контрпандемического взаимодействия, она лишь нивелирует открытую конфронтацию и усиливает начальную синтонность коммуникативных действий в инкоативный период общения.

При переходе на второй уровень «рефлексивной игры» каждый из контркоммуникантов на основе собственных фоновых знаний, причем не только знаниевых компонентов рецепируемых в рамках эмпирического опыта, но и апперцептивно выводимых из информационного потока о ситуации пандемического характера, учитывает возможности контраргументации другого субъекта коммуникации (здесь речь идет о коммуникативных действиях как клиента, так и агента, ориентирующихся, однако, на конвенциональные нормы ведения беседы), но при этом не признает доминанты других участников коммуникации и стремится к реализации собственной цели и блокированию целей контрагента (в случае клиента этой целью является получение желаемого результата в объективной реальности, а в случае агента – поддержание функционирования социального института, обеспечивающего сохранение необходимого вектора восприятия и развития ситуации в объективной реальности), т.е. применяется «двусторонняя асимметричная» модель с примарной доминантой убеждения. Подобная схема реализуется в основном в рамках медийной коммуникации или же политического дискурса пандемии для создания условий по осуществлению мер противодействия COVID-19. Коммуникативные связи представлены источником (клиентом), приемником (агентом – коллективным или индивидуальным представителем социального института) и первичной обратной связью (реакция официальных инстанций по изложенному объекту коммуникации – соотнесение их с конвенциональными нормами и правилами в обеспечении функционирования социального института). В более распространенной ситуации клиент-агентские отношения и роли, эксплицируемые в социально значимой коммуникации претерпевают обратную трансформацию, т.е. источником информирования становится социальный инсти-

тут, однако в данном случае иллокутивные исходные не учитывают конкретного адресата, но ориентируются на усредненного коллективного реципиента. Коммуникативное действие субъекта при этом носит комплексный характер, определяемый отношениями, обусловленными ситуацией обращения (жалоба, обращение, требование и т.п.). Следует отметить предельную концентрацию признаков реализации статусно-оценочных значений на этом уровне коммуникативного действия, в частности экспликация позиции «Сильного Позитивиста» в лице представителя социального института и «Слабого Позитивиста» в лице клиента, эксплицирующего собственную, часто не аргументированную позицию, иногда клиент реализует позицию «Слабого Негативиста» (Карасик, 2002, с. 262).

Например: *Я знаю о существовании указа президента Российской Федерации о введении дополнительных мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, об этом сообщали по телевидению, почему же наша служба не производит никаких действий для обеспечения работы этих указаний. Я буду жаловаться!* (материал из личной карточки исследователя Ю.И. Бредихиной).

На данном уровне аргументация, как видно из приведенного примера, не обязательно подкрепляется авторитетными в рамках конвенциональных действий источниками, чаще всего отсылка производится к неким абстрактным фактам, якобы имевшим место в отношении рассматриваемого вопроса. В процессе трансляции подобные аллюзии эфемерного характера сохраняются для экспликации степени аргументативного воздействия, т.е. носят хеджированный характер с целью снятия с себя ответственности в случае неудачи коммуникативного акта.

Третьим уровнем общения в пограничном дискурсе пандемии COVID-19, равно как и в любой коммуникации осложненной третичными отношениями в социально-историческом контексте, зачастую является «консолидационный», характеризующийся признанием всеми контркоммуникантами аргументов других участников и согласование общей позиции в решении рассматриваемой проблемы, данный уровень включает также выработку обязательных для всех участников коммуникации норм и условий согласования. Т.е. в рамках учета конвенцио-

нальных норм и правил, регламентирующих действия клиента и агента в объективной реальности и их коммуникативное взаимодействие, выстраивается вторичная конвенциональная система, позволяющая создать адекватные условия семиозиса и определяющая векторы развития дискурса, т.е. определяющим модели поведения признается внеязыковая ситуация, а не локальные личностные интерпретации данной ситуации. При этом «двусторонняя асимметричная» модель в идеальных условиях сменяется на «двустороннюю симметричную», детерминируя общее стремление к решению сложившейся ситуации, например:

В рамках Вашего обращения был произведен перерасчет, который носит отрицательный характер в силу того, что Вы уходили на больничный на три недели после положительного ПЦР-теста, в связи с чем возможна выплата только в сокращенном объеме в течение следующего квартала текущего года (материал из личной картотеки исследователя Ю.И. Бредихиной).

Следует отметить, что уже на этом этапе, столкновение институциональных и персональных элементов практически нивелируется за счет интенциональной цели достичь взаимопонимания и использования специфических стратегий «this strategy operates within the medium of citizen exchange discourse. This technique of alignment is a dimension of the wider process of alignment, whereby governmental strategies try to link individual aspirations with collective goals» (Stenson, 1993, p. 51) – данная стратегия используется в сфере персонального гражданского дискурса. Эта техника «выравнивания» представляет собой одну из сторон более широкого процесса «консолидации», при котором институциональные стратегии пытаются привести в соответствие индивидуальную и коллективную иллокутивные цели (перевод авторов). В условиях учета интересов и наличествующих условий реального взаимодействия подобная стратегия представляется наиболее эффективной, обеспечивающей как достижение адекватного иллокуции перлокутивного эффекта, так и снижающей конфликтность, которая может перерасти в открытую конфронтацию, усиливающую идеологическую разобщенность в обществе, что в условиях пандемического контекста представляется неприемлемым.

Следует отметить, что на данном уровне вступает в силу принцип интенционально нацеленной на адресата вежливости, который выполняет при этом коннотативную функцию (данные коннотаты могут реализовать различные перлокутивные эффекты, как синтонные, так и конфликтогенные, которые при этом не всегда будут адекватны иллокутивной цели). Следует отметить и одновременную экспликацию в коммуникативном поведении обоих контркоммуникантов нарочитой «скромности» (истинной или симулированной), которая демонстрирует позицию продуцента высказывания, выступающего как субъект, не заслуживающий внешней демонстрации признательности в рамках конкретной ситуации общения. «Скромность» как критериальный показатель консолидации относится к продуценту, выполняя так называемую эмоциональную функцию (Fenclova, Horova, 2017, p. 43). Повышение эмотивности высказываний весьма характерно для дискурса пандемии пограничного вида, данный факт необходимо учитывать в процессе трансляции для сохранения так называемой дуги напряжения в единстве последовательных высказываний. Эмотивизация в данном случае происходит в рамках увеличения количества конвенционализированных, формульных элементов высказывания иногда приобретающих гипертрофированный характер, что в условиях напряженного вертикального контекста может привести к противоположному эффекту – расширению границ конфликта и итоговому провалу коммуникации. Подобное наблюдается в ситуации «мягкой» риторики и темпов вакцинирования в России.

Четвертый уровень коммуникативных действий в рамках пограничного дискурса пандемии COVID-19, как правило, не находит реализации в его письменной форме по причине строгой регламентированности формата запросно-ответной формы деловой коммуникации (исключая общение в формате блога или электронной переписки по личной почте). Однако при устном общении «клиент – агент» возможен переход на данный «интенционально-нравственный» этап. Он представляет собой высший уровень субъектно-субъектных отношений, что в свою очередь может изменить вид дискурса с социально-ритуального институционального на бытийный вид личностно-ориентированного типа со всеми его характерными спецификаторами, в том числе

и неформальной лексикой, обеспечивающей синтонность дружеской коммуникации. Следует указать, однако, на необходимость персонализации тактик и стратегий коммуникации в данном случае, снятие универсализации и, так называемый, дифференцированный подход, к сожалению, не позволяют распространить подобные конкретизированные дискурсивные практики в генерализованное пространство общественной коммуникации. Таким образом, в рамках рассмотрения всех возможных видов социально-ориентированной коммуникации конститутивными признаками пограничного дискурса пандемии COVID-19 являются: трехфокусный принцип построения коммуникации – два непосредственных и недискретных субъекта (клиент и агент) и один общий разделенный дискретный субъект (социальный институт как незримый участник коммуникативного действия); потенциальная и нередко реализуемая возможность смены вида и типа дискурса, заключающаяся в смене «когнитивного кода с инкоативно-формально-институционального на дуративно-персонально-бытийный и в некоторых случаях снова на финально-формально-институциональный» (Бредихина, 2017, с. 90). На этом уровне контркоммуниканты репрезентируют внутреннюю убежденность в аргументированности и правильности совместных действий по решению внекоммуникативной задачи и определяют эту убежденность как результат добровольного согласования и принятия последовательности действий (случаи осознанного согласия с некоторыми ограничительными мерами в рамках противодействия распространению инфекции). Данный уровень предполагает выстраивание коммуникации по «двусторонней симметричной» модели с формальными языковыми маркерами достижения взаимопонимания. Выявляемые здесь коммуникативные связи – это субъект 1 (клиент) – субъект 2 (социальный институт) – обратная связь. Данная коммуникация носит комплексный деятельностный характер по осознанию концептуально-валерной системы контркоммуникантов и вживанию в ценностные импликации друг друга, что, собственно, и определяет степень и характер взаимопонимания – «these emphasized the need to recognize and foster the emotional needs of the client» (Stenson, 1993, p. 51) – все это придает особое значение необходимости учета и признания эмотивных целеустановок клиента

(перевод авторов). В ситуации, когда актуальные социальные роли должны соблюдаться (в рассматриваемом типе дискурса, по крайней мере в его институциональной части), что будет способствовать решению определенных задач в объективном взаимодействии и снижению степени напряженности в коммуникативном пространстве, степень взаимопонимания и адекватного коммуникативного действия зависит от того, насколько субъект 2 включается во внеязыковую ситуацию субъекта 1, и наоборот, и от степени готовности контркоммуникантов идти на взаимные уступки, соглашая при этом все коммуникативные действия с формальными регуляторами, представленными законами, внутренними инструкциями, нормами и правилами конвенционально принятого реестра общения для обеспечения адекватного функционирования социального института и т.д. Например:

Представитель работодателя: *Теперь ясно, что при соблюдении данного графика выплат в период продолжающейся самоизоляции и протяженных карантинных мер будет сохранен достаточный уровень Ваших доходов, который позволит без потерь пережить этот период и Вы не будете ущемлены в своих правах.*

Наемный работник: *Да, правда, теперь Вы меня проинформировали и я соглашусь с таким пересчетом, тем более что выплаты сохраняются практически в полном объеме. А после выхода нас всех с самоизоляции, я могу рассчитывать на сохранение моего места, не страдает ли от таких действий наше предприятие?* (материал из личной картотеки исследователя Ю.И. Бредихиной).

Следует отметить, что явное присутствие «Я» (субъективного, ситуативного) выводит проявление «скромности» в коммуникативном поведении в пограничном типе дискурса на новый уровень – продуцент высказывания как бы приглашает контркоммуниканта не только к совместному решению проблемы, но и выходит на более тесный личностно-ориентированный тип коммуникации. Следует подчеркнуть, что более тесный контакт и увеличение синтонных характеристик коммуникации не эксплицируются формальной сменой регистра общения – регламентированное общение в вежливой форме на «Вы» полностью сохраняется. На фоне сохранения формы происходит интимизация

высказывания посредством использования стратегий убеждения и доверительности *«будет сохранен достаточный уровень Ваших доходов, который позволит без потерь пережить этот период и Вы не будете ущемлены в своих правах», «Вы меня проинформировали и я соглашусь»*. В данном случае экспликация «Я» может считаться более подходящей, чем завуалированное доминантой третьего опосредованного контркоммуниканта (социального института) высказывания, по сути воспринимаемые клиентом как субъективные не аргументированные, скрытые за кажущимися объективными выражениями (Fenclova, Ногова, 2017, р. 43). Кроме того, присутствие интимизирующей ситуацию компонента *«не пострадает ли от таких действий наше предприятие»* демонстрирует попытку экспликации введение в клиентское концептуально-валерное пространство ценностных ориентаций и аксиологем класса агентов (предприятия). Мы хотели бы подчеркнуть этот момент и добавить, что «Я», обычно рассматриваемое как симптом субъективности, является не только более подходящим в данном конкретном виде пандемического дискурса на интенционально-нравственном уровне, но и более точным, вследствие того, что оно более объективно. Действительно, авторское «Мы», используемое иногда в подобных высказываниях для обозначения совокупности действия с третьим (опосредованным) контркоммуникантом и разделенности концептуально-валерной системы, может быть интерпретировано реципиентом как инклюзивное «мы» (т.е. попытка включить в данную систему и его самого), т.е. как средство манипуляции. В пограничном дискурсе пандемии COVID-19 же подобное инклюзивное «мы» воспринимается как средство давления и может разрушить даже достигнутый эффект взаимопонимания, работая не в качестве синтона, а, наоборот, повышая степень конфликтности. В самом деле, инклюзивное «мы» сложно интерпретировать как «то, что Я думаю, соответствует тому, что Ты думаешь / Мы думаем». Объективизированное же «Я» делает продуцента высказывания исключительно ответственным за его утверждение «это Я, кто предлагает, утверждает, убежден в том, что ...» (Fenclova, Ногова, 2017, р. 43). При трансляции подобных элементов личностного восприятия и интерпретации объективной ситуации следует учитывать лексические возможности

компенсации эмотивной нейтрализации синтонных коннотативных смыслов.

На настоящее время имеются достаточно обширные данные о существовании неустойчивых дискурсивных практик в экспликации степени доступа к управлению пограничным видом дискурса контаминированного типа, которые, однако, не получили должной систематизации и не подвергались критическому анализу. Данные вариативные практики могут сочетаться с действиями, нормами и убеждениями, имеющими потенциал для институционализации устойчивости в различных масштабах. Неинституциональный дискурс-анализ позволил с достаточной степенью достоверности описать точки стабильности и вариативности коммуникативных действий различных уровней, в рамках которых воспроизводство существующих институциональных правил и создание, распространение и внедрение новых в условиях кризисного вертикального контекста получают свое распространение, а так же создать достаточно полный перечень недискурсивных сопутствующих явлений в подобного рода пограничной коммуникации пандемии COVID-19. При анализе, прежде всего, необходимо определить возможности применения новых институциональных теорий в анализе дискурсивных практик, например, неоинституционалистские подходы в социологии, ориентированные на анализ широкого круга организационных субъектов, правил и механизмов управления коллективным адресатом, носителей и критериев устойчивости/вариабельности процессов, связанных с институциональной изменчивостью в рамках процессов, для которых социальная практика экспликации актуальных социальных ролей не рассматривается как жестко детерминированная данность, а требует тщательного изучения. В то же время комплексный анализ дает возможность изучить все многообразие отношений между гетерогенными эмпирически подтверждаемыми явлениями (текст, дискурсивная практика, социальная практика), однако, лишь включение в него герменевтико-ноэматического метода позволяет выделить в качестве примарного аспекта те средства, с помощью которых осуществляется доминирование в той или иной сфере коммуникативной деятельности, в нашем случае, в связи с доминированием или маргинализацией определенных субъектов

коммуникации, связанных с перспективами микрогенерации коммуникативного события в условиях глобального горизонтального (текстового) и вертикального (социально-исторического, политического и т.д.) контекста распространяющейся инфекции.

Экспликация собственного уровня доступа к управлению развитием дискурса, т.е. реализация властных отношений, является одним из способов манипуляции объективными и коммуникативными действиями контркоммуниканта, а в случае с дискурсом пандемии каждый из контркоммуникантов приобретает коллективный усредненный характер (в случае агентов можно, однако, констатировать сохранение локально специфицированного характера даже в условиях общих глобальных проблем, создаваемых пандемией). Функциональная сфера высказываний подобного типа не ограничивается агентным общением и не является прерогативой представителя актуальной роли агента социального института. Однако необходимо подчеркнуть, что реализуется этот тип воздействия чаще всего именно данными участниками коммуникативного действия.

Как главную задачу агента можно определить оказание влияния на объективное и коммуникативное поведение группы клиентов, в результате которого происходит актуализация новой социальной роли и следование нормам и правилам взаимодействия с социальным институтом. Необходимо подчеркнуть, что адаптацию к меняющемуся вертикальному контексту в этом случае проходят как действия в объективной реальности, так и сам характер, и содержание коммуникативного взаимодействия. В данном аспекте ключевым компонентом является возможность и изменение степени доступа к управлению векторами дискурсопорождения (собственного и клиентского), регулирование применяемых дискурсивных практик и реестров общения. В этом аспекте группа власти (служащие социальных институтов, органы власти и медиаисточники) влияет не только на сами коды общения, но и на концептуально-валерную систему группы клиентов, формируя у неё базу соподчинения в рамках неспособности свободно и в привычном для бытийного вида личностно-ориентированного типа дискурса порядке осуществлять коммуникативные и реальные действия, подчиняя их вертикальному

контексту. Группа клиентов при этом выводится из привычной зоны коммуникативного комфорта (смена реестра общения, уровней коммуникативного действия, тактик и стратегий коммуникации и т.п.).

Невозможно нивелировать весь сонм средств коммуникативной базы пограничного дискурса пандемии, генерализованное восприятие его структуры, как представленную только двумя группами в их жесткой противопоставленности по критерию степени доступа к реализации социальной власти, не будет полной. Как мы уже упоминали ранее, каждый из контркоммуникантов в пространстве осложненного вертикальным контекстом пандемии дискурса не только может быть типизирован градуально, но и как непосредственно (агент), так и опосредованно (клиент) испытывает регулятивное влияние третьего дистантного контркоммуниканта – социального института, нормирующего в том числе и коммуникативное поведение в условиях кризисного реагирования на социально-исторические условия.

В качестве примера подобных высказываний, эксплицирующих высокий уровень доступа к управлению развитием дискурса, можно привести беседу руководителей в рамках какого-либо социального института со служащими в процессе реализации необходимого перлокутивного эффекта. Достаточно жесткая иерархия в уровне реализации социальной власти при агент-агентской коммуникации у служащих эксплицируется в высказываниях руководителей или же самих специалистов, например:

По вопросу реализации данного вновь полученного распоряжения правительства будет назначено шесть экспертов, которые будут выбраны на основе занимаемой должности (материал из личной картотеки исследователя Ю.И. Бредихиной).

В приведенном примере наблюдается коннотация безапеллятивности, не предполагающая дальнейших прений по вопросу, что эксплицируется не только формой изыскательного наклонения в будущем времени, но и подчеркивается критерием отбора экспертов *на основе занимаемой должности*, при этом в рамках трансляции подобного коннотативного компонента должна быть эксплицирована генерализованная стратегия самопрезентации как в форме высказывания, так и в выборе лексических средств с

учетом локальной специфики в рамках обеспечения официально-делового стиля коммуникации.

Иерархия служащих системы социальных институтов выстраивается от главы комитета к рядовым главным и ведущим специалистам, и, несмотря на то, что каждое из звеньев этой цепи реализует некоторые потенции в управлении дискурсом, коммуникативные действия внутри иерархии также строго ранжированы. Ярким примером может служить стандартная ситуация внутреннего перемещения архивных дел в том или ином учреждении, в ситуации оперативного реагирования и наличия множества нерешенных задач при пандемии:

***Глава комитета:** Пошевеливайтесь, госпожа ведущий специалист.*

***Ведущий специалист:** Я ещё не закончила с внесением дела в архивный фонд.*

***Глава комитета:** Не обсуждается! Я уже сказала, пошевеливайтесь.*

(материал из личной картотеки
исследователя Ю.И. Бредихиной)

Анализ коммуникативной ситуации доказывает, что начальник отдела комитета, обладающий гораздо более высоким актуальным статусом в системе социального института, весьма свободно иногда не придерживаясь элементарных этических и правовых норм профессиональной коммуникации «приказывает» другому агенту (ведущему специалисту), актуальный статус которого ниже в рамках представленной ситуации семиозиса. При трансляции подобных неконвенциональных высказываний с использованием просторечных и иногда сленговых лексем невозможно полностью нейтрализовать их, а значит обеспечить конвенциональность коммуникации институционального типа, которая контролируется третичным агентом, однако, при этом, снижение эмотивной нагрузки может производиться посредством смены регистра общения. Следует указать на типичность подобного развития дискурса даже вне осложненного вертикального контекста, при этом данные стратегии повышения психо-

эмоциональной напряженности детерминируются скорее локальными и личностными особенностями коммуникантов.

Безусловно, что наибольшими различиями обладают статусно-ролевые характеристики в агент-клиентской коммуникации, причем, чем выше актуальная социальная роль агента и чем выше притязания клиента, тем больший диссонанс в степени доступа наблюдается. Следует отметить, что при этом их непосредственное взаимодействие (главы той или иной социальной службы и рядового клиента) практически не осуществляется, но даже в этом случае наблюдается парадоксальная ситуация диссонанса коммуникативных действий (должностное лицо остается в рамках социально-ритуального вида институционального типа, а клиент выходит на бытийный вид личностно-ориентированного типа дискурса). Подобная смена, даже «слоем» кодов общения специфицирует данную коммуникацию как пограничную, формируемую в условиях осложненного исторического контекста. При этом каждый из контркоммуникантов руководствуется своей модальностью «модальность это то, что даёт возможность содержанию текста прирасти ситуацией, главным в порождении смысла, иначе содержание не работает в мире» (Бредихин, 2013), не оказывает влияния на экстралингвистическую ситуацию. Т.е. оперативное реагирование в условиях пандемии может осуществляться только в случае учета коллективной модальности.

Большинство современных авторитетных исследователей в области социолингвистики отмечают наличие специфической «идеологии» каждой из социальных групп, которая находит свою максимальную вербализацию в условиях кризисных ситуаций пандемии, членение контркоммуникантов на агентов и клиентов в пограничной институциональной коммуникации также соответствует данному параметру. Эта концептуально-валерная идеологическая база является одним из важнейших компонентов воспроизводства властных отношений в дискурсе пандемии COVID-19. Следуя в данном вопросе за Т.А. ван Дейком, можно описать идеологию класса служащих и класса клиентов (Dijk, 1995, p. 249-250). Активация в рамках коммуникативного взаимодействия актуальной социальной роли клиента устанавливается весьма просто, без предъявления специфических требований и выполнения

каких-либо действий, для вхождения в класс клиентов достаточно гражданину любого социального статуса обратиться к вопросу реализации какого-либо волонтерского акта в условиях кризисного оперативного реагирования в периоды самоизоляции, дистанционного обеспечения своей трудовой деятельности в соответствующий социальный институт. Но для вхождения в класс агентов (служащих определенного социального института, реализующих меры по противодействию коронавирусной инфекции) не просто быть сотрудником каких-либо государственных структур, обличающих своего представителя неким видом социальной власти, но и иметь соответствующее образование, сформированные умения и навыки (в том числе коммуникативные) и опыт работы в условиях осложненного вертикального контекста. В рамках назначения на некоторую должность один из контркоммуникантов автоматически входит в класс агентов. Т.е. принадлежность той или иной социальной роли не является антропогенно-регулируемым и ситуативно-детерминированным развитием пандемии, оно прописывается извне, а следовательно его можно охарактеризовать как интенционально-вариабельное, более того смена актуальных ролей одного и того же индивида происходит в обществе постоянно ввиду того, что каждый человек так или иначе задействован в работе тех или иных социальных институтов (зачастую по данной причине происходит агент-клиентская интерференция коммуникативных кодов).

Особенно интересным для анализа представляется экспликация конфликтогенных аспектов реализации властных отношений в период пандемии, не связанная напрямую с демонстрацией принадлежности к той или иной актуальной социальной роли в конкретно порождаемом пограничном дискурсе, но неизменно учитывающая статусные характеристики вне рамок институциональных отношений «агент – клиент». Рассматриваемые ситуации возможны только в условиях актуализации компонентов общей разделяемой концептуально-валерной системы и едином психотипе актантов в коммуникативном акте. Например:

– Я сама решаю, какие копии Ваших документов можно принять, а какие нет! Ваша справка или тест уже просрочены, а медотвод от вакцинации Вы так и не предоставили.

- Ну, ничего, мир тесен, придёте и Вы ко мне на прием...
- Конечно... а где Вы работаете?
- Да Ваши соседи, в «пенсионном», могли бы и по упрощенке сделать.
- Ну, ладно, рука руку моет...

(материал из личной картотеки исследователя Ю.И. Бредихиной).

Необходимо подчеркнуть, что объективная и коммуникативная деятельность класса агентов заключается как в обеспечении нужд и притязаний класса клиентов, так и в поддержании адекватного функционирования системы социального института в условиях оперативного реагирования. Эта вторая функция и осуществляется с помощью воспроизводства властных взаимоотношений в рамках поддержания порядка и нормированности экстралингвистических и коммуникативных действий, конвенциональные аспекты которых определяются третьим дистантным контркоммуникантом – собственно абстрактным социальным институтом как единой разделенной концептуально-валерной системой. Ф. Зимбардо в своей работе в ходе эксперимента пришел к выводу, что действия некоторых респондентов, направленные на защиту прав и свобод клиентов в рамках неправомερных действий представителей группы агентов, иногда воспринимаются другими членами класса клиентов негативно и часто вызывают конфликты в среде испытуемых (Zimbardo, 2007). Основанием для агрессивного коммуникативного поведения в единой среде клиентов обуславливается тем фактом, что «наказание» (объективными действиями или в коммуникативной форме), как правило, накладывается не на конкретного высказавшего свое недовольство теми или иными осложненными обстоятельствами и действиями представителей класса агентов, а на всех представителей данной актуальной социальной роли. Подобное наблюдение ведет к разрушению привычной стереотипной модели двухфокусного членения, когда «продуцент или реципиент не может с уверенностью создать алгоритм единственно верной, непротиворечивой, однозначной семантической модели» (Бредихин, 2013) и происходит смена ролей и дискурсивных кодов. Такие «сломы» регистра коммуникации зачастую

вызывают трудности при трансляции социально-исторически детерминированных компонентов пограничного вида дискурса в глобальном контексте, так как кроме различных, действующих в качестве трансгрессионных и взаимовлияющих языковых кодов необходимо учитывать и смену функционально-прагматических характеристик вербальной коммуникации, что осложняет адекватную рецепцию инородных элементов и семантико-эмотивных аспектов диалогических единств.

Градация экспликаторных возможностей властных характеристик основывается не только на степени доступа непосредственно к инструментам социальной власти (возможности свободного действия в объективной реальности), но и на степени доступа к управлению направлением развития дискурса. Однако в рамках системы различных социальных институтов и их действия в условиях развития пандемии, а также свободной смене агент-клиентских отношений варьирование характеристик в актуальных статусных ролях контркоммуникантов можно считать достаточно размытым ввиду постоянной смены уровней коммуникативных действий и смены кодов общения, однако, это не мешает построению ярко выраженного «двуполярного мира» на первом (инкоативном) и завершающем (финальном) этапах пограничной коммуникации в процессе объективного взаимодействия, что находит свое отражение в характеристиках пограничного вида дискурса пандемии COVID-19 как специфического институционального типа на современном этапе осознания социально-исторического контекста.

ГЛАВА 4. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА НЕФТЕГАЗОВЫЙ ДИСКУРС В КРИЗИСНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ПЛАНЫ КОНТАМИНАЦИИ

*Доктор филологических наук, профессор
З.З. Чанышева*

В истории нефтегазового бизнеса не раз возникали кризисные ситуации, которые нередко вовлекали производителей природного углеводородного сырья в отношения острого много-стороннего конфликта, распространяющегося на многие жизненно важные сферы. Не стала исключением глобальная пандемия COVID-2019, многократно обострив существующие противоречия в сфере энергетических ресурсов и породив новые формы столкновений на международной арене, пополнивших арсенал кризисных коммуникаций.

Понятие «кризис» используется в разных дисциплинах, отражая в своём содержании множество признаков, имеющих приоритетное значение для разных сфер. В настоящее время можно выделить два основных подхода к его толкованию. С одной стороны, кризис – это катастрофа, социальное бедствие, несущее риск имиджу и репутации компаний, это неожиданное непрогнозируемое событие, нестабильное состояние, чреватое высоким уровнем угрозы для жизни и т.д. (Coombs, W.T. & Holladay, S.J. (Eds.). (2010); Fink S. (2013); Rogester M. (1989)). С другой стороны, взгляд на кризис как на позитивное социальное явление, открывающее возможность обновления, переоценки сложившихся стереотипов восприятия действительности и осознание необходимости обновления. Такой точки зрения придерживается антрополог В. Тэрнер, утверждающий, что есть позитивные моменты в кризисах, которые он описывает как ‘liminality’, a state ‘betwixt and between’. In crises, one is forced to question and challenge the given. Thereby, possibilities for change become visible, borders can be crossed, one can move between” (Turner, 1987).

Г.Г. Почепцов, рассматривающий кризисные коммуникации как особый тип дискурса, обратил внимание на их существенные особенности: дефицит информации, когда существующие информационные каналы не способны выполнять свои функции; нет учёта того, что публика оценивает ситуацию эмоционально, а не только лишь рационально, потому ожидает получить полную картину катастрофической ситуации вместо заверений, что для тревоги нет причин; потеря доверия к источникам информации, что повышает роль тех, кто напрямую обращается к населению (Почепцов, 1999, с. 104-105).

Одна из наиболее острых проблем в сфере межгосударственных отношений, связанная с отсутствием доверия в обществе особенно в годы идеологического противостояния систем, холодной, гибридной, информационных и прочих войн, заметнее всего проявилась в кризисный период, распространившись на все виды социальных отношений. Отнюдь не случайно тема недоверия была поднята известным исследователем кризисных коммуникаций Р. Водак, которая установила особенности восприятия пандемии в разных странах на разных этапах ковидного кризиса и выявила яркие лингвистические различия в публичных выступлениях лидеров ряда стран.

В своей работе на эту тему автор предлагает фреймовый анализ кризисных ситуаций, обращая внимание, помимо важности соблюдения диалогичности общения и религиозных призывов к всеобщему искуплению и возрождению (*resurrection and redemption*), на нарратив доверия (*trust*) и борьбы с вирусом (*fighting the virus*) (Wodak, 2021, p. 13-16). Особую роль Р. Водак отводит поддержанию межличностного и институционального доверия, то есть доверия к властным структурам. В качестве примера страны с высоким индексом доверия она приводит Швецию, показывая на материале выступлений премьер-министра страны подбор слов, эмоциональных обращений к каждому гражданину, чувство личной ответственности членов социума за себя, своих близких и свою страну, которые способны вызвать чувство эмпатии, сопереживания и доверия (*There is an individual responsibility and each individual must take responsibility for themselves, their peers, and their country*) (цит. по Wodak, 2021, p. 15).

Также приводятся примеры из речей и выступлений других известных европейских лидеров в кризисной коммуникации (А Меркель, Э. Макрона и др.), которые с огромным чувством ответственности обращаются к нации, разговаривая на равных, устанавливая рациональный и эмоциональный диалог, отношения всеобщего единения, когда руководитель принимает на себя полную личную ответственность за судьбы людей. Р. Водак выделяет такие акценты в обращениях А. Меркель к народу, как стремление объяснить в деталях необходимость введения и строгого соблюдения ограничительных мер, оценить реальную сложность ситуации, используя риторику объединения всех, поскольку мы все оказались в одной лодке (*'we are all in the same boat'*). При этом политический лидер Германии отдаёт себе отчёт в том, что вводимые рестрикции являются недемократическими и нарушают основные права человека, публично признавая, что для неё это было самым трудным решением. Но эти меры были необходимы. Ей удалось донести мысль о легитимизации, то есть признании вируса как неоспоримого факта, её моральной оценке и рационализации через подробные шаги объяснений (Wodak, 2021, p. 12).

В подтверждение правдивости высказываемых мыслей и искренности призывов, направленных против теорий заговора, распространяемых антиваксерами, были немедленно переданы по всем каналам кадры вакцинации крупных чиновников. Но Р. Водак при этом не настаивает на едином рецепте для всех стран, подчёркивая личностные характеристики лидеров, конкретные условия ситуации в каждой стране, коллективную память нации, исторические события. Так, например, она ссылается на фрагмент из речи Э. Макрона, который вспоминает Французскую революцию и цитирует статьи из Декларации о правах человека от 26 августа 1789 года, для оказания эффективного воздействия на аудиторию.

Правительствам разных стран постоянно приходится преодолевать отношения недоверия со стороны населения к вводимым ограничениям, обращая внимание на влияние коронакризиса на все сферы профессиональной и социальной деятельности людей. Пожалуй, заметнее всего влияние коронавирусной инфекции сказалось на нефтегазовом бизнесе, одним из социаль-

ных последствий которой явилось резкое сокращение популярных внутренних и трансграничных передвижений, ограничение видов социального досуга и т.д. Исследователи и эксперты в мировом профессиональном сообществе разделяют мнение, что ситуация осложняется также и тем, что на современном этапе энергетические ресурсы стали объектом ожесточённой конкуренции не только в экономической сфере, усилив своё влияние в области политики и геополитики (С.П. Дякина 2015, О.Б. Ломакина 2016, И.В. Юшков 2015, Г.О. Ярыгин 2015).

Широкое обсуждение кризисных ситуаций достигло небывалого размаха в медиасфере в связи с тем, что в последние годы в обществе произошли огромные изменения, которые повлияли на все стороны жизни, включая характер публичной коммуникации. Общество стало коммуникационно-информационным, медиациентричным, политизированным. На примере современной медийной коммуникации Т.В. Шмелёва разработала концепцию сферных лингвистик, уделив особое внимание медиалингвистике (Шмелёва, 2016). Понятие *медиасферы* стало ключевым в данной теории, приняв на себя огромную роль своим «предназначением в социальной жизни – решением специфических коммуникативных задач, составом участников и их ролями, речевыми жанрами, фактурой обращающихся текстов, способами регламентации общения» (Шмелёва, 2016, с. 221).

По этой причине нефтегазовый медиатекст, как и любой другой текст в кризисной коммуникации, попадает под сильное влияние тенденций, действующих в медиасфере: медиатизации и политизации сообщений. Медиатизация заключается в том, что медиасфера выдвинулась в центр общественного внимания, её влияние приобрело такую силу, что стали говорить о медиакратии. Политизация медийной коммуникации связана с тем, что произошли изменения в политической культуре, которая из монологической превратилась в диалогическую, вовлекающую в общение огромные массы людей, оказывающихся субъектами коммуникации, а не только адресатами, обретают свой голос (Шмелёв, 2016, с. 222)].

Вышесказанное позволяет заключить, что дискурсивный анализ коммуникативных событий в нефтегазовой отрасли может дать достоверные результаты при условии учёта большого

разнообразия разных факторов, участвующих в их создании. В большинстве подходов к дискурсу и дискурсивному анализу, начиная с известных трудов зарубежных учёных (Т.А. ван Дейк, Н. Фээрклаф, Р. Барт, П. Бурдьё, М. Фуко, М. Пешё, П. Серию и др.), отмечается повышенный интерес к экстралингвистическому фону, включающему ситуативный контекст, влияние социальных, культурных, идеологических, политических факторов, что выдвинуло проблему соотношения внешних обстоятельств и лингвистического инструментария для извлечения заключённых в дискурсе смыслов. Своеобразным ответом на эту ситуацию явилась статья В.Е. Чернявской, посвящённая проблеме операционализации контекста в дискурсивном анализе. Выдвинув базовый принцип смысловой интерпретации, заключающийся в том, что «когерентность конструируется не столько исходя из семантики языковых единиц и ситуативных знаний, сколько основываясь на доминирующей коллективной практике понимания», автор считает главной задачей исследователя необходимость учитывать аналитический потенциал социально ориентированных теорий и когнитивных наук, моделирующих процессы речемыслительной деятельности (Чернявская, 2017, с. 83).

На фоне глубокого кризиса в энергетической индустрии, спровоцированного и отягощённого глобальной пандемией COVID-19, обострились отношения конфликта между всеми сторонами нефтегазового бизнеса: производителями, потребителями, партнёрами, компаниями, правительствами стран-производителей углеводородного сырья, региональными союзами, поставщиками и участниками срочных контрактов и т.д. Без преувеличения можно сказать, что конфликтогенное поведение в области экономики, политики, международных отношений становится сегодня нормой, а не исключением на самом высоком уровне (Р. Дарендорф, А.В. Дмитриев, С.И. Дудник, Г.Г. Почепцов и др.).

В известной типологии конфликтного поведения видное место отводится именно ресурсному типу, который имеет множество подтипов в зависимости от характера ресурсов (сырьевой, лидерский, междержавный и др.) (Сушенцов, 2013, с. 18-19). По нашим наблюдениям, в англоязычных медиаисточниках конфликт как наиболее острый способ разрешения возникающих

противоречий прочно закрепился в публикациях о нефтегазовых столкновениях.

Судя по англоязычным медиатекстам, конфликт интересов, целей участников, ценностных приоритетов сторон и т.д. в нефтегазовой сфере приводит к комплексному проявлению противоречий, разрастающихся до масштабов энергетических войн. В настоящее время они не только не затихают, но разрастаются по своим масштабам, поскольку контроль над нефтегазовыми ресурсами является важной составляющей национальной мощи: “*control over oil and gas reserves is an essential component of national power*” (Klare, 2014). Новые энергетические и другие виды конфликтов используются как информационные поводы для реализации переформатирования мироустройства (Пищина, 2019, с. 6).

Подход к ресурсным конфликтам в известной классификации А.А. Сушенцова позволяет выделить следующие подтипы конфликтов:

1) сырьевой конфликт между ведущими производителями нефти: Россией и Саудовской Аравией, представленный в образе нефтяной ценовой войны *oil price war*;

2) сырьевой конфликт между поставщиками газа (российские компании) и его потребителями (страны Восточной Европы), включающий явные признаки корпоративно-правительственного и потребительского конфликта;

3) лидерский и межгосударственный конфликты, которые в полной мере проявились на фоне сырьевого конфликта.

Дискурсивный анализ репрезентации указанных видов конфликта включает способ представления события, основанного на достижении прагматической цели с использованием единиц двух уровней: культурно-языкового оформления медиатекста и когнитивно-прагматического воздействия. На уровне культурно-языковой составляющей основное внимание уделяется выбору эффективных средств упаковки информации в медиадискурсе. Уровень когнитивно-прагматической установки предусматривает целевую направленность, выбор инструментов, актуализирующих эмоциональную память, оживляющих представления, образы и события в массовом сознании с целью достижения максимального эффекта. Этот уровень направлен на

общественное мнение, которое формируется при восприятии содержания медийного текста, учитывающего коллективный и личный жизненный опыт, культурно-исторические параллели, социальное взаимодействие, личностные и коллективные ожидания и т. д. Оба уровня реализуются параллельно, дополняют друг друга и обеспечивают конструирование социальных значений как в авторской репрезентации события, так и в восприятии и оценке адресатом конфликтной ситуации, в котором «медиа-дискурс является частью процесса, с помощью которого индивиды конструируют – значения, а общественное мнение – это часть процесса, направленного на кристаллизацию социальных значений в публичном дискурсе с помощью журналистов и других культурных интерпретаторов» (Gamson, 1989, с. 2).

На уровне культурно-языкового представления конфликтных ситуаций между основными производителями сырья обращают на себя внимание выразительные средства на разных языковых ярусах, которые создают яркую упаковку описываемого события.

Так, например, в описании ценовой нефтяной войны в апреле 2020 г. доминантным приёмом в английских медиатекстах являются метафорические обозначения, представляющие широкую образную картину военных действий. Ключевыми понятиями являются **ВОЙНА**, **ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ**, **ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ**. Использование метафоры войны *oil price war* как основного звена в процессе её дискурсивного развёртывания в сочетании с другими риторическими приёмами свидетельствует о способности метафор создавать «максимальное напряжение текста» (Будаев, Чудинов, 2012, с. 125). Сквозная дискурсивная роль метафорического образа *price war* в рамках меганарратива конфликта (Чанышева, 2021) состоит в реализации прагматической политической установки возложить вину на Россию за обвал цен на нефтяном рынке.

В описании корпоративно-потребительского подтипа ресурсного конфликта между поставщиками газа и потребителями также богато представлены средства выразительности по отношению к газовому кризису в Европе осенью 2021 г., а также средства, направленные на характеристику поведения поставщиков сырья – российской компании Газпром и профильного

российского министерства. В англоязычных медиатекстах ключевыми являются понятия: ГАЗОВЫЙ КРИЗИС, ГАЗОВАЯ ВОЙНА, АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СИЛОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ, представленные лексемами *gas crisis, gas conflict, gas war*. Заявленная тема усиливается в конфликтемах, актуализирующих конфликтный сценарий развития дискурса (Осипова, 2011, с. 81) и включающих соответствующие выражения (*weaponise energy, energy as a tool of coercion, fighting a proxy war, to act more aggressively, hiking gas prices to force Europeans*) (bbc.com).

На уровне когнитивно-прагматического воздействия используются единицы, активизирующие традиционные негативные образы указанной российской компании и правительства, *unfair price gouging, a 'punishment'; Gazprom, Russia's state-backed is accused of flexing its muscles by both restricting supplies to Europe and keeping its European underground storage facilities at deliberately low levels. Moscow is choking off supply and pushing up global prices* (daily mail). Нередко используются исторические параллели и аллюзии на «советскую империю», которая якобы безнаказанно использовала этот ресурс как средство шантажа в отношении потребителей (*legacy assets from the Soviet empire, use gas to blackmail Europe and get away with it*).

Ведущие страны Евросоюза, выбравшие поставки газа на бирже по спотовым ценам вместо регулярных договорных поставок газа по фьючерсам, перекалывают вину на российскую компанию за свалившиеся на них беды (*a shock surge, price hikes and potential blackouts, supplies were being choked, not to play by the rules, Gazprom fueling price increases, hold Europe to ransom, Europe is 'addicted' to Russian gas, to force EU states to approve new gas pipelines*) (daily mail).

Обращает на себя внимание лексика, связанная с геополитическими и геоэкономическими устремлениями авторов статей. В газовом кризисе усматривается желание России расширить сферу своего влияния в этом регионе, укрепив свои позиции против американских компаний, поставляющих LNG, и заодно наказав бывших союзников (Польшу и Украину), якобы вышедших из зоны российского влияния. Используемая лексика репрезентирует в текстах ключевые понятия: УГРОЗА, ОПАС-

НОСТЬ, ШАНТАЖ, МАНИПУЛИРОВАНИЕ. На Западе в этом видят признаки войны чужими руками (проху war), в которой участвуют Россия (поставщик природного газа) и США (поставщик СПГ).

В репрезентации межгосударственного и лидерского под-типа конфликта наибольшая нагрузка падает на аксиологические единицы, выражающие отношение к России и её политическому руководству, которые якобы преднамеренно спровоцировали газовый конфликт. Англоязычные медиатекасты рисуют негативный портрет лидера страны, используя разнообразие оценочно-выразительных средств. Высок удельный вес метафорики, эпитетов, сравнений с отрицательными коннотациями (*to bully neighbours, cause the turmoil, prices whipsaw, behaving like a mafia boss in charge of a protection racket', ruthless use of gas as a weapon of coercion and influence'*) [guardian]. Велика нагрузка языка вражды, направленного в адрес руководства страны и лично главы России. Образ президента сопровождают недопустимые в дипломатическом протоколе прозвища и портретные характеристики (*Vlad the Blackmailer, wire-puller, the Russian president is exploiting the energy crisis to strengthen his autocracy and intimidate the West, the whims of President Putin, we're at the mercy of Putin, gave the Russian president enormous leverage*) (daily mail).

Помимо средств вербалики в английских медиатекстах используют разнообразные знаки невербалики. Например, на одной из картинок визуального ряда изображён В. Путин рядом с громадным медведем, являющимся популярным негативным стереотипом русских на Западе, в сопровождении иронической надписи *a bizarre image of Putin alongside a bear - claiming he is 'one of the most popular world leaders'*.

Активно используются клише, отражающие коллективный опыт жителей Великобритании, например, закреплённая во фразе система правления *a fearful system of divide and rule* (разделяй и властвуй), обозначающего политику с резко отрицательной коннотацией (*разжигание и использование вражды между его частями*), усиливающего обвинительный выпад против России в результате контекстуального расширения в тексте *with Russia in command*. В этом типе конфликта постоянно подчёркивается использование Россией газа в качестве мощного геополитиче-

ского оружия и инструмента шантажа (*clearly a very, very significant geopolitical agenda, quest for ever-greater domination of the region*). Ключевые понятия в описании этого типа конфликта включают следующие: СФЕРА ВЛИЯНИЯ, ДОМИНИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ, МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ. Россию обвиняют в стремлении усилить своё влияние в Европе, получить односторонние выгоды для себя в результате газового кризиса.

Рассмотрим, как добиваются этих целей англоязычные медиатексты, реализуя авторскую смысловую позицию, используя соответствующие коммуникативные общие и частные стратегии, определяющие выбор разноуровневых приёмов выразительности на всех ярусах языка и знаков невербалики.

Как известно, геополитика как многопрофильный термин имеет разные значения в традиционном понимании (военно-политическая мощь государств и роль географических факторов), новой геополитике (экономическая мощь государства и его роль в международных отношениях) и новейшем направлении (преодоление географического, военно-политического и экономического детерминизма и перенос акцента на технологические достижения государств, цивилизационный, демографический, информационно-коммуникационный и другие факторы доминирования и контроля) (А.Г. Дугин, В.А Дергачёв, К. Хаусхофер). В современной англоязычной медиасфере одним из главных принципов фильтрации потока информации является «установление повестки дня» (*agenda-setting theory*) (McCombs, Stroud, 2014). В этом ключе первостепенную медийную важность приобретают масштабные энергетические проблемы, создавшие остроконфликтные ситуации на нефтяных рынках и используемые для манипулирования сознанием массового читателя.

Для выражения манипулятивных интенций используются коммуникативные стратегии, включающие стратегии позиционирования, солидаризации, отчуждения, дискредитации и конфронтации. Коммуникативные стратегии определяются как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008, с. 54], которая предполагает планирование, определяющее частные речевые стратегии и диктующее выбор оптимальной для данной ситуации тактики,

вербальные и невербальные средства и приёмы выразительности в зависимости от адресата, конкретных условий общения, коммуникативной ситуации, идеологических, политических и др. факторов. Манипулятивные установки, рассматриваемые как «части технологии власти», преследуют цель создания «фальшивой действительности» (Кара-Мурза, 2015), которая должна быть воспринята через образы стереотипов, прочно закрепившихся в массовом сознании.

На материале анализа конфликтных ситуаций, возникающих и усиливаемых глобальной пандемией коронавируса, между производителями, потребителями, компаниями, правительствами стран, на территории которых производится углеводородное сырьё, установлены основные виды стратегий, вызывающих геополитические изменения.

Стратегия позиционирования как стратегия «битвы за умы» определяется как «направленные манипуляции сознанием» современного человека, который в сверхкоммуникативном обществе принимает только то, что соответствует уже имеющимся в его сознании знаниям и опыту, и отсеивает всё остальное (Trout, Ries, 2001).

Если признать, что целью медиадискурса является оказание воздействия на адресата с целью изменения его оценок, мнений, отношений, представлений и т.д., то тогда можно заключить, что дискурс является выражением определённой позиции адресанта, как, впрочем, и его восприятие адресатом.

Понятие позиционирования изначально возникло в коммерческой сфере, но постепенно перешло в сферу политическую, когда стали говорить о политическом маркетинге (Т.Э. Гринберг, И.Л. Недяк, В.А. Франц). Соответственно позиционирование приобрело новое значение применительно к политическому объекту и политическим отношениям. Когда обсуждается эта проблема в отношении геополитики, на первый план выходят такие аспекты позиционирования в маркетинге отношений, которые сводятся к следующим: концентрация на ожиданиях и восприятиях людей, долговременная эмпатия и связи, основа дохода – доверие и др. На другом полюсе в политическом маркетинге транзакций позиционирование проявляется в концентрации на объекте, преследуя кратковременную эмпатию.

тию, действия и мышление, имеющее сбытовую ориентацию и т.л. (И.Л. Недяк 2008, цит. по Франц, 2017, с. 7).

Источник PV magazine: *Then a standoff between Russia and Saudi Arabia, a member of the Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC), sent prices even lower. Saudi Arabia proposed a cut in oil production, but Russia refused to cooperate. Saudi Arabia then retaliated by cutting prices and increasing production, and Russia followed suit by lowering its prices. This tit for tat resulted in crude oil prices falling more than 60 percent from the start of 2020* (pv-magazine)

Источник Forbes: *Russia was never an OPEC member and has never shown signs of wanting to work for communal good... The oil collapse this week is the result of two powerful oil producers reacting in their own best interests during a global demand crisis. For three years, Russia and other oil producers have been coordinating with OPEC to increase the strength of oil production cuts. Russia has gone along with the other countries (although it has often privately failed to fully comply), Russia finally vetoed an OPEC plan; it sets them up as opponents, and Russia will almost definitely come out looking like the winner. Putin and Russian energy minister Alexander Novak are tough and experienced in making difficult oil decisions. Those are not adjectives often used to describe Saudi King Salman, his son Mohammed, or another of his sons, the oil minister, Abdulaziz* (forbes.com).

В примерах из двух англоязычных источников о нефтяной ценовой войне в апреле 2010 г. авторы чётко формулируют свою позицию, начиная с заголовка *Russia Will Beat Saudi Arabia In This Oil Price War*. В противостоянии крупнейших производителей нефти вина возлагается на Россию, которая не является членом ОПЕК и не относится к лагерю «своих». Используются следующие частные стратегии: создание образа ненадёжного партнёра по бизнесу, разоблачение нежелания действовать в интересах сообщества (*refuse to cooperate* – от сотрудничества; обвинение в невыполнении принятых обязательств *privately failed to fully comply*; обличение в отказе работать ради общественного блага (*not to work for communal good*); обвинение в закулисных махинациях (*has gone along with the other countries has privately failed*; создание нелице-

приятных образов оппонентов (*tough and experienced in making difficult oil decisions*); обобщение актов недобросовестного поведения оппонента (*was never an OPEC member and has never shown signs of wanting to work*; ; отсутствие эмпатии и поиска выхода из кризиса (*a standoff* - тупик, затор или патовая ситуация, из которой ни одна вовлеченная сторона не выйдет или не сможет выйти победителем; *tit for tat* – око за око, зуб за зуб (об отплате за причиненное зло той же мерой).

Стратегия солидаризации направлена на сближение и объединение «своих» в борьбе за совпадающие цели против общего врага. Сенатор от штата Техас Тед Круз призывал страны ОПЕК прекратить нефтяную войну против его штата и объединиться с Америкой в борьбе против России с целью снижения её доли на мировом рынке нефти и уменьшения влияния в мировой геэкономике. В следующем примере обращает на себя внимание личный дейксис, представленный местоимённой дихотомией «свои» (we, our, us) | «чужие» (they, them). Пример 1: “*Russia is our enemy, we know it. They behave like it and we treat them like it. You're supposed to be our friend. And so don't screw with us*”. Призыв к объединению со своими сопровождается советом не пытаться нас обманывать, разделяя позиции и действуя заодно (*screw – to cheat or deceive someone* (Cambridge) (fortune.com).

Данная общая стратегия лежит в основе ряда частных стратегий: сближения со странами, относящимися к категории «других»; заключения временных союзов: стратегия использования обещаний и предоставления льгот в отношениях; использования дезинформации и откровенной лжи и др.

Стратегия отчуждения в политике преследует цель достичь отдаления от бывших союзников в результате недовольства поведением, возникшего недоверия к политике или действиям, разочарования по отношению к политическим лидерам, странам или политическим системам.

Источник Daily Mail. *The move is seen as a 'punishment' for their leaders for pulling away from Russia's sphere of influence and allying more closely with the West, and both countries are strongly opposed to it* (dailymail).

Источник energyindustryreview.com. *This signals the dawn of a new era in international politics giving birth to powerful competi-*

tion dynamics and the realignment of America's relationships around the world. The most prominent and indicative region for this type of observations is this more apparent in the Middle East, where supposed U.S. allies are developing diplomatic, commercial, and military relationships with the same players Washington is supposed to be against, China and Russia, and all this while America is still trying to disengage from the region (withdrawal from Afghanistan and Iraq). That has led many of the 'abandoned' regional powers to conclude that the new regional equilibrium will be forged by either Beijing or Moscow (energyindustryreview.com).

В примере из Daily Mail строительство российского газопровода Nord Stream 2 расценивается правительствами Украины и Польши как форма наказания этих стран, якобы вышедших из-под влияния России и установивших более тесные союзнические связи с Западом. В примере из energyindustryreview показано усиление тенденции к переформатированию существующей системы геополитических и геоэкономических связей и отношений. Наиболее наглядно эти изменения происходят в регионе Ближнего Востока, где предполагаемые союзники США устанавливают дипломатические, коммерческие и военные отношения с Китаем и Россией, против которых борется Америка, которая одновременно пытается оторваться от своих противников в этом регионе – Афганистана и Ирака. А эта геополитическая трансформация способна вызвать у оставленных вне контроля стран ожидание нового геополитического равновесия усилиями Пекина или Москвы. В приведённых выше фрагментах из разных англоязычных источников стратегия отчуждения в области геополитики и геоэкономики проявляется в ряде частных стратегий: стремлении ослабить партнёрские отношения в новых ситуациях; получить односторонние выгоды и сиюминутные преимущества в конкуренции; наказать бывших партнёров за выход из зоны своего влияния; выстраивать новые виды отношений; изменять существующий формат геополитических и геоэкономических связей и др.

Стратегия конфронтации направлена остриём на разжигание конфликта со странами, отнесёнными к блоку «чужих». В медиатекстах, реализующих данную стратегию, широко используется военная лексика, милитарная метафора, язык вражды и

ненависти, оскорбительные слова и выражения, образы и средства демонизации врага и др.

Пример This infrastructure, often legacy assets from the Soviet empire, give the Russian president enormous leverage in the quest for ever-greater domination of the region [dailymail]. Общая стратегия конфронтации реализуется с помощью системы частных стратегий: актуализации прошлых конфликтных тем; возрождение темы советской империи; поиска и демонизации врага (оппонента); обострения отношений по оси «свои» / «чужие»; нападения и атак на лидеров; пересмотра и ревизии исторических событий

Таким образом, на основании проведённого исследования нефтегазового медиатекста в кризисной коммуникации, отягощённой коронавирусом, можно сделать следующие выводы: под влиянием пандемии COVID-19 кризисные коммуникации получают выраженный конфликтный характер; способ представления энергетических конфликтов в английских медиатекстах является манипулятивным средством обвинения России в использовании энергоресурсов в геополитических целях; основными стратегиями манипулирования сознанием являются стратегия позиционирования, солидаризации, отчуждения и конфронтации; они используются для создания международных союзов «своих» и углубления противоречий с «чужими» и «другими».

ГЛАВА 5. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАНДЕМИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ МИКРОБЛОГОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИДЕРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США)

*Доктор филологических наук, профессор
Т.А. Ширяева*

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что глобальная пандемия, вызванная новой коронавирусной инфекцией, радикально и навсегда изменила и жизнь отдельно взятого человека, и деятельность каждой страны, и существование мирового глобального сообщества в целом. Когда мир впервые заговорил о вспышке нового коронавируса, из-за которого город Ухань в китайской провинции Хубэй в январе 2020 года попал в заголовки мировых новостей, болезнь, вызываемая данным вирусом, еще даже не имела названия. Однако за последние два года COVID-19 превратился в глобальную пандемию, и название болезни и вируса, который ее вызывает – «COVID-19», прочно вошло в словарный запас подавляющего большинства восьми миллиардов человек, проживающих в настоящее время на Земле. Выражение «COVID-19» вполне может занимать одно из лидирующих мест как лексическая единица, вошедшая в лингвистический репертуар наибольшего числа людей в кратчайшие сроки.

Очевидно, что такая стремительная экспансия объясняется не только повсеместным использованием данного выражения и в повседневном, и в институциональном общении, но и активным тиражированием образа глобальной пандемии средствами массовой информации (телевидением, печатными изданиями), всевозможными интернет-источниками и, конечно, социальными сетями. Именно последние играют, на наш взгляд, одну из ключевых ролей в информировании населения, создании у него определенного отношения к происходящему, являются крайне

эффективным рычагом управления обществом и имеют в своем арсенале множество приемов формирования общественного мнения и манипулирования общественным сознанием.

Согласно современным исследованиям, практически 70% глав государств и правительств из 193 стран-членов ООН имеют свои собственные учётные записи (аккаунты) в соцсетях. Более того, некоторые лидеры имеют несколько аккаунтов в самых различных социальных сетях. Так, например, у президента Венесуэлы Николаса Мадуро пять аккаунтов в Twitter, которые он открыл ещё в 2013 году – на испанском, английском, французском, португальском и арабском языках. Королева Великобритании Елизавета II стала первым монархом, отправившим в декабре 2007 года электронное письмо. В апреле 2009 года королевская семья завела аккаунт в Twitter, в ноябре 2010 года – в Facebook. И сегодня королевская семья активно использует в своей повседневной жизни различные сети как способ взаимодействия с населением, активно демонстрируя собственную жизнь в различных проекциях. В мае 2014 года свой микроблог в Twitter открыла испанская королевская семья, которая также ведет достаточно наступательную информационную политику в виртуальном коммуникативной пространстве. В июле 2011 года в США прошли первые в истории интернет-дебаты: шесть претендентов на выдвижение кандидатами в президенты США от Республиканской партии провели их с помощью Twitter. В октябре 2012 года дебаты кандидатов в президенты США освещались онлайн в Twitter.

Объявленная ВОЗ пандемия COVID-19 доказала, что онлайн-мессенджеры и социальные сети обладают огромным потенциалом не только информирования граждан, но и служат уникальным средством для распространения дезинформации. Огромное количество непроверенных материалов, написанных в сети о пандемии COVID-19 в течение 2020 года, привело к появлению нового термина «инфодемия», означающего «слишком много информации, включая ложную или вводящую в заблуждение информацию в цифровой и физической среде во время вспышки болезни» (Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 2021 г.). Многие из распространенных в сетях текстов, к сожалению, содержат неадекватную, а порою и заведомо лож-

ную информацию о симптомах и лечении нового вируса, количестве случаев COVID-19, состоянии больниц и предстоящих введенных правительством ограничениях.

Не удивительно, что столкнувшись с коронавирусом заболеванием лицом к лицу, объявленным позднее – 11.03.2020 г. – Всемирной организацией здравоохранения пандемией, государственные лидеры всех стран не могли оставаться в стороне и вынуждены были отреагировать на сложившееся положение и начать предпринимать определенные информационные шаги, сообщая гражданам о всевозможных мерах и видах деятельности, которые государство предпринимает для спасения своих жителей, видит целесообразным для предотвращения распространения COVID-19. И здесь совершенно объясним тот факт, что среди множества различных способов взаимодействия с населением для решения возникающих перед государством сложнейших задач предпочтение было отдано различным социальным сетям, которые сегодня, как по мнению исследователей, так и по мнению общественности, являются одними из наиболее эффективных и предоставляют огромные коммуникативные возможности, а именно:

- колоссальный объем распространяемой информации и ее непрерывной обновление;

- бимодальность, предоставляющая пользователям возможность актуального или сетевого интерактивного взаимодействия;

- гипертекстуальность, обеспечивающая взаимосвязь обособленной информации в единое целое посредством гиперссылок;

- креолизуемость и мультимедийность, под которыми понимается способность коммуникантов использовать в общении мультимедийные иконические знаки (текст, звук, видео, фото);

- характерная эмотивность текстов, выраженная вербальными и невербальными символами.

Таким образом, различные социальные сети являются сегодня не просто развивающейся, многообразной, полифункциональной сферой деятельности современного человека, они становятся одним из наиболее перспективных и эффективных коммуникативных каналов для самых различных адресантов, вклю-

чая известных политических и государственных лидеров, нацеленных, в свою очередь, на выстраивание коммуникации с самыми разнообразными аудиториями.

Здесь важно подчеркнуть, что в чрезвычайных ситуациях, таких как распространение COVID-19, очень важна скорость информирования общественности. Twitter как социальная сеть с 330 миллионами активных пользователей в месяц (Statista, 2019), безусловно, является одним из наиболее успешных и перспективных коммуникативных инструментов информирования общественности о различных аспектах жизнедеятельности и конкретной личности, и организации, и государства в целом, включая кризисное оповещение населения о происходящих событиях, информирование общественности о развитии ситуации, создание в обществе атмосферы сопричастности, соучастия, вовлеченности во все принимаемые решения. В тоже время все вышеперечисленные особенности помещают данное коммуникативное интернет-пространство в центр пристального исследовательского внимания самых различных специалистов: социологов, психологов, философов, политологов, лингвистов и многих других исследователей (Смирнов, 2006, Вохрышева, 2010, Дайнеко, 2011, Колокольцева, 2012, Лутовинова, 2012, Селютин, 2012, Галичкина, 2012, Белинская, 2013, Карташова, 2014, Горошко, 2015, Кошелева, 2015, Павлова, 2015, Bubas, 2001, Baron, 1984, Crystal, 2011, Yus, 2010, Herring, 2014).

Целью настоящего исследования является выявление роли и значения лингвистических ресурсов и механизмов, используемых в социальных сетях государственных лидеров в кризисные периоды существования государства, в данном случае, речь пойдет о распространении и борьбе с пандемией «COVID-19» в Соединенном королевстве Великобритании и Соединенных штатах Америки. Данная цель предполагает решение целого ряда задач, а именно: вскрытие коммуникативного потенциала социальных сетей государственных лидеров на примере Twitter; изучение языковых лингвистических механизмов, используемых англоязычными государственными лидерами для формирования определенного общественного сознания; и наконец, анализ наиболее частотных в Твиттере языковых средств, обладающих

наибольшим уровнем воздействия на различные целевые аудитории.

Объектом данного исследования выступают англоязычные микроблоги Твиттер, принадлежащие премьер-министру Великобритании Борису Джонсону и действующему президенту США Джо Байдену.

Предметом исследования выступают языковые средства и коммуникативные механизмы, наиболее частотно используемые в англоязычном мессенджере Твиттер глав Великобритании и США, которые оказывают запланированное воздействие на самую широкую общественность, формируя необходимое правительствам понимание реальности пандемии.

В рамках исследования был применен ряд методов, обеспечивающих комплексное рассмотрение феномена информирования общественности и формирование запланированного общественного мнения. Так, для определения особенностей экспликации новой короновирусной инфекции (COVID-19) в различных ситуациях семиозиса в виртуальном пространстве применялся контекстологический анализ; анализ тональности (sentiment analysis) использовался для выявления авторской позиции и мнения в рамках освещаемых отправителями событий, диагностики основных тенденций в процессе трансляции общественно-значимой информации. В работе также используется описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Применяемая комплексная методика является попыткой создания алгоритмизированного анализа коммуникативно-информационных механизмов распространения информации и формирования общественного сознания в осложненном виртуальном пространстве в чрезвычайных ситуациях, таких, например, как распространение пандемии.

Популярность микроблога «Твиттер» обусловлена его функциональными характеристиками, позволяющими ему быть не просто инструментом социального взаимодействия, общения с друзьями и знакомыми, но и платформой для размещения видео-материалов и получения статистических данных. Что касается структуры самого твита, то в любом сообщении автоматически формируется заголовок, слева расположено имя автора и его ник, а справа – время отправки сообщения, день недели, ме-

сяц, год. Затем следует сам текст сообщения, на последней строке которого находятся дополнительные сведения: количество комментариев, ретвитов и лайков, оставленных другими пользователями.

Думается, что сегодня «Твиттер» представляет собой новый конвергентный Интернет-жанр, среди основных жанрообразующих характеристик которого следует выделить лаконичность, адресность, контекстную и коммуникативную обусловленность, интерактивность, гибридность, конвергентность, лингвокреативность. Говоря об уникальной природе «Твиттера» как жанра Интернет-дискурса, важно отметить, что он обладает многофункциональностью, особой системой используемых языковых средств выразительности и особой языковой организацией дискурса. «Твиттер» видится нам практически эталонным типом государственного и политического коммуникативного пространства, т.к. любая информация может быть выбрана и отражена в соответствии с критериями личной значимости, обращение к адресату является явным, гласным, и, наконец, обмен сообщениями похож на «живую» коммуникацию, а не односторонний обмен публикациями. Твиты, по мнению исследователей, делятся на предметно-ориентированные (диалогическое предметно-бытовое общение хорошо знающих друг друга пользователей); личностно-ориентированные (сообщение новостей личного характера, раскрытие перед собеседником своего внутреннего мира, комментирование сообщений подписчиков, согласие или дискуссия с авторами комментариев); социально-ориентированные или статусно-ориентированные (взаимодействие внутри социального коллектива с целью повышения социальной активности членов данного коллектива).

Выбор твитов государственных лидеров Великобритании и США в качестве исследовательского материала в данной работе обусловлен как возрастающим влиянием отдельных государственных деятелей на различные области жизни, так и укреплением национальных и межнациональных связей посредством коммуникации, делающих подобный способ профессионально-институционального взаимодействия одним из ключевых социокультурных факторов современности.

Выделив в качестве системообразующих инвариантных категорий твитов англоязычных государственных лидеров: 1) специфические цели (профессиональная государственная деятельность, усиливающая влияния на потенциальный электорат и расширение целевой аудитории); 2) участники коммуникации (государственная, политическая и бизнес элита, граждане страны, мировое сообщество); 3) социальный хронотоп (особенности взаимодействия коммуникантов во временного и пространственного характера), нами была определена ключевая характеристика институционального государственного твита – вследствие недостаточной интегрированности текстов в гипертекст, сообщения, появляющиеся в Твиттере, быстро теряют свою актуальность, возобновление тем, затронутых в твитах, и возврат к ним происходит в срок, не превышающий одного дня. Иными словами, общение в микроблоге всегда связано с образами и событиями ближайшего прошлого и ближайшего будущего. Пользователи обсуждают новости, непосредственно предшествующие общению, или делятся планами на ближайшее будущее. Таким образом, вся информация, которая появляется в Твиттере, достаточно быстро исчезает – некоторая полностью, другая частично. Что достаточно явно демонстрирует анализ твиттов, посвященных пандемии.

Переходя к рассмотрению лексических особенностей репрезентации пандемии Covid-19 в твиттер коммуникации государственных лидеров Великобритании и США, подчеркнем, что в период сложной эпидемиологической ситуации в мире в 2020-2021 гг. в том числе в области здравоохранения и введения пандемии, люди, по мнению психологов, склонны искать больше информации (Casero-Ripolles, 2020, p. 7-9). Данный факт подтверждается статистическими данными, убедительно демонстрирующими, что потребление новостей во время COVID-19 отмечено резким ростом. Более того последние исследования убедительно доказывают, что активное потребление информации о COVID-19 значительно повышает уровень знаний по данной теме у всех слоев населения, что приводит к осознанию реальной ситуации населением и принятию превентивных мер.

Пользователи Twitter ищут информационные ресурсы глав государств и соответствующих субъектов государства

как источник новостей и советов о том, как действовать, о государственных мерах, предпринимаемых правительством для борьбы с пандемией и общим состоянием страны. Отмечается, что некоторые пользователи используют Twitter в первую очередь как средство поиска информации, которое удовлетворяет их потребность в информации (Hughes, Rowe, Batey, Lee , 2012, p. 561-569).

Итак, на основе хронотопа все твитты государственных англоязычных лидеров, появившиеся в период пандемии новой короновирусной инфекции, нами условно были разделены на 3 основные фазы: первая фаза – возникновение и быстрое распространение новой короновирусной инфекции в конце 2019 года («Начало пандемии»); вторая фаза – период локдауна и полной социальной изоляции, характеризующийся упадком мировых экономик и грядущего кризиса («Локдаун»); третья фаза – фаза разработки и внедрения вакцины развитыми странами («Вакцинация»).

Учитывая высокую скорость обмена твитами и их лаконичность, обеим главам государств приходилось обдумывать и совершать постоянно растущее количество операций в единицу времени, что привело к генерированию уникальных языковых форм, созданию оригинальных речевых продуктов, использованию новых единиц номинации, закреплению новых структур в языке. Подобные особенности уникального использования языка мы считаем возможным называть лингвокреативностью.

Проведенный анализ англоязычных сообщений глав государств в микроблоге «Твиттер» убедительно показал, что лингвистическая креативность гос-твитов, т.е. использование различных, оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли, является характерной особенностью твит-взаимодействия.

Сегодня феномен креативности является предметом изучения различных наук, таких как психология, педагогика, психофизиология, нейрофизиология, искусствоведение и других (Азарова, 2014, Базилевич, 2015, Тюленева, 2012, Фещенко, 2012, Amabile, 1982, Gilford, 1965) (Гермашева, 2016). Нельзя не согласиться с В. Б. Базилевич, которая под лингвистической креативностью понимает способность реципиента манипулировать

знаниями о языке с целью создания новых слов и конструкций, приданию комического эффекта, расширение семантики существующих слов и выражений (Базилевич, 2015, с.21). Иными словами, лингвистическая креативность является совокупностью знаний о языке и, как следствие, нетривиальный подход носителя языка к их использованию.

В качестве отличительной характеристики лингвистической креативности языковой личности М. А. Холодная называет метафоричность, рассматривая данную категорию как умение индивида действовать в «невозможном», фантастическом контексте, предрасположенность адресанта к оперированию символическими, ассоциативными средствами при выражении своих мыслей (Холодная, 2002, с. 338).

Так, например:

«This crisis is so difficult because the enemy is invisible. The answer is to remove the cloak of invisibility to identify the virus, and to be able to know which of us is carrying it and who has actually had it and got over it» (Б.Дж.).

В данном случае премьер-министр метафорически называет коронавирус «невидимым врагом», который носит «плащ-невидимку», поскольку в естественных условиях весьма сложно обнаружить вирус. Также Борис Джонсон прибегает к использованию фразового глагола «get over» в значении «преодолеть».

Проанализированный нами лексический материал, используемый в англоязычной государственной твиттер-сфере в период противостояния мирового сообщества COVID-19,

– во-первых, позволил определить такие ключевые слова, которые формируют дискурс коронавирусной пандемии, как: «coronavirus», «covid», «pandemic», «lockdown», «outbreak», «herd immunity», «vaccination», «flatten the curve»;

– во-вторых, показал частотность наиболее популярных ЛЕ и сочетаний. Например, в твит коммуникации Бориса Джонсона: «coronavirus» использовано в 133 твитах, «pandemic» – в 125, «covid-19» – в 53, «vaccination» – в 23, «lockdown» – в 9, «outbreak» – в 8; в твиттере американских политиков помимо вышеприведенной прослеживается более эмоционально окрашенная: «to get vaccinated» – 64 раза, «unvaccinated» – 9, «to save lives» – 6, «tragedy» – 3.

– в-третьих, обозначил значимость тематики, связанной с пандемией. Например, 352 твита из 2007, опубликованных Борисом Джонсоном за последний год, посвящены теме пандемии, что составляет 17% от их общего количества;

– в-четвертых, выявил высокий уровень лингвистической креативности в политической твиттерсфере, посвященной тематике пандемии COVID -19.

Здесь, безусловно, нужно обратить внимание и на частотность освещения пандемии главами англоязычных государств на протяжении всех выделенных нами трех фаз информирования граждан страны о короновирусных реалиях. Так, например, в первой фазе Б. Джонсоном было опубликовано по теме только 25 твиттов, во второй фазе – количество твиттов, посвященных пандемии значительно выросло, насчитывая 157 твиттов, непосредственно связанных с распространением и течением пандемии, и 143 твитта опосредованно связанных с данной проблемой, в течение третьей фазы Борис Джонсон опубликовал 407 твиттов о ситуации с пандемией и 534 косвенно затрагивающих последствия пандемии для различных областей жизни в Соединенном королевстве. Как видим плотность информирования населения Великобритании о пандемических реалиях выросла более чем в 16 раз.

Более пристальное рассмотрение особенностей англоязычной онлайн твит коммуникации государственных лидеров англоязычных стран выявило еще несколько достаточно интересных характерных черт.

Так, в течение первой фазы «Начало пандемии» свойственна основной целью главы государства является оповещение граждан о начавшейся коронавирусной пандемии. Здесь подчеркнем, что населению еще мало что известно об этой болезни, о тех угрозах, которыми данная инфекция сопровождается, неизвестны методы противостояния к коронавирусной инфекции и какие меры государство собирается применять по его предотвращению. Впервые лексема «coronavirus» появляется в Твиттере Бориса Джонсона 18 февраля 2020 года, когда политик опубликовал первый твит на данную тему:

«This morning I spoke to Chinese President Xi to express my sympathy and support for those affected by the coronavirus outbreak.

The UK government has donated vital medical equipment to the region and we will continue to offer our assistance» (Б.Дж.).

В данной ситуации слово «coronavirus» используется в словосочетании со словом «outbreak» и переводится как «вспышка коронавируса».

Следующий твит по теме был опубликован 1 марта того же года: «*Coronavirus may very well be a challenge in the weeks and months ahead. But I have no doubt that with the help of the NHS and its -incomparable staff, this country will get through it – and beat it» (Б.Дж.).*

Важно отметить, что твитт-коммуникации Б. Джонсона в рамках первой фазы свойственно стремление свести волнение и панику населения к минимуму, и главной его тактикой в общении с читателями является создание доверия и убеждение в надежности проводимой политики. Последнее заставляет премьер-министра достаточно часто ссылаться на Национальную службу здравоохранения Великобритании (NHS) и, активно используя эпитеты, называет сотрудников данной организации «incomparable staff» (несравненные сотрудники), тем самым подчеркивать населению профессионализм работников сферы здравоохранения и свою уверенность в том, что данная служба «стоит на защите здоровья нации». Выражение «this country will get through it – and beat it» отмечает решительность действий Б. Джонсона в преодолении пандемии.

Здесь следует упомянуть, что результаты анализа убедительно показали, что в течение всего периода информирования населения о пандемии Борису Джонсону свойственно прибегать к различным лексическим единицам из лексико-семантического поля «BEAT» и «FIGHT» (битва, бой). Употребление подобной милитаристски окрашенной лексики в сочетании со словом «coronavirus» используется главой Великобритании с целью поддержания боевого духа населения, например: «fight against the coronavirus pandemic», «fight against coronavirus», «fight this virus», «fight against COVID-19» (31 раз); лексема «beat» в контекстах: «we beat this virus together» (33 раза). Обращение к эмоционально-окрашенным средствам английского языка в случае, когда паника у населения растет, не только оправданно, но и, на наш взгляд, необходимо, так поскольку именно использование

подобных лексических единиц позволяет главе государства достичь поставленных целей. Борис Джонсон как одно из важнейших лиц в государстве не просто информирует жителей своей страны, но формирует определенное отношение, некую уверенность в сложившейся ситуации и выражает его в эмоционально окрашенных словах, воздействуя на аудиторию. Не вызывает сомнений, что премьер министр отличается от обычного человека тем, что, как правило, целенаправленно и осознанно употребляет разнообразную милитаристскую лексику, чтобы пропагандировать государственные взгляды и выражать отношение к предмету сообщения в текстах. Тем самым он воздействует на аудиторию. Так появляется вероятность ответной реакции, взаимодействия.

Не менее важным аспектом в твиттах англоязычных государственных деятелей является использование личных и притяжательных местоимений «we» и «our» с целью объединения граждан Великобритании в борьбе с пандемией.

«We can send #coronavirus packing in this country, but only if we take the required steps to reduce the peak» (Б.Дж.).

С целью увеличения выразительности доносимой информации государственные лидеры прибегают к лексическим повторам, дублируя ЛЕ, тем самым стремясь уверить граждан, что они морально будут поддерживать каждого гражданина в условиях пандемии и сделают все возможное для того, чтобы пережить сложные реалии. Как, например, в следующем твите Бориса Джонсона:

«I say to business, stand by your employees, stand by your workers, because we will stand by you. I have absolutely no doubt that we will turn the tide of this disease and beat it together» (Б.Дж.).

Американские государственные деятели на фоне достаточно сдержанной британской твиттер-коммуникации в большей степени пронизаны прагматическим подтекстом. Здесь нужно отметить, что в отличие от британских сообщений в социальных сетях, американские тексты зачастую преследуют достаточно более комплексные политические цели, нежели информирование население и разъяснение сложившихся реалий в определенном ключе. Например, обращения Хиллари Клинтон зачастую ис-

пользуются не только как инструмент информирования населения, но и в качестве реакции на высказывания политических оппонентов, оценки их деятельности и ведения политической игры. Используемые Клинтон «pandemic», «COVID», «tragedy» и т. д., все чаще носят обвинительный характер в адрес Дональда Трампа. Любопытно, что в большинстве твитов обвинения в некомпетентности косвенные и завуалированные. Однако, встречаются и открытые претензии, как например:

«Over 225,000 Americans are dead in large part because of your incompetence and all you care about is the bad press?» (Х.Кл.).

Твиты как Х. Клинтон, так и Дж. Байдена зачастую носят побудительный характер. Они несут в себе призыв к действию, обращенный к аудитории. Например:

«We now have the tools we need to stop COVID. Ask a family member or friend to help protect your community by getting the safe, free vaccine.», *“Send this story to someone you know who is on the fence about getting vaccinated» (Дж. Б.)*

Так же частым приемом государственной верхушки США является использование неформального стиля общения для достижения более тесного контакта с общественностью. Оба политика обращаются к населению, применяя носящее положительное коннотативное значение слово «folks» (ребята, народ, люди, друзья), что придает твитам «народный» характер

Рассмотрев более 3000 твитов американской политической верхушки и выделив те сообщения, которые прямо или косвенно соотносятся с пандемией новой короновирусной инфекции, мы сумели выделить основные мотивы, побуждающие политических лидеров вести создавать сообщения в Твиттере. В первую очередь, это оповещение населения страны о различных аспектах жизни американского сообщества, связанных с коронавирусом, а именно: *экономическая ситуация в стране, разработка и внедрение вакцины, анти-короновирусная кампания, информирование о текущей статистике смертности и заболеваемости вирусом.*

Здесь нужно сказать, что Джордж Байден включился в активную твитт коммуникацию, связанную с пандемией, только став официальным президентом США, т.е. во время второй фазы «Локдаун». Основная цель, которую преследует Дж.Байден в

своих твиттах в этот период, это освещение необходимости защиты населения от коронавирусной инфекции и призывы к объединению нации ради борьбы с вирусом.

Лингвокреативность президента на данном этапе характеризуется использованием хештегов #StayHomeSaveLives, #coronavirus spreading», сообщающих населению о начале карантинных ограничений и всеобщей изоляции на фоне пандемии Covid-19. В данных выражениях прослеживается условность и ограничение на свободу передвижения адресовано гражданам, которые имеют симптомы коронавируса. Однако с 23-го марта фраза «stay at home» носит оттенок принудительности:

«If you don't follow these instructions, you are putting people's lives at risk: You must stay at home to protect our NHS and save lives» (Б. Дж.).

Впервые используется глагол «self-isolate», который в коронавирусном дискурсе стал неологизмом и приобрел смысл «самоизолироваться». Тема самоизоляции подкрепляется при помощи словосочетания «stay at home». Важно отметить, что в первой фазе данное словосочетание носит рекомендательный характер, как например продемонстрировано в отрывке из твита Б. Джонсона от 19-го марта 2020 года:

«Over the last 24 hours I have developed mild symptoms and tested positive for coronavirus. I am now self-isolating, but I will continue to lead the government's response via video-conference as we fight this virus. Together we will beat this» (Б. Дж.).

Другими ключевыми словами, характеризующими вторую фазу, стали «restriction», «social-distancing» и «lockdown».

Лексема «restriction» – an official limit on something, something that restricts, a regulation that restricts or restrains – была использована 39 раз за текущий период и наиболее часто встречается в сочетании «to ease restrictions» и имеет положительный оттенок в значении «ослабить ограничения».

Словосочетание «social distancing» представляет собой неологизм, возникший на фоне пандемии, и впервые используется политиком 28 апреля 2020 года. Практика социального дистанцирования означает как можно больше оставаться дома и вдали от других, чтобы предотвратить заражение вирусом. Социального дистанцирование поощряет использование таких ве-

щей, как онлайн-видео и телефонное общение, вместо личного контакта.

Исторически сложилось так, что социальное дистанцирование также использовалось взаимозаменяемо для обозначения физического дистанцирования. Однако социальное дистанцирование – это стратегия, отличная от поведения физического дистанцирования. Основной пик популярности использования данного словосочетания приходится именно на вторую фазу, имеет 49 упоминаний и зачастую встречается в контекстах «social distancing rules» и «social distancing guidelines».

Лексема «lockdown» за последние два года значительно изменилась в значении, ранее данный термин наиболее часто использовался для обозначения длительного заключения людей в тюрьмах или психиатрических больницах, но за последнее время слово приобрело ряд таких значений как «режим изоляции», «ограничительные меры», а также используется в русском языке как «локдаун» в качестве заимствования с английского языка, которое обобщает коронавирусные ограничения. Впервые использовано политиком 10-го мая 2020 года в следующем твите:

«Over the period of the lockdown we have been in Level Four, and it is thanks to your sacrifice we are now in a position to begin to move in steps to Level Three»(Б. Дж.).

Нужно подчеркнуть, что твитты Дж. Байдена, также как и твитты Б.Джонсона на этой фазе характеризуются явно выраженной эмоциональной составляющей, демонстрирующей серьёзное отношение государственной элиты к сложившейся сложной ситуации и напряженность, связанную с ограничениями, как, например:

«Misinformation is another deadly epidemic we need to get smart about combating»;

«Folks, we've officially reached our goal of 70% of adults receiving at least one dose of the vaccine. It's incredible progress, but we still have further to go. If you haven't already, get vaccinated. Let's defeat this virus once and for all»; «Together – as one nation»;

«We can do this» (Дж. Б.; Х. Кл.);

Государственные лидеры США в своих твитах в период локдауна активно прибегают к аллегориям и ассоциациям, при-

званным убедить населения посредством сравнения с общеизвестными понятиями.

«Losing weight is hard but with some small changes we can all feel fitter and healthier. If we all do our bit, we can reduce our health risks and protect ourselves against coronavirus – as well as taking pressure off the NHS» (Б. Дж.).

Борьба с коронавирусом сравнивается с процессом похудения и приведения тела в форму. Также политик соотносит понятия с первым и со вторым предложением: словосочетание «some small changes» совпадает со смыслом с «do our bit».

Третья фаза «Вакцинация» определена целью информирования населения о разработке вакцины против коронавируса и призывом вакцинироваться. Ключевыми словами данной фазы являются «vaccine», «vaccination», «vaccination programme». Данная фаза начинается в сентябре 2020 года и длится по сегодняшний день.

Период разработки вакцины сопровождается положительной оценкой и отзывами политиков об ученых и их достижениях. Например:

«Thank you to all of our brilliant scientists at @UniOfOxford , @AstraZeneca & across the UK who are working tirelessly to find a vaccine and to all those who have volunteered to take part in a clinical trial» (Б. Дж.).

В данном отрывке Борис Джонсон использует эпитет «brilliant» с целью выразительного подчеркивания профессионализма ученых, работающих над вакциной. Было отмечено, что премьер-министр в текущий период активно создавал интригу вокруг разработки вакцины, продолжая писать хвалебные твиты в сторону работников здравоохранения.

Рассмотрим следующий твит, написанный 23-го ноября 2020 года: *«Incredibly exciting news the Oxford vaccine has proved so effective in trials. There are still further safety checks ahead, but these are fantastic results. Well done to our brilliant scientists at @UniofOxford & @AstraZeneca , and all who volunteered in the trials» (Б. Дж.).*

Автор использует плеоназм «Incredibly exciting», с целью привлечения внимания к новости, а также лексема «fantastic» позволяет придать убедительность успешной разработки вакци-

ны. Как и в предыдущем твите, политик называет ученых «brilliant», отмечая очередной раз их профессионализм и ответственность, а также при помощи приема перифразы называет вакцину «триумфом Британской науки».

Данному периоду характерны максимально частые призывы к вакцинированию посредством целого ряда приемов. Например, твитам Х. Клинтон специфичны ассоциации и параллели с ситуациями из истории:

«On this day in 1979, after an extensive worldwide vaccination campaign, @WHO declared smallpox eradicated. We can do hard things» (Х. Кл.).

Для поощрения и поддержания морального духа Джо Байден пользуется такими метафорическими выражениями, как «свет в конце тоннеля» («light at the end of the tunnel»), «Давайте покончим с этим раз и навсегда» («Let's finish this once and for all»), «Давайте оставим пандемию позади» («Let's put this pandemic behind us»), «вопрос жизни и смерти» («This isn't about politics. This is about life and death») (Дж. Б.).

В твитах также обнаруживается прием парцеляции для определения фокуса сообщения и ее эмфазы:

«Please get vaccinated. For yourself. For the people you love. And for your country» (Дж. Б.).

Наибольшее количество твитов, относящихся к современной ситуации новой короновирусной инфекции содержат в себе призывы к вакцинации населения с подчеркнуто выделенным значением и важностью каждого отдельно взятого гражданина, например:

«Each of us can make choices», а указание вакцины в подавляющем большинстве твитов сопровождается описанием или фактической характеристикой ее безопасности и эффективности, например: «to deliver life-saving vaccines to more Americans», «the vaccines are highly effective and safe», «get protected» и т.д.). Для удержания внимания аудитории президент Джо Байден во большом проценте твитов прибегает к использованию фразы-обращению «tune in», что буквально может быть переведено как «включайтесь, настройтесь, услышьте».

Помимо вербальных сообщений в твиттере государственных лидеров и их работе по информированию населения о пан-

демии COVID-19, мы обратили внимание такие неоднозначные невербальные сигналы как безусловное ношение лицевых масок на фото и видео, упоминание о проведении встреч при помощи электронных сервисов (Facetime, Zoom), а также использование соответствующей лексики (to host a virtual meeting with business, university, and health care leaders on COVID-19). Наиболее часто употребительной фразой при этом является призыв к вакцинации («Get vaccinated»). Джо Байден как президент своим примером просит население следовать данному призыву в серии твитов, где он говорит о собственной вакцинации: *«I'll be getting my COVID-19 booster shot – and I encourage everyone who's eligible to get theirs as well»* (Дж. Б.).

Таким образом, анализ лексической составляющей твит-коммуникации государственных лидеров показывает её высокий потенциал для манипулирования целевой аудиторией и влияния на общественное мнение и выработку определенных поведенческих моделей. Согласно С.Г. Кара-Мурза, от понимания манипуляции в техническом смысле (манипуляторы – приспособления для управления механизмами) произошло современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. С.Г. Кара-Мурза характеризует манипуляцию как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [Кара-Мурза, 2002, с. 16].

Проблема манипуляции как скрытого психологического воздействия поднималась еще в древневосточной философии (Лао-Цзы, Конфуций), согласно которой манипулирование являлось неотъемлемой частью управления государством, основой дипломатии и политики.

Манипуляция сознанием начала активно изучаться зарубежными учеными относительно недавно – начиная с 60-х годов 20-го века (Франке 1964; Шиллер 1980; Войтасик 1981; Блакар 1987; Болинджер 1987; Вайнрих 1987; Шостром 1992; Московичи 1996). Ранее эта тема была закрытой для широкой общественности, исследования вели только специалисты военных ведомств и спецслужб. В Советском Союзе исследования манипулятивного воздействия также носили закрытый характер в

связи с особенностями социалистической идеологии. Тем не менее, в печати все же появлялись немногочисленные работы по манипулированию, однако отечественные авторы вынуждены были рассматривать этот феномен только на материале жизни капиталистических стран как проявление антигуманной и антинародной политики империализма (Бессонов 1971; Афанасьев 1977; Кульман 1978; Техника дезинформации и обмана 1978; Власов 1982; Волкогонов 1984; Баранов, Паршин 1986; Скуленко 1986; Байков 1988; Стриженко 1988).

В последние годы появилось большое количество исследований, посвященных манипуляции сознанием, в которых не только анализируются манипулятивные технологии и методы, но и излагаются принципы психологической защиты от манипуляции, а также рассматривается мировоззренческое значение манипулятивного воздействия на человека. Следует отметить, что в данных работах манипуляция изучается преимущественно в рамках психологии (Грачев, Мельник 1996, 2002; Доценко 1996; Лепский 1996, Кабаченко 2000; Панкратов 2001), политологии (Прокофьев 1999; Почепцов 2003; Кара-Мурза 2002, 2004), социологии (Комова 2005), философии (Павлова 2005). Собственно лингвистических исследований манипулирования человеком существует пока крайне мало (Мегентесов, Мохамад 1997; Плохинова, Лапинская 2002; Желтухина 2003).

Разница между понятиями «манипуляция» и «скрытое воздействие» заключается в том, что словосочетание «скрытое воздействие» не вызывает исключительно отрицательных ассоциаций у коммуникантов (ведь скрытое воздействие может положительно влиять на адресата), в то время как термин «манипуляция» практически всегда окрашен негативно.

Процесс манипулирования человеком тесно связан с суггестивным употреблением языка, под которым понимается воздействие на сознание и подсознание реципиента с целью изменения его в желаемом для коммуникатора направлении.

Согласно определению И.Ю. Черепановой, суггестия – это «воздействие на человека (прежде всего вербальное), воспринимаемое им без критической оценки, иными словами – латентное (скрытое) речевое воздействие» (Черепанова, 1995, с. 14).

Таким образом, суггестия и манипуляция пересекаются по двум наиболее существенным признакам: 1) скрытый характер воздействия;

2) отсутствие рационального анализа информации со стороны реципиента.

Анализ используемых западными лидерами государств коммуникативных стратегий манипуляции общественным мнением в период пандемии также, как и анализ лексических особенностей, был проведен в рамках 3х выделенных фаз: «Начало пандемии», «Локдаун», «Вакцинация». В тоже время данный анализ учитывал функционально-прагматическую составляющую, основывающуюся на выборе адресантом определенных коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих эффективность запланированного на адресата воздействия.

Отметим, что в рамках используемого в данном исследовании когнитивного подхода, характерного как для отечественных, так и для зарубежных исследователей, коммуникативная стратегия представляет собой систему когнитивных ходов, которые используются для выявления смысла высказывания, раскрытия его иллюкутивного потенциала и прагматического эффекта. По сути, когнитивное осмысление стратегии – это выявление и анализ механизма понимания и интерпретации смысла [Баранов, 1990; Дацюк, 2006; Дейк, 1989].

Результаты анализа фактического материала твит – коммуникации англоязычных лидеров государств позволили выделить в качестве базовых 6 ключевых коммуникативных стратегий, способствующих достижению поставленных целей адресантов и усилить эффект манипулирования целевой аудиторией в рамках онлайн коммуникации:

1. информирующую (осведомление, объяснение, дефиниция явлений),
2. регулятивную (требования, регулирование, приказы),
3. когнитивно-просветительская (мыслительно-знаниевая составляющая),
4. эмотивную (выражение ощущений, эмоций, отношения),
5. воздействующую (открытое манипулирование и убеждение),

б. интерпретирующую (аргументация).

Остановимся подробно на каждой из выделенных нами стратегий.

Наиболее характерной для интернет-коммуникации лидеров государств периода борьбы с коронавирусной инфекцией является **информирующая стратегия**.

Фаза № 1 «Начало пандемии». Впервые обсуждение коронавируса в твиттере Бориса Джонсона начинается 18 февраля 2020 года, когда был опубликован первый твит, в котором употреблено словосочетание «coronavirus outbreak», тем самым ознаменовывая начало обсуждения коронавирусной инфекции в сети Твиттер. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала вспышку коронавирусной инфекции чрезвычайной ситуацией международного значения. Задачей лидеров государств является информирование населения об опасности и отслеживание ситуации, связанной с заболеванием, в прогрессивно изменяющемся мире.

«This morning I spoke to Chinese President Xi to express my sympathy and support for those affected by the coronavirus outbreak. The UK government has donated vital medical equipment to the region and we will continue to offer our assistance» (БДж).

В данном контексте слово «coronavirus» используется в словосочетании со словом «outbreak», в сочетании переводится как «вспышка коронавируса». Также Борис Джонсон информирует население о том, что они нацелены с Китаем на выстраивание доверительных отношений, на что нам указывает предложение «has donated vital medical equipment», указывающее на готовность Великобритании безвозмездно помогать Китаю и выстраивать совместное сотрудничество.

Характерным для информирования населения в твит коммуникации первой фазы является использование ЛЕ «an update» и «significant» с целью заострения внимания на актуальных новостях.

В период фазы № 2 «Локдаун» коммуникация, реализуемая государственными лидерами посредством твит сообщений фокусируется на тематике карантинных ограничений и всеобщей изоляции на фоне пандемии Covid-19: «lockdown», «restriction», «social-distancing» и «stay at home». В силу услож-

нения ситуации информирование граждан подкрепляется объективной статистикой и значимыми экспертными мнениями, частотными отсылками к положительной репутации и весомости вовлеченных в процесс борьбы сторон. Например, в твит сообщении Б. Джонсона: *«I've announced a further £210m of aid funding for vaccine research following today's G20 call, meaning the UK is going above and beyond in the search for a vaccine»* (Б.Дж.), премьер министр фокусирует внимание на количестве сотрудников Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS), тем самым указывая на то, что медицина позволяет контролировать ситуацию в стране и впервые поднимает тему о вакцинации, употребляя два раза лексему «vaccine». Премьер-министр заявляет, что совместно с «Большой двадцаткой» (G 20) направит общие усилия на исследование и поиск вакцинации против коронавируса.

Фазе № 3 «Вакцинация» свойственно акцентирование тематики «vaccine», «vaccination», «vaccination programme». На данном этапе государство стабильно информирует население о разработке вакцины против коронавируса. Например, твит Б. Джонсона, в котором он объявляет о начале разработки отечественной вакцины: *«Today I visited the @JennerInstitute at @UniofOxford, where scientists are leading efforts in developing vaccines for the world's most infectious diseases»* (Б. Дж.), сообщает о личной заинтересованности и вовлеченности премьера в процесс разработки вакцины. Чтобы придать уверенности новости, премьер-министр утверждает, что ученые вышеупомянутых центров способны разработать вакцины от «самых заразительных заболеваний в мире».

Основными чертами реализации *регулятивной стратегии* в виртуальной коммуникации в социальных сетях государственных лидеров, включающей в себя требование, объяснения или приказы, являются твитты, направленные на регулирование ситуацией внутри страны и снижение распространения коронавирусной инфекции.

Фаза № 1 «Начало пандемии» характеризуется призывами политиков к бдительности и сознательности. Например, твит Бориса Джонсона от 18 марта 2020 года

«If anyone in your household has coronavirus symptoms, you must all stay at home

- *Do not visit your GP or local hospital*

- *Visit <http://NHS.uk/coronavirus> to check symptoms and follow the advice» (Б.Дж.),*

апеллируя к профессиональной компетентности профессора Криса Витти, призывает людей, находящихся в группе риска, «обязательно» оставаться дома, на что указывает модальный глагол «must», выражающий приказание и настойчивую необходимость. Также он призывает не посещать лечащего врача и больницы, словосочетание «лечащий врач» в данном твите выражено аббревиатурой «GP», которое расшифровывается как «General practitioner».

В обращении от 20 марта 2020 года, когда ситуация приближается к обязательной самоизоляции населения, Борис Джонсон публикует твит: *«NHS staff are doing extraordinary work across the country to help our fight against coronavirus. We now need to play our part in supporting them by following the government's guidance and working from home if you possibly can»* (Б. Дж.) для того, чтобы призвать население оставаться дома, Премьер-министр упоминает Национальную службу здравоохранения Великобритании (NHS) и использует эпитет «extraordinary», тем самым выражая имплицитную похвалу работникам службы, которые прикладывают все свои усилия в борьбе с коронавирусом. Премьер министр объясняет, что граждане страны тоже могут помочь в преодолении предстоящей пандемии посредством следования «рекомендациям правительства» и «работой из дома». Вышеупомянутые рекомендации позволяют политике повлиять на население и регулировать ситуацию внутри страны.

В период фазы № 2 «Локдаун» регулятивная стратегия выходит на лидирующие позиции, приобретая оттенок назидательности и высокой степени модальности.

Во второй фазе, когда начался период ограничений, словосочетание «stay at home» приобрело оттенок принудительности, что отмечено в следующем твите, опубликованном 23 марта 2020 года:

«If you don't follow these instructions, you are putting people's lives at risk: You must stay at home to protect our NHS and save lives» (Б. Дж.).

Политик призывает людей к осторожности и использует модальный глагол «must» с целью информирования населения об ухудшении ситуации и соблюдении соответствующих мер. Тенденция использования словосочетания «stay at home» сохранилась до конца периода первой волны ограничений, и был зафиксирован 21 случай использования данного словосочетания, наиболее часто встречалось в контексте: «stay at home, protect the NHS, save lives».

К концу июня 2020-го года снижаются строгие коронавирусные ограничения и 27-го июня премьер-министр публикует твит: «Whilst we have been able to carefully ease some restrictions, we must #StayAlert to the very real risks of coronavirus. I would urge everyone to please remain vigilant this weekend and stick to the social distancing guidelines. If we let our guard down, cases will rise» (Б. Дж.), который призывает к соблюдению социальной дистанции при помощи фразовых глаголов «stick to» и «let guard down».

Фазе № 3 «Вакцинация» свойственно транслирование политиками значимости соблюдения государственных мер и законов в максимально очевидной и открыто-императивной форме. Например:

«The vaccine is our best route out of this pandemic and we must all do our part by taking the vaccine when it is offered to us. Thank you Sir @LennyHenry for speaking up on this important issue» (Б. Дж.)

призывает граждан к вакцинации, называя это «наилучшим путем» («best route», «must»). Кроме того, премьер-министр ссылается на личный пример известной личности Ленни Генри – знаменитого британский актёр, сценарист, кинопродюсер, который высказался на тему вакцинации в видео, прикрепленном к твиту.

Когнитивно-просветительская коммуникативная стратегия, в твиттах лидеров государств несет образовательно-разъяснительный характер, позволяя делиться новыми знаниями и планами по борьбе с коронавирусной пандемией.

Фазе № 1 «Начало пандемии» свойственно дополнение твитов видеоматериалами. В данный период лидеры в личной коммуникации просят врачей и экспертов рассказать об основных симптомах коронавируса: «лихорадка», «кашель», «боли в горле» и «одышка». Это связано с неосведомленностью общества о симптомах коронавируса и необходимостью получить информацию из авторитетных источников. Например:

«— *Jenny, perhaps you could tell everybody what are the symptoms of COVID-19 coronavirus?*

— *So the main symptoms that people present with are fever, usually quite a high fever and a cough, but we do get people coming with sore throats, shortness of breath» (Б. Дж.).*

В период фазы № 2 «Локдаун» данная стратегия помогает лидерам государств описывать ключевые факторы и риски течения пандемии. Например, в твите:

«*Over the last 24 hours I have developed mild symptoms and tested positive for coronavirus. I am now self-isolating, but I will continue to lead the government's response via videoconference as we fight this virus. Together we will beat this» (Б. Дж.).*

Джонсон сразу сообщает, что у него «умеренные симптомы» (mild symptoms), и он чувствует себя нормально. Впервые за все время использован глагол «self-isolate», который в коронавирусном дискурсе стал неологизмом и приобрел смысл «самоизолироваться». Тема самоизоляции подкрепляется при помощи словосочетания «stay at home».

Еще один твит от 10 мая 2020:

To chart our progress and to avoid going back to square one, we are establishing a new COVID Alert System run by a new Joint Biosecurity Centre. That primarily R and the number of coronavirus will determine COVID Alert Level cases. #StayAlert» (Б. Дж.),

сопровождается картинкой с формулой: «COVID Alert level = R (rate of infection) + Number of infections». Борис Джонсон в данном твите сообщает, что разработана новая система оповещения о коронавирусе. Система работает по формуле: Уровень опасности равен сумме уровня заболеваемости с числом инфицированных. При помощи данной системы население сможет отслеживать динамику коронавирусной инфекции.

В фазе № 3 «Вакцинация» когнитивно-просветительская стратегия приобретает оттенок убеждения, транслируя идею всеобщего блага мер, предпринимаемых государством. В то время как продолжается разработка отечественной вакцины, премьер-министр сообщает, что на территории страны появилась вакцина, разработанная компаниями Pfizer и BioNTech, и скоро будет доступна по всей стране. Например:

«It's fantastic that @MHRAgovuk has formally authorised the @Pfizer / @BioNTech_Group vaccine for Covid-19. The vaccine will begin to be made available across the UK from next week» (Б. Дж.),

показывает, что премьер-министр положительно реагирует, на появление вакцинации в Великобритании и стремится убедить население, что это станет универсальным средством для решения всем проблем, вызванных последствиями коронавируса. Твит от 14 января 2021 года носит новейшую информацию касательно вакцинации: «Today the first high street pharmacies start vaccinating people against COVID-19. By the end of the month, we will have hundreds of local pharmacies helping us roll out the vaccine across the UK» (Б.Дж.), в котором Борис Джонсон сообщает, что начинается процесс вакцинации людей в аптеках городов, и что к концу текущего месяца правительству удастся распространить вакцины повсеместно. Автор использует фразовый глагол «to roll out» для того, чтобы точно передать смысл фразе «распространить вакцину по всей стране».

Ключевой целью *воздействующей стратегии* в твит коммуникации политиков в период пандемии является влияние на ситуацию посредством использования таких инструментов воздействия на общество, как провокация и интеракция.

Публикации фазы № 1 «Начало пандемии» изобилуют использованием личных и притяжательных местоимений «we» и «our» для актуализации важности «роли каждого» в борьбе с коронавирусом. Например, премьеру Б. Джонсону характерно использование эпитетов: «huge thank you», метафорического «fight against the coronavirus pandemic» и Present Perfect для усиления эффекта уникальности сложившейся ситуации: «*We've never needed you more than we do today» (Б. Дж.)*. В твите от 19 марта 2020 года: «*I say to business, stand by your employees, stand by your workers, because we will stand by you. I have absolutely no doubt that*

we will turn the tide of this disease and beat it together», наблюдается повторы личного местоимения «I», противопоставляющего личный активный вклад премьера в противодействие вирусу и вынужденность остановки производства, из-за чего пострадали малые бизнесы и работники. В репликах политика прослеживается стремление уверить граждан в том, что Джонсон морально готов поддерживать каждого в условиях пандемии и делает все возможное для того, чтобы пережить сложные реалии.

Проявление личного примера поведения лидеров государств продолжается в твит коммуникации фазы № 2 «Локдаун». Например, твит: *«Josephine sets a great example to us all by postponing her birthday party until we have sent coronavirus packing. Together we can beat this. In the meantime let's all wish her happy birthday (twice) whilst washing our hands»* (Б. Дж.) изобилует использованием фразеологизмов «sent coronavirus packing» и «washing our hands», которые в контексте коронавируса приобретают особый смысл и является базовой рекомендацией профилактики Covid-19.

Фазе № 3 «Вакцинация» характерно использование максимально эмоциональных постов. Например, твит: *«Great news Prue! Wonderful to see so many in the UK getting vaccinated. Many thanks to the health workers who are working tirelessly to get this vaccine to people up and down the country»* (Б. Дж.) отражает восторг Бориса Джонсона от решения знаменитой ведущей вакцинироваться и собственным примером призывает общество совершить шаг в будущее без угрозы заражения: *«I've just received my first Oxford/AstraZeneca vaccine dose. Thank you to all of the incredible scientists, NHS staff and volunteers who helped make this happen. Getting the jab is the best thing we can do to get back to the lives we miss so much. Let's get the jab done»* (Б. Дж.).

Эмотивная стратегия в онлайн коммуникации позволяет лидерам выразить субъективную оценку ситуации, а также позитивные и негативные чувства касательно обстановки в стране.

Фаза № 1 «Начало пандемии» характеризуется использованием эпитетов для придания положительной эмоциональной окраски явлениям. Проанализировав 21 твит первой фазы Бориса Джонсона, нам удалось выделить следующие словосочетания,

выражающие оценку: «incomparable staff» (несравненный персонал), «huge thank you» (огромное спасибо), «extraordinary work» (потрясающая работа). Эмотивные оценки адресованы к медикам. Премьеру свойственно избегание эмотивных окрасок в период данной фазы с целью ликвидации паники среди населения на начальном этапе пандемии и создания оптимистического настроения населения.

Фаза № 2 «Локдаун» отличается максимальной откровенностью политиков в выражении чувств. Нами были выявлены случаи использования негативных эмоций, поскольку период коронавирусных ограничений сопровождался ростом заболевших и всеобщего волнения на фоне самоизоляции. Например, твит: «*This morning I took part in a minute's silence to remember those workers who have tragically died in the coronavirus pandemic. The nation will not forget you*» (Б. Дж.) выражает соболезнование премьеру и подтверждает его личное волнение на фоне пандемии: «*I know that the lockdown restrictions have been difficult, and that many will be suffering from loneliness and feelings of isolation. If you know someone who may be alone at this time, give them a call and let them know that you care*» (Б. Дж.). Использование «*loneliness*» и «*feelings of isolation*» позволяет Джонсону максимально точно передать настроение в обществе в условиях изоляции и сблизиться с гражданами.

Фазе №3 «Вакцинация» свойственно использование эмотивной лексики с положительной окраской с целью подчеркивания эффективности вакцинации. «*Fantastic news*», «*a triumph for British science*», «*incredible*», «*to protect the vulnerable*», «*fight back against the virus*», «*alarming rate*», «*it's critical*» позволяют максимально ярко выразить восхищение политиков в рамках официальной страницы социальной сети.

Интерпретирующая стратегия также занимает значительную часть твитов лидеров государств.

Твит коммуникация фазы №1 «Начало пандемии» представляет собой лингвокреативный процесс, продуцирующий образное описание серьезности сложившейся ситуации. ЛЕ «*challenge*», «*beat*», «*fight*», «*crisis*», «*an invisible enemy*» «*get over*» в сочетании с «*coronavirus*» позволяет политикам метафорически представить обществу борьбу «невидимым врагом»,

который носит «плащ-невидимку», поскольку в естественных условиях весьма сложно обнаружить вирус.

Американскому правительству свойственны призывы «оставаться сильными, чтобы победить COVID-19», например: «*We need everyone across the country to pull together to get us over the finish line*» (Дж. Б.), причем во многом подобные обращения сопровождаются упоминаниями простых бытовых ситуаций и ценностей для того, чтобы вызвать наибольшее доверие у публики, например: «*We all miss trips to the movie theater, meals with loved ones, baseball games, and barbecues. We can get back to all of that by getting vaccinated and making sure everyone we care about gets vaccinated, too*» (Дж. Б.).

В некоторых рассмотренных твитах также присутствует оценка проведенной работы во внешней политике и освещение ситуации борьбы с вирусом в зарубежье, например: «*India is facing a surge of COVID cases that threatens to leave as many as 1 million people dead over the next few months*» (Дж. Б.).

Не менее популярным является использование олицетворения в сообщениях с целью привлечения внимания читателей и сплочения их вокруг «одного общего врага – пандемии», например: «*Misinformation is another deadly epidemic we need to get smart about combating*»; «*Folks, we've officially reached our goal of 70% of adults receiving at least one dose of the vaccine. It's incredible progress, but we still have further to go. If you haven't already, get vaccinated. Let's defeat this virus once and for all*»; «*Together – as one nation*» (Дж. Б.) и т.п.

В период фазы № 2 «Локдаун» стремление политиков подтолкнуть общество к соблюдению ограничений, воздействуя на их сознание граждан посредством использования прагматики текста усиливается. Твит от 10-го мая 2020 года: «*Over the period of the lockdown we have been in Level Four, and it is thanks to your sacrifice we are now in a position to begin to move in steps to Level Three*» (Б. Дж.), подчеркивает усиление опасности, исходящей от коронавируса и использует «sacrifice», подразумевая моральные и физические страдания людей в период карантина, а также работу служб здравоохранения, которые направляют свои усилия на борьбу с пандемией, которые, к его сожалению, переходят на уровень ниже, но не к скорому концу пандемии.

В твит коммуникации премьер Джонсон прибегает к аллегории: «*Losing weight is hard but with some small changes we can all feel fitter and healthier. If we all do our bit, we can reduce our health risks and protect ourselves against coronavirus – as well as taking pressure off the NHS*» (Б. Дж.), сравнивая борьбу с коронавирусом и процесс похудения и соотнося понятия в первом и втором предложениях: словосочетания «some small changes» совпадает со смыслом с «do our bit».

Фазе № 3 «Вакцинация» свойственно образное описание результатов успешных действий, предпринимаемых государством для привлечения внимания общества к прорыву в достижениях медицины. Премьер-министр Великобритании, например, отслеживая процесс создания вакцины и делится новостями в Твиттере, где активно обсуждает действия ученых и исследователей таким образом: «*Thank you to all of our brilliant scientists at @UniOfOxford , @AstraZeneca & across the UK who are working tirelessly to find a vaccine and to all those who have volunteered to take part in a clinical trial*» (Ю. Дж.), подчеркивая профессионализм ученых, работающих над вакциной и приравнивая их усилия к непосильному невероятному труду.

В данный период политические деятели США с определенной периодичности рассылают в твиттере ссылку на регистрацию на вакцинацию, активно призывая население к вакцинации. Для поощрения и поддержания морального духа Джо Байден пользуется такими метафорическими выражениями, как «свет в конце туннеля» («light at the end of the tunnel»), «Давайте покончим с этим раз и навсегда» («Let's finish this once and for all»), «Давайте оставим пандемию позади» («Let's put this pandemic behind us»), «вопрос жизни и смерти» («This isn't about politics. This is about life and death») (Дж. Б.).

Несмотря на то, что большинство твитов основаны на использовании сразу нескольких коммуникативных стратегий, подводя итоги, на основе преобладания в твитте государственного лидера той или иной стратегии, были получены следующие статистические показатели: информационная – 24,5%; регулятивная стратегия – 22%; когнитивно-просветительская – 22%, воздействующая – 11%,; эмотивная – 11%, интерпретирующая – 9,5%.

Суммируя все вышеизложенное, подчеркнем, что пандемия коронавируса (COVID-19), получившая глобальный масштаб, не только повлияла на жизни миллиардов людей по всему миру, но и стала очевидной причиной появления значительного количества лингвистических изменений, включая новые речевые модели в социальных сетях. Из-за большого объема, скорости и разнообразия данных о пандемии, доступных через Twitter, последний рассматривается как чрезвычайно полезный и многообещающий источник данных для лингвистических исследований. Государственный и публичный дискурс о COVID-19, появляющийся в Twitter и других социальных сетях, состоит, с одной стороны, из взаимосвязанного набора тем, которые прямо или косвенно связаны с COVID-19. С другой стороны, информирование, просвещение, воздействие на население и интерпретация сложившейся ситуации и т.д., безусловно, основано на использовании различных лингвистических механизмов и ресурсов, которые сегодня только начинают осознаваться и изучаться.

Осуществленный анализ, направленный на идентификацию твитов, связанных с COVID-19, выявление тематически согласованных тем и разграничение отдельных этапов в рамках дискурса, связанного с COVID-19 в Твиттере англоязычных государственных лидеров позволил, во-первых, выявить следующие ключевые ЛЕ, употребляемые в различных фазах развития пандемии премьер министром Великобритании и государственными лидерами США: в первой фазе «Появление коронавируса» ключевыми самыми частотными ЛЕ являются “coronavirus”, “covid-19”, “pandemic”, “outbreak”; во второй фазе «Локдаун» - “coronavirus”, “pandemic”, “covid-19”, “lockdown”, “restrictions”, “social-distance”, “stay at home”; в третьей фазе «Вакцинация» - ключевыми словами, согласно проведенному исследованию, являются «vaccine», “vaccination”, “vaccination programme”, “coronavirus”, “pandemic”, “covid-19”. Данные ключевые слова и выражения были зафиксированы в 87,8% всех проанализированных твитов и здесь важно подчеркнуть, что использование количественной методики при изучении языковых и речевых объектов разного типа и разного уровня становится сегодня многоаспектным прикладным направлением в психолингвистике, социолингвистике, математической лингвистике, лексикографии

при изучении текста и его языковых единиц, жанров, вариативности и т. д. «Поверив алгеброй» языковую «гармонию», структурно-вероятностный подход усиливает эффективность лингвистического анализа, делая его достоверным и убедительным.

Не менее важным выводом проведенного исследования явилось понимание лингвистической природы манипулирования, к которому активно прибегают первые лица западных государств в Твиттере, имеющего скрытый, суггестивный характер. Языковой основой манипулирования общественным сознанием в Твиттере англоязычных глав государств чаще всего становится лексико-семантическая вариативность, создающая «поле» для манипулирования за счет коннотативного контекстуального значения слова, точнее, за счет его воздействия на реципиента. Другими словами, это использование вместо стилистически нейтральных лексических единиц слов с ярко выраженной эмоциональной окраской, воздействующих на подсознание читателя и формирующих его отношение к той или иной информации. Наибольшее усиление коммуникативного манипулятивного воздействия было выявлено и у британского и у американского государственных лидеров в третьей фазе распространения коронавирусной инфекции с целью убеждения населения вакцинироваться.

Результаты проведенного анализа позволяют говорить, что государственные лидеры используют пандемию COVID-19 в социальных сетях не только и не столько для информирования населения, сколько решая целый спектр совершенно других вопросов. Одновременное использование лингвистических и паралингвистических средств «первыми лицами государств» в Twitter для манипулирования целевой аудиторией выявили значительные преимущества одновременного применения вербального и невербального компонентов для усиления прагматического эффекта воздействия на реципиента посредством использования креолизованного текста в социальных сетях.

Не вызывает сомнений, что Твиттер оказался эффективным и доступным средством коммуникации во время пандемии коронавирусной болезни (COVID-19) и обладает значительными возможностями для информирования, просвещения и взаимодействия с населением. И здесь важно еще раз подчеркнуть, что

Twitter, являясь ведущей платформой для создания микроблогов и насчитывающий 275 миллионов пользователей по всему миру, приобретает все большую значимость в жизни каждого человека и, следовательно, является чрезвычайно важным и интересным исследовательским полем для различных лингвистических исследований.

ГЛАВА 6. ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ФАКТОР ЭКСТРЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Доктор филологических наук, профессор
О.М. Акай*

За всю историю своего существования человечество не раз сталкивалось с вызовами, которые бросала ему природа, законы мироздания, а также часто расплачивалось за собственные ошибки и неверные решения. С течением времени люди научились адаптироваться к возможным «ответам» природы на их действия: проблемы загрязнения окружающей среды решаются на международном уровне с привлечением влиятельных классов, все страны работают над созданием социальных программ, призванных решить многочисленные проблемы, существующие в обществе; уровень медицины и образования в современном мире является очень высоким, если сравнивать его даже с уровнем конца предыдущего столетия. В последние десятилетия наблюдается небывалый рост технологического прогресса, который затронул многочисленные разные аспекты жизни современного человека.

В январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии, вызванной вирусом SARS. Новое заболевание впервые за долгое время повлияло на сферы жизни общества во всем мире без исключения. Основной удар приняла на себя система здравоохранения: ученые-медики в разных странах направили свои усилия сначала на изучение малоизвестного возбудителя болезни, а затем на создание эффективной вакцины, способной свести к минимуму распространение заболевания; практикующие врачи делают все возможное на местах ради сохранения человеческой популяции, часто рискуя собственной жизнью.

Пандемия резко изменила траекторию развития технологий, продиктовала собственные «правила игры», «удивила» че-

ловечество непредсказуемостью и размахом, что, без сомнения, будет иметь последствия и спустя годы после ее окончания.

Новые универсальные понятия, знакомые теперь любому человеку в любой точке земного шара, зафиксировались в человеческом сознании и, как следствие, – в языке. «Пандемия», «изоляция», «самоизоляция», «корона», «вакцинация», «QR-код», «масочный режим», «ковидные ограничения» – только некоторые из понятий, прочно закрепившихся в мышлении современного человека всего лишь за 1 год.

Итак, трансформации, вызванные новой пандемичной реальностью, коснулись практически всех сфер человеческой жизни. В области образования тоже появилось новое понятие из новой реальности – «дистанционное образование» или сокращённо «дистант». Уровень технологического развития общества дал возможность практически непрерывного процесса образования с наименьшими качественными потерями.

Дистанционное образование – понятие не новое. В XVII–XVIII веке в западной Европе получила распространение учебная система, суть которой заключалась в том, что учащиеся самостоятельно овладевали материалом посредством книг или иных источников, проводили эксперименты, а затем результаты отправляли преподавателю почтой. Данная система получила название «корреспондентское обучение», распространилась среди всех развитых стран того времени и по сей день используется в некоторых учебных заведениях среди студентов и слушателей, не имеющих опыта успешного дистанционного обучения, участия в вебинарах. В России эта система была впервые применена в конце XIX века, она имеет ряд преимуществ, в частности, это качественное наполнение курса, совместимость учебных материалов и уровень доверия, связанный с низкой ценой обучения. Однако с появлением телеграфа и телефона в XX веке произошел существенный прорыв в системе дистанционного образования, аудитория слушателей возросла в десятки раз, практиковалось также обучение через телевидение, однако по причине отсутствия т.н. «обратной связи» этот метод обучения не закрепился в системе образования.

В конце 1980-х гг. доступность персональных компьютеров определила возможность автоматизации и упрощения полу-

чения образования через игровые платформы, появилось программное обеспечение, позволяющее осуществлять образовательный процесс с применением компьютерных технологий.

Помимо уже существующих образовательных платформ и обучающих курсов стали появляться все более усовершенствованные ресурсы, призванные минимизировать дистанцию между преподавателем и учащимся, что привело к резонному заключению о возможности максимально полного перехода на систему удаленного обучения.

Эффект «внезапности» от введения изоляционных мер в 2020 году во многих странах мира одновременно предопределил весьма скорый тотальный переход на удаленное обучение практически для всех возрастных групп обучающихся, что сопровождалось перегрузкой некоторых серверов и периодическим отказом в обслуживании, что, однако, не имело фатальных последствий для их использования. Экстренный и массовый переход на дистанционную систему обучения раскрыл некоторые проблемы, существующие в системе российского образования, выявил недостатки, связанные, в первую очередь, с технической неграмотностью пользователей, а также показал, что с существенной долей вероятности, образовательная среда будет тесно связана с цифровизацией высшего образования.

Указом № 203 президента РФ от 09.05.2017 была утверждена Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 гг., где среди факторов новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы отмечено «создание различных технологических платформ для дистанционного обучения в целях повышения доступности качественных образовательных услуг».

В дальнейшем были исследованы: концептуальные основы, оценка готовности, психологические и организационные аспекты, риски, проблемы и решения внедрения цифровых технологий в образование; цифровая культура педагога; воспитательная деятельность в условиях цифровизации образования и т.д.

Несмотря на то, что к теме цифровизации образования обращались многие исследователи в России и за рубежом, основная часть данных исследований относится к периоду, когда пандемия COVID-19 еще не вызвала тотальный переход на

обучение с применением информационно-коммуникативных технологий.

После разработки Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 гг. правительством РФ была утверждена Программа развития цифровой экономики и были приняты положения по мерам ее применения в системе российского образования. Одно из положений данной программы «Кадры и образование» содержит исчерпывающий перечень мероприятий, направленных на решение задач, связанных с цифровизацией образовательного процесса в высшей школе, речь идет о целенаправленном обучении и подготовке специалистов любого звена в структуре образования для проведения занятий с применением информационно-коммуникативных технологий. Помимо преподавателей в эту систему включены представители таких специализаций как: финансовые работники, IT специалисты, специалисты кадрового отдела, юридического отдела, учебно-методический персонал. Предполагалось, что должен быть запущен процесс формирования цифровой грамотности и культуры как преподавателя, так и учащихся, а также представителей сопровождения учебного процесса с применением информационно-коммуникативных технологий (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>).

Особые методологические приемы и техники организации дистанционных занятий (перевёрнутый класс, дополненная реальность, образовательное событие и другие) были представлены и подробно описаны в вышеуказанном положении.

Необходимо отметить, что стратегия перехода (полного или частичного) на удаленный формат обучения предполагает существенное увеличение времени для самостоятельного освоения материалом учащимися, к которому многие слушатели оказались не готовы при экстренном и массовом переходе на дистанционную форму обучения в 2020 г. (<http://kremlin.ru/acts/bank/41919>).

К 2018 году только треть студентов использовали цифровые технологии как опциональный или основной метода обучения в высшей школе. Исследования показали, что несмотря на внедрение Стратегии развития информационного общества Рос-

сийской Федерации, на разработку многочисленных сервисов и приложений для дистанционного обучения, цифровизация образования не вышла на уровень тотального охвата слушателей всех университетов в стране. На рынке образовательных услуг доля онлайн обучения составила 1,8 % для высшей школы и 6,7 % для профессиональной дополнительной подготовки и переподготовки. Основную часть пользователей цифровыми образовательными программами составляли слушатели негосударственных высших учебных заведений. Итак, в 2018 году цифровизация образования в России занимала стартовую позицию, и предполагалось, что переход на полную цифровую модель образования займет еще по меньшей мере 5-6 лет. Использование информационно-коммуникативных моделей в образовании выделось пилотным проектом, который выявил определенные требования для внедрения реформ в российском образовании, разработки различных цифровых технологий и пути их внедрения, а также риски, сопутствующие применению пионерских цифровых методик и методов.

Однако, как известно, жизнь внесла свои «коррективы», и в январе 2020 года мир узнал об обеспокоенности ВОЗ в связи с появлением нового коронавирусного заболевания, затем в связи с прогрессирующим распространением COVID по всей территории земного шара, что привело к обязательному немедленному применению информационно-коммуникативных технологий в образовании.

В.Н. Фальков в марте 2020 года провел брифинг Министра науки и высшего образования «Адаптация системы высшего образования к условиям работы во время распространения коронавирусной инфекции, готовность вузов к переходу на дистанционное обучение». На этом брифинге ВУЗам было рекомендовано в кратчайшие сроки перевести в удаленный формат учебные занятия; в течение 1 недели после брифинга более 90 % высших учебных заведений Российской Федерации перевели аудиторные занятия в онлайн-формат. Министерством высшего образования и науки был в кратчайшие сроки подготовлен и запущен проект пробного варианта поступления в высшие учебные заведения с помощью применения информационно-коммуникативных тех-

нологий. Данный онлайн-сервис получил название «Поступи в ВУЗ онлайн» (<http://government.ru/news/39267/#>).

Экстренный переход на дистанционное обучение всех звеньев образовательной системы на всех ступенях спровоцировал определенные сложности и ограничения (технические и психологические). Всероссийский опрос педагогов, проведенный аналитическим центром НАФИ, показал, что учителя средней и начальной школы испытывали большие проблемы технического характера, чем их коллеги, преподаватели ВУЗов. Они отмечали недостаток владения методическими приемами, нехватке знаний и навыков при работе с компьютером, вследствие чего существенно увеличилось рабочее время, резко возрос спрос на краткосрочные курсы овладения компьютерной грамотностью. В отчете отмечается, в частности, что «По мнению большинства российских педагогов – учителей школ и преподавателей вузов – система образования оказалась не готова к переводу занятий в дистанционный (онлайн) формат. Многие педагоги не знают о деятельности государственных министерств по организации дистанционного обучения.

Многие педагоги не осведомлены о координирующей деятельности государственных органов в сфере образования по организации перехода на дистанционное обучение. Треть (35%) преподавателей вузов не знают о такой деятельности со стороны Министерства науки и высшего образования. Каждый пятый школьный учитель ничего не знает о координирующей активности Министерства просвещения и региональных органов управления образованием (такие ответы дали 23% и 20% учителей соответственно).

Школьные учителя склонны оценивать действия государственных органов более положительно, чем преподаватели вузов, однако в целом положительных оценок – меньшинство. Так, положительно действия Министерства науки и высшего образования оценили 37% преподавателей вузов. (отрицательно – 28%, 35% не знали о них), действия Министерства просвещения – 46% школьных учителей (отрицательно – 32%, 23% не знали о них).

Педагоги в целом высоко оценили помощь со стороны своих образовательных организаций в процессе организации дистанционного обучения. Большинство (63%) отметили, что их

организация проводила консультации по запуску дистанционного обучения, причем преподавателей вузов консультировали и обучали чаще, чем учителей школ (70% против 62%).

При этом педагоги жаловались на техническое оснащение их образовательной организации. Большинство – 61% – оценили его на «тройку», только 15% указали, что их организация оборудована «очень хорошо».

Некоторые школьные учителя отмечают, что существенные доли учеников не могут обучаться дистанционно либо из-за отсутствия технических средств, либо из-за неумения использовать цифровые инструменты. Так, почти каждый пятый учитель (19%) отметил, что до половины всех школьников в их потоке дистанционно учиться не смогут. Каждый десятый учитель (10%) указал, что таких учеников в потоке может быть больше половины.

Педагоги дали низкие оценки качеству электронных учебных материалов, предлагаемых учащимся для дистанционного обучения. Только 40% охарактеризовали качество как «отличное» или «хорошее», 43% – только как «удовлетворительное», 9% – как «плохое». Чаще плохие оценки качеству материалов давали преподаватели вузов.

Прогнозы большинства российских педагогов и преподавателей вузов относительно того, как переход на дистанционное обучение повлияет на уровень подготовки учащихся, негативны. 66% считают, что качество знаний учащихся снизится, 28% – что оно останется без изменения, 6% заявили об улучшении качества знаний» (<https://vc.ru/education/147925-kak-studenty-rossijskih-vuzov-perezhili-samoizolyaciyu-vo-vremya-covid-19>).

Вторая волна массового опроса профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений РФ о развитии дистанционного образования в условиях коронавирусной инфекции прошла в мае 2020 года. Опрос был проведен Институтом социального анализа и прогнозирования. Целью исследования стало выяснить отношение преподавателей к вынужденному переходу на дистанционное обучение и сложности, связанные с этим переходом.

«Данные исследования демонстрируют критическое отношение респондентов к дистанционному формату образования, обусловленному ситуацией с пандемией. Данный формат работы все более характеризуется как удобный и комфортный в аспекте личных предпочтений, однако, по мнению большинства опрошенных, имеет больше недостатков и барьеров в организации полноценного учебного процесса для студентов в настоящее время, и способен вызвать нежелательные последствия для системы высшего образования в ближайшем будущем.

Помимо значимых изменений, которые затронули непосредственно преподавательскую деятельность (частичная или полная реорганизация курса, увеличение профессиональной нагрузки), респонденты отмечают увеличение нагрузки на студентов, а также снижение активности в работе последних после перехода в онлайн-режим. Классическая система оценивания промежуточных знаний, проведения итоговых экзаменов в отсутствие личного контакта оказывается не вполне эффективной, приводит к росту академического обмана, общей неуспеваемости, и оцениваются большей частью участников опроса как неудобная, требующая пересмотра в дальнейшем. Лояльность к цифровизации учебного процесса во многом предопределяется образовательными направлениями, среди которых наибольшие риски претерпевают математические, технические, естественные, медицинские и сельскохозяйственные науки. Несмотря на то, что качество усвоенных в дистанционном формате знаний вызывает сомнения, существенная доля респондентов высказывается оптимистично в отношении мер, которые вузы будут готовы предпринять в случае повторения критической ситуации» (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/>).

Специалисты независимого онлайн-сервиса Skyes University в 2021 году провели опрос среди преподавателей высших учебных заведений в России и опубликовали перечень трудностей дистанционного обучения по мнению респондентов, который включает в себя следующие позиции:

- подготовка к онлайн-занятию занимает больше времени, чем к занятию в офлайн-формате;

- отсутствие у студентов необходимого оборудования (компьютера, телефона, планшета);
 - отсутствие у студентов подключения к интернету с достаточной скоростью соединения;
 - недостаточное техническое оснащение рабочего пространства преподавателя;
 - отсутствие единых предписаний и документов, регламентирующих проведение занятий в дистанционном формате;
 - психологическая неготовность преподавателей и руководства вузов к переходу на дистанционный формат обучения;
 - не было проведено централизованное обучение новым инструментам для ведения занятий в дистанционном формате;
 - низкий уровень цифровой грамотности самих преподавателей и руководства вузов;
 - платформы и цифровые инструменты, предлагаемые сторонними сервисами, не соответствуют стандартам вуза;
- отсутствие навигации по большому количеству инструментов и сервисов для организации занятий в дистанционном формате (<https://education.forbes.ru/partners-news/distance-learning-skyes-research>).

«Многочисленные опросы проводились среди студентов. Аналитики стремились оценить, как внезапная смена формата обучения отразилась на самих обучающихся, с какими трудностями столкнулись они при переходе на дистанционную форму обучения. Большинство опрошенных позитивно оценили организацию обучения в дистанционном формате, а также подготовку своего вуза и преподавателей к переходу в онлайн – оба пункта в большей или меньшей степени не устроили менее 40% участников. Интересное наблюдение: в обеих волнах магистры оценивали организацию «дистанта» и подготовку к нему в среднем выше, чем бакалавры. Больше всего учебный процесс устроил студентов, изучающих компьютерные и социальные науки, гуманитариев, экономистов и менеджеров. Хуже всего к «дистанту» отнеслись студенты творческих направлений, будущие инженеры и медики. Надо отметить, что во второй волне опроса оценки медиков улучшились, а вот творческие ребята стали оценивать онлайн-обучение еще хуже. Чаще всего студенты отвечали, что им не хватает очного общения с одногруппни-

ками и преподавателями, жаловались на технические сложности и перебои с интернетом. Многие говорили, что в домашней обстановке учиться сложнее, нелегко сосредоточиться при самостоятельном изучении материала, не всегда получается уточнять детали у преподавателей и от вечать на их вопросы без прямого контакта» (<https://social.ranepa.ru/tseentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/114-vtoraya-volna-massovogo-oprosa-professorsko-prepodavatel'skogo-sostava-vysshih-uchebnykh-zavedenij-rossijskoj-federatsii-o-razviti-i-distsionnogo-obrazovaniya-v-usloviakh-koronavirusnoj-infektsii-covid19>).

Влияние, оказанное пандемией COVID-19 на систему высшего образования за рубежом, сложно переоценить. По оценкам ЮНЕСКО, более 1,5 миллиардов студентов в 165 странах не имеют возможности посещать занятия из-за COVID-19. В докладе ICFE от 15 апреля 2020 года говорилось, что пандемия наносит сфере высшего образования финансовый ущерб, и, если она продлится еще три месяца, это может иметь серьезные краткосрочные и долгосрочные последствия, в том числе снизится число учащихся и уменьшится сбор платы за обучение.

В аналитическом исследовании РБК говорится о том, что несмотря на то, что система высшего образования во всем мире переживает не лучшие времена в связи с переходом на дистанционную форму обучения, к которой у студентов все еще нет должного уровня доверия, наблюдается рост интереса к топовым университетам. Так, «согласно данным CNBC, число заявок на поступление в Гарвардский университет в прошлом году побило исторический рекорд, увеличившись на 57%.

Аналогичная ситуация наблюдается в Йельском университете, где данный показатель вырос на 38%.

При этом многие студенты после зачисления решают взять годичный перерыв перед началом обучения, чтобы переждать последствия пандемии и полноценно начать учебу очно – с проживанием на кампусе и посещением всех обязательных учебных и факультативных занятий.

Похожая ситуация наблюдается и в английских вузах. В 2021-м Великобритания отменяет стандартизированные школь-

ные выпускные экзамены: итоговые оценки выставляются преподавателем на основе текущей успеваемости учащихся.

Издание University World News отмечает, что такие оценки оказались на порядок выше результатов экзаменов, и 167 тыс. учащихся, подавших заявки в вузы через общую систему UCAS (службу приема в университеты и колледжи), показали лучшие результаты. Соответственно, на 5% увеличилось количество зачисленных студентов, что говорит о возрастающей конкуренции как для местных, так и для международных студентов (Ali, 2020).

По информации Совета Европы, в University of Strasbourg (Страсбургский университет, Франция) в начале марта насчитали 160 студентов, у которых отсутствовали компьютеры и/или возможность подключения к интернету. Для решения проблемы в университете был создан «Чрезвычайный фонд» – и менее чем за месяц собрали €61000 и приобрели более ста компьютеров, которые распределили между нуждающимися студентами.

В Германии на протяжении летнего и зимнего семестров Министерство образования и науки выплачивало ежемесячно до €500 всем студентам, у которых возникли финансовые проблемы. Французские студенты, потерявшие доход из-за пандемии, получили от государства единовременную выплату в размере €200. Институтом международного образования в США был создан Чрезвычайный фонд для поддержки нуждающихся иностранных студентов: они могли получить \$1500 на покрытие расходов, связанных с учебой и проживанием. Кроме того, многие вузы, в основном в США и Великобритании, снизили плату за обучение в период пандемии.

Согласно исследованию Европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area (EHEA)), успеваемость снизилась в основном у тех, кто не имел комфортного места для занятий, нормального доступа к электронным учебным материалам и интернету, а также столкнулся с отсутствием социальной поддержки и возникшими проблемами с ментальным здоровьем.

Университеты стали создавать специальные службы психологической поддержки, готовить и распространять информа-

цию о том, как самостоятельно организовать учебу в дистанционном формате.

Австралийская академия наук предупредила, что университеты страны могут лишиться из-за пандемии 21 000 рабочих мест с полным рабочим днем, включая 7 000 в области научных исследований.

Развитие Глобального кампуса Университета Аризоны (США) служит отличным примером того, как вирус послужил появлению инноваций. В 2020 году там была значительно расширена всемирная система микро-кампусов, а сегодня студенты Глобального кампуса могут получить американское образование локально (на 650+ кампусах в 34 странах мира) или же пройти обучение полностью онлайн из любой точки земного шара.

Евразийская ассоциация оценки качества образования опубликовала материалы исследования оценки качества образования на территории постсоветского пространства. В нем отмечается, что ситуация 2020 года поставила многие страны перед необходимостью принятия решений по изменению форматов экзаменов с высокими ставками. Анализ решений, принятых в разных странах по изменению форматов экзаменов с высокими ставками в 2020 году, показал, что большинство стран выбрали либо стратегию переноса экзаменов на более поздний срок и усиления мер безопасности на экзаменах, либо стратегию полной или частичной отмены экзаменов. Некоторые страны предложили модели замены экзаменов альтернативными моделями оценивания. Наиболее привлекательной в сложившейся ситуации выглядела стратегия перевода экзаменов в онлайн-формат и их проведения в дистанционном режиме, однако эта стратегия выглядела и наиболее дорогостоящей, и влекущей наибольшее число рисков. Ни одна из стран мира не выбрала стратегию экстренного перевода экзаменов в онлайн-форму, хотя этот вариант активно обсуждался. Однако в среднесрочной перспективе перевод экзаменов с высокими ставками в онлайн-формат выглядит наиболее предпочтительным. Этот формат имеет множество достоинств, полное использование которых позволит беспрецедентно повысить качество результатов и скорость их выдачи. Тем не менее, для полного использования возможностей, которые предоставляет компьютерное тестирование для экзаменов,

необходима долгая процедура экспериментов и испытаний, чтобы убедиться, что вносимые изменения не имеют негативных последствий. В первую очередь, необходима организация работ по созданию высокотехнологичных и защищенных цифровых платформ для проведения компьютеризированных экзаменов с высокими ставками, а также исследование и внедрение в экзаменационную практику расширенных возможностей, которые предоставляют современные компьютеризированные форматы экзаменов: интерактивность, адаптивность, внедрение сложных моделей обработки данных, автоматизированное оценивание, создание аккомодаций (справедливых версий для учащихся с ОВЗ) и т. д. Но очевидно, что за этим форматом экзаменов будущее (<https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/>).

Развивающиеся страны оказались в условиях нехватки ресурсов и опыта для налаживания в короткие сроки дистанционного обучения на достойном уровне. Нет опытных программистов и веб-дизайнеров, институциональных, материально-технических возможностей, нет проверенных качественных образовательных ресурсов, отсутствуют представления об особенностях онлайн-преподавания, методах дистанционного обучения. Ассоциация африканских университетов сообщила, что среди действующих на территории Африки южнее Сахары 700 университетов совсем небольшое число подготовлено и технически оснащено для осуществления дистанционного обучения (Watermeyer, Crick, Knight, Goodall, 2021).

Говоря об общей характеристике организационно-управленческой ситуации в системе образования в условиях перехода на удаленный формат обучения, можно зафиксировать проблемный характер предпринятых организационно-управленческих мер в отношении двух важных задач, устанавливаемых Целевой моделью. Во-первых, пандемия подвергла серьезному испытанию те организационные подходы, которые использовались для выравнивания доступности образования средствами дистанционного обучения. Наиболее значимый негативный эффект можно зафиксировать в сформировавшемся негативном отношении населения к дистанционному режиму обучения, что, как ожидается, приведет к еще большему снижению популярности этого формата. Во-вторых, пандемия, скорее

всего, нанесла серьезный ущерб выстраиваемой на региональном уровне конкурентной среде в сфере дополнительного образования. Негосударственный сектор оказался в неравных условиях финансовой конкуренции с муниципальными организациями. Возможно, стоит ожидать снижения присутствия частных организаций в региональных системах дополнительного образования, их частичного возвращения в теневой сектор, что будет требовать дополнительных мер по исправлению положения. Приводя аналогию с видеоигровой индустрией, тестирование с выявлением дефектов – это лишь базовый этап, за которым следуют этапы контроля и обеспечения качества. Сейчас для системы образования принципиально важным является переход в стадию обобщения эмпирического опыта, устранения дефектов с целью обеспечения контроля качества. Какую пользу может извлечь система образования из этого испытания? Вынужденное столкновение преподавателей с действительностью интенсивной дистанционной работы с учащимися не только выявило слабые места в построенных схемах этой работы, но и сформировало богатый эмпирический опыт по выявлению недостатков популярных платформ. Стало ясно, чего не хватает в сервисах для комфортного обучения с применением информационно-коммуникативных технологий. Это может способствовать формулированию подробного и точного набора технических и функциональных требований к наиболее подходящей для решения задач образования платформе. Разработчики цифровых образовательных сервисов получили – условно бесплатно – огромную базу тестирования их продуктов (<http://documents.worldbank.org/curated/en/531681585957264427/pdf/Guidance-Note-on-Remote-Learning-and-COVID-19.pdf>). Разные целевые группы массово могут сообщить, чего им не хватает для комфортного обучения в формате онлайн. Сейчас как никогда важны кооперация, сбор мнений и диалог между разработчиками и пользователями (преподаватели и студенты), в том числе для расширения целевой аудитории дистанционного обучения.

С начала 2020 года университеты всего мира столкнулись с общими вызовами: экономическими, инфраструктурными и организационными. К негативному влиянию пандемии относятся на систему высшего образования: приостановка научных ис-

следований, ослабление партнерств между университетами и др. Наиболее серьезным вызовом вузы считают снижение академической мобильности (file:///E:/PC/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf).

Стоит отметить также исследование Всемирного банка, в результате которого выявлены основные проблемы, возникшие при масштабном переходе на систему обучения с использованием информационно-коммуникативных технологий, среди которых вызывает серьезные опасения справедливость системы контроля оценивания; доступность технического оборудования, так как в первую очередь воспользуются возможностями онлайн-обучения, высоко мотивированные учащиеся, особенно те, у кого есть предыдущий опыт онлайн-обучения; в краткосрочной перспективе ожидается снижение успеваемости учащихся; создание доступного контента на разных устройствах и технически совместимым с мобильными устройствами; необходимость в повышении квалификации персонала, сопровождающего ведение учебного процесса.

Проведенные исследования говорят о том, что пандемическая ситуация в 2020 году оказала огромное влияние на систему образования как в России, так и за рубежом. Массовый переход на дистанционный формат обучения спровоцировал ускоренный темп цифровизации всей системы образования во многих странах мира. Необходимо также отметить, что на международном уровне в секторе высшего образования пандемия повлияла на интернационализацию образования, так как большинство вузов столкнулось с вопросами организации логистики и обеспечения образовательного процесса для иностранных студентов, остающихся на период пандемии в стране обучения и/или выезжающих домой, приостановило программы студенческих и преподавательских обменов; вузы сосредоточились на поиске новых форм привлечения иностранных студентов и организации для них обучения; пересмотре форм работы с зарубежными партнерами по разработке и реализации совместных образовательных программ уровня магистратуры. Пандемия также имела негативные последствия в сфере научных исследований – возникла крайняя необходимость в быстром пересмотре организации и

проведения всех научных мероприятий, поиск новых форм взаимодействия в научном пространстве.

Претерпели изменения и положения в части законодательства в отношении приема абитуриентов, промежуточной и итоговой аттестации студентов, организации работы и оплаты труда преподавателей.

В отношении организации учебного процесса при переходе вузов на онлайн обучение большинство университетов усилили сотрудничество друг с другом, национальными органами управления образованием, образовательными платформами и международными организациями: организации оказывают друг другу методическую поддержку по использованию цифровых инструментов в обучении, в бесплатный доступ выкладываются актуальные учебные курсы, на различных платформах создаются неформальные группы студентов / преподавателей / администраторов вузов, где обсуждаются актуальные проблемы онлайн обучения; существенно возросло количество предложений по программам повышения квалификации различных категорий слушателей в режиме онлайн и т.д.

В условиях пандемии вузы сосредоточены на наиболее эффективном использовании финансовых средств для поддержания своей стабильной работы, понимая, что в ближайшее время уменьшится количество иностранных студентов, уменьшится финансирование со стороны государства, станет невозможным получение доходов от другой деятельности вузов: сократились доходы населения для обращения к платным образовательным услугам, многие неакадемические организации в период кризиса приостановили заказы на научные разработки, в связи с приостановкой проведения массовых мероприятий отсутствуют заказы на аренду помещений и т.д.

В сложившихся условиях первостепенными задачами для университетов станут:

- Стратегическое планирование и учет сопутствующих рисков для предсказания краткосрочных и долгосрочных последствий пандемии, включая ожидаемый экономический спад.
- Разработка мер поддержки студентов и преподавателей: поиск путей нивелирования неравенства между студентами (доступ к Интернету, наличие необходимого оборудования у всех

студентов, приостановка оплаты за обучение, целевая материальная помощь, займы для студентов из неблагополучных семей), организация тренингов для профессорско-преподавательского состава по обучению особенностям преподавания онлайн, функционалу и возможностям имеющихся платформ и сервисов (включая Google Classroom, Microsoft 365 Groups, WizIQ Moodle, iSpring), организация специальной платформы для обмена опытом между преподавателями в области онлайн-преподавания, совместного поиска решений проблем, возникающих в процессе обучения, методологическая помощь в адаптации программ к формам онлайн-обучения. Ведущие университеты уделяют в настоящий момент особое внимание психологической поддержке своих студентов и сотрудников. Наиболее уязвимы в данной ситуации университеты, например, таких стран, как Россия и Китай, где подобная система поддержки отсутствует.

- Поиск путей эффективного перехода на онлайн-обучение. Во многих странах руководство университетов поощряют к переходу на онлайн-обучение на неопределенный срок, независимо от сроков снятия карантина. Большое число университетов разработали и предлагают студентам программы онлайн-обучения. Согласно данным нидерландской платформы Studyportals, за последние месяцы интерес со стороны студентов и их родителей к программам дистанционного обучения возрос более чем в два раза.

- Приведение в соответствие процедур и критериев оценки знаний с новым онлайн-расписанием и педагогическими подходами. Разработка методов оценки дистанционного обучения потребует значительных усилий, но это позволит обеспечить в будущем качество обучения и обоснованность финальных оценок.

- Для университетов развивающихся стран одной из ближайших задач должно стать налаживание партнерства с зарубежными университетами, которые готовы делиться своими ресурсами, опытом, особенно в области онлайн-обучения и научного онлайн-сотрудничества.

В настоящее время долгосрочные последствия пандемии COVID-19 для системы образования еще нечетко очерчены, однако ясно, что крупные ВУЗы восстановятся достаточно быстро.

Удаленный формат обучения, скорее всего, будет сосуществовать с классической очной формой. Онлайн-обучение является очевидным вектором развития в сфере образования. Пандемия COVID-19 дала толчок глобальным необратимым изменениям в сфере образования, которыми необходимо грамотно воспользоваться для достижения наилучших результатов.

**ГИАБА 7.
VOCABULARY OF THE CORONAVIRUS
PANDEMIC AS A COMPREHENSIVE
REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL
TRANSFORMATIONS IN NEOLOGICAL
ENGLISH DISCOURSE**

*Doctor Litterarum, professor
Katermina Veronika V.*

ACKNOWLEDGMENTS The research is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project № 20-012-00033 entitled “Linguistic models of sociopolitical communication in online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology of network data analysis” (2020-2022).

The rapid spread of the coronavirus pandemic has led to significant socio-psychological consequences which are reflected in the most relevant part of the neological discourse – the vocabulary of the coronavirus pandemic. The consequences of the pandemic (the crisis of the medical system, the introduction of a quarantine regime, disruption of the functioning of the global world order, economic collapse, the spread of panic, the emergence of conspiracy theories, stigmatization of patients with coronavirus) affected most of the world's population. The collective consciousness reflected the consequences of catastrophic events through active and continuous word creation. The new vocabulary of the coronavirus pandemic is the most vivid reflection of the constant process of generating new vocabulary by the mass consciousness seeking to overcome the catastrophic consequences of the pandemic by categorizing and comprehending them. This vocabulary is most fully represented by articles of the online dictionary Urban Dictionary (Urban Dictionary) which is a symbolic phenomenon of modern mass culture generated directly by the linguistic activity of ordinary Internet users. The new words and expressions displayed in the Urban Dictionary articles reflect a

wide range of situations and opinions generated by the crisis. We also used materials from the Cambridge Dictionary (Cambridge Dictionary), T. Thorne's blog (Thorne, 2020) and Mindbodyonline.com (Mindbodyonline.com.). The analysis of this part of the neological discourse makes it possible to identify the features of the evolution of public consciousness during the pandemic. Consideration of the psycholinguistic features of lexemes dedicated to the socio-psychological consequences of the pandemic leads to the isolation of the attitude of the collective supranational consciousness to the disease itself, the behavior of people and the work of public institutions during the crisis. The study of this segment of new vocabulary provides a comprehensive vision of the mechanisms of resistance of public consciousness to the pandemic – knowledge that is significant not only for the field of linguistic research but also for the field of social psychology and anthropology. The multidimensionality of the impact of the pandemic on society has given rise to the interdiscursive nature of the vocabulary of the coronavirus pandemic located at the junction of several discursive fields. The study of the interdiscursiveness of this segment of neological discourse allows us to visually examine the interaction of extralinguistic and linguistic factors in the genesis of neologisms reflecting the consequences of the coronavirus pandemic.

We believe that the main vocabulary of the coronavirus pandemic is made up of new words and expressions related to non-professional medical discourse (colloquial everyday medical vocabulary). This layer of medical discourse enters complex interdiscursive connections with several other discourses – from anatomical and physiological discourses close to medical discourse to humanitarian discourses (from economic to religious). The analysis of the totality of the discursive fields of the vocabulary of the coronavirus pandemic makes it possible to find patterns in the display of a complex of sociocultural transformations in the English neological discourse, to reveal the specifics of the evolution of society's attitude to the pandemic and its consequences.

The vocabulary of the coronavirus pandemic is the most striking example of everyday medical communication considered by N.D. Golev and N.N. Shpilnaya (Golev, Shpilnaya 2012), (Nevzorova 2017) which contrasted everyday communication within the medical

discourse of communication of professionals. The vocabulary of the coronavirus pandemic is an obvious example of the realization of the cognitive-discursive potential of everyday linguistic medical consciousness which is carried by both professionals and non-professionals. Most of the new words and expressions devoted to the pandemic should be attributed to everyday non-professional medical vocabulary (everyday colloquial medical vocabulary) (Abramov, Abramova 2003). The genesis of new words is an adequate form of representing naive medical concepts in various everyday contexts (Maiboroda 2017) generated by the consequences of the pandemic. An important feature of the creation of the vocabulary of the coronavirus pandemic which we noted earlier (Katermina, Lipiridi 2020) is the use of black humor as a form of coping behavior. (The role of black humor in medical vocabulary was studied by S.A. Khazova (Hazova 2017), D.V. Kazakova (Kazakova 2013), O.A. Barantseva and Yu.I. Ikova (Barantseva, Ikova 2014) considering the paradoxical humor of medical discourse as a playful form of psychological resistance to the disease adequate to a critical situation). The vocabulary of the coronavirus pandemic is often metaphorical in nature which distinguishes the lexemes of popular science medical discourse (Shamne, Shishkina 2017). The linguistic research methodology is complemented by works devoted directly to the socio-psychological consequences of the coronavirus pandemic. Among these materials we will note the works reflecting the impact of the pandemic on the psychological climate of the world's population. So, scientists have considered the problems of stress caused by quarantine conditions (Brooks 2020), (Courtenay 2020), (Mazza 2020), (Volpert 2020). The problem of social stigmatization of patients with coronavirus has been raised in several articles by foreign researchers (Swapnajeet 2020). The specifics of the material determined the main research methods: we use componential, stylistic, axiological and linguopragmatic analyzes to create a comprehensive picture of reflecting the socio-psychological consequences of the coronavirus pandemic in the new vocabulary complementing the results of extralinguistic studies of the impact of the pandemic on the international community.

The theoretical basis of the work was expanded by materials devoted directly to the functioning of neologisms of the coronavirus

pandemic in the media – the works of A. Haddad Haddad (Haddad Haddad, 2020), M. Khalfan (Khalfan, 2020), I.Yu. Essina (Essina, 2020), S. Al-Salman (Al-Salman), F. Prieto-Ramos (Prieto-Ramos, 2020), S. Rafi (Rafi, 2020), A. Roig-Marín (Roig-Marín, 2020), Tan Kim Hua 2020, K.O. Al-Azzawi (2021), A. Mustajoki (2020), T.B. Radbil (Radbil, 2020), (Radbil, 2021), L.V. Ratsiburskaya (2020), N.S. Dankova (Dankova, 2020), I.P. Zaitseva (Zaytseva, 2020), A. Muller (Myuller, 2020), A.V. Savchenko (Savchenko, 2020), O. I. Severskaya (Severskaya, 2020), M.R. Zheltukhina (2020).

Let's consider the most striking examples of the vocabulary of the coronavirus pandemic. The first group of neologisms are lexemes related directly to the coronavirus. These are various terms for disease. They include *Covid-19 (a disease caused by a new strain of coronavirus marked by fever, cough and other flu-like symptoms. In a severe case, it may invade the lungs and kidneys, leading to death [Urban Dictionary])*, *Corona Virus (a Chinese virus that came from the city of Wuhan and has flu like symptoms. It became known in late 2019 but started expanding rapidly in 2020 [Urban Dictionary])* and *Coronavirus disease (COVID-19) (infects mostly everyone around, kills old people and to protect yourself from getting it you should buy some hand sanitizer [Urban Dictionary])*. These terms come from the official medical discourse; they do not have any subjective connotation. In contrast, *The Rona (the correct term for the Coronavirus [Urban Dictionary])* is colloquial and refers to everyday medical discourse. Close to it is another diminutive form of the name of the disease – the word *The Pando (the coronavirus pandemic [Thorne])*.

The long period of complications as a result of the disease is called *long covid (a condition in which people who have had the covid-19 virus continue to have symptoms and feel unwell for a long time [Cambridge Dictionary])*. A special group of names for the coronavirus is made up of neologisms that have political overtones (this vocabulary refers to political discourse). They are characterized by a specific irony aimed at criticizing the actions of the authorities. They include *Trump Flu (the name of the fully contracted illness brought on by coronavirus COVID-19. Since the disease is most deadly to the old, fat, and unwell the current president easily fits into the vulnerable demographic. As the same time, his vainglorious incompetence is largely responsible for the rapid increase of COVID-*

19 infections and cases of Trump Flu. Also known as Boomer Flu [Urban Dictionary]) and *Maralagovirus (a common name for COVID-19 or CoronaVirus* [Urban Dictionary]). (*Mar-a-Lago*) – *place of residence of US President D. Trump*). These neologisms convey the peculiarity of the political consciousness of many US residents which is characterized by opposition to the ruling regime. The image of the US president created by neologisms is clearly satirical. Thus, the definition of the first expression creates an unattractive image of the president by the features that do not correspond to the status of the head of the country. The definition uses images of senile infirmity, soreness, clearly lowering the image of the president. Trump is shown as a likely victim of his own policy of responding to the threat of the pandemic which the authors of the neologism consider inadequate to the conditions of the dynamic spread of the disease. The figure of the president here becomes a symbol of the conservative generation of boomers ill-equipped for emergencies like the coronavirus pandemic. The negative representation of the opponent is also shown in the neologism – the figure of the president is inextricably linked with the colloquial, truncated name of the coronavirus thereby creating an association of the president's personality with the disease. The semantics of the second neologism is determined by the context that is understandable to the reader (the name of Trump's residence); thus, the meaning of this word is identical to the meaning of the expression given earlier. The manipulative nature of these neologisms is obvious – manipulation of the consciousness of potential voters is the main goal of creating neologisms. Thus, politically tinged nominations for the coronavirus are used by professionals (politicians and journalists) who aim to discredit the ruling regime. The study of such nominations reveals such a vector of perception of the pandemic as the desire to extract practical, in this case political, benefit from the spread of the disease.

The expression *Beer bug (corona virus, a disease originating in China which shares the same name as a shitty Mexican beer* [Urban Dictionary]) also possesses irony. It arose from the association of the coronavirus with a brand of cheap beer. This drink is popular which follows from the dictionary definition of the word *Coronas (the essence of life. Without this many people can't live. It's the hottest beer in the world* [Urban Dictionary]). The name of the drink

was used as a play on words putting the coronavirus in a humorous context characteristic of the culture of post irony (one of the humorous conspiracy theories makes the pandemic dependent on the popularity of a given brand of beer). The reduction in the name of the disease is a kind of compensation for the losses and fears caused by the virus. Black humor here performs the function of psychological protection traditional for medical discourse (the effect is increased due to the proximity of these neologisms to gastronomic discourse). The most striking name for coronavirus is the comparison of this disease with gonorrhoea recorded in neologism *Corona Clap* (*the Covid 19 Corona virus of 2020 has caused a lot of commotion, worry and even death. As it is a biological infection, like the more common STD gonorrhoea clap found around college campuses and trailer parks, as well as throughout congress, this is an alternative slang name combining old and new – thus, the Corona Clap* [Urban Dictionary]). In the original entry of the dictionary gonorrhoea evokes an association with the unsanitary conditions that are characteristic of many student campuses and trailer parks – thus the dictionary entry has acquired a distinct social dimension. In this dictionary definition, irony expresses critical pathos in relation to the well-established problems to which the authors of the article attract readers taking advantage of the current occasion – the spread of the coronavirus pandemic. Obviously, this expression was born in the student environment and reflects the ironic perception of the disease by this social category. Sometimes, when analyzing variants of the name of diseases, it is necessary to consider the cultural subtext that is transparent to the carriers of the culture but not clear to the representatives of other cultures. Thus, the popular British nomination of the coronavirus *Miley Cyrus* ([UK rhyming slang] – *coronavirus* [Thorne]) is an anthroponym – it refers to the famous American singer Miley Cyrus who causes associations with the spread of coronavirus infection among a part of the population.

Another group of neologisms denotes phenomena that appeared after the start of the pandemic. They include *coronacopia* (*the growing volume of people and places that can give you the corona virus. Handshakes, desk surfaces, door handles, sneezes* [Urban Dictionary]) and *coronaphobia* (*the fear of catching the current strain (COVID-19 in March 2020) of human coronavirus, expressed by*

wearing a face mask in public, or simply avoiding public places, public events and public transport [Urban Dictionary]). The semantics of this neologism contains an implicit criticism of the fear of the pandemic – in its form the neologism repeats the standard name of any phobia, thereby the fear of coronavirus falls into a number of mental illnesses and is discredited (this way the vocabulary of the coronavirus pandemic approaches psychiatric discourse). The lexemes reflecting the catastrophic psychological consequences associated with the growth of panic have a “public” sound. A prime example of this kind of new vocabulary is the word *Pandemishegoss* (*madness that's related to the 2020 coronavirus pandemic* [Urban Dictionary]). This word conveys the atmosphere of panic generated by the spread of the pandemic defining it as an attack of mass psychosis. (Interestingly, the underlying idea of pandemic-generated panic and worsening mental health correlates with research findings on the psychological effects of the spread of the disease (Brooks 2020), (Courtenay 2020), (Mazza 2020), (Volpert 2020)). The social plan of this lexeme is controversial – in its semantics one can see both neglect of the threat of the pandemic inadequate to the seriousness of the situation, and adequate criticism of the destructive consequences of panic. This neologism opens a line of words and expressions that have a direct or veiled condemning character. The word *coronapocalypse* (*end of the world via corona virus* [Urban Dictionary]) conveys the catastrophic nature of the coronavirus pandemic which is ironically likened to the apocalypse (this lexeme also indirectly refers to religious discourse). The peak of panic is caused by the emergence of conspiracy theories dubbed *Coronaspiracy theory* (*a bizarre conspiracy theory linking country, person, or technology to the coronavirus crisis* [Urban Dictionary]). A frequent consequence of the pandemic is the cancellation of numerous events and activities. This trait is expressed in the adjective *CORONAed* (*when an event, or other plans get cancelled because of the COVID-19 virus (more widely, and incorrectly, referred to as the “coronavirus”) in one word, you can say they got CORONAed* [Urban Dictionary]). The ironic coloring of the adjective conveys the carnival character of the perception of the consequences of a pandemic – the cancellation of an event or the event is comically compared with a coronation (see M.M.Bakhtin’s idea of crowning-dethroning which are interchangeable and pass into each other). The

pun serves the purpose of maintaining composure through humor. A similar form of irony appears in the expression *National Corona Virus Day* (3/14 is National Corona Virus Day! Make sure to celebrate at home, with no one [Urban Dictionary]). The day of testing by the President of the United States for coronavirus infection here is likened to a national holiday which, unlike real folk festivals, should be spent completely alone without endangering other people. The term *Pandemic* (a worldwide outbreak of a disease. The term “pandemic” is often confused with “epidemic”. Some current pandemics are Swine Flu and HIV/AIDS. Some may consider the common cold a pandemic [Urban Dictionary]) is not a neologism in the strict sense of the word but its use has been sharply increased due to the spread of the coronavirus pandemic which has led to frequent confusion of the concepts of “pandemic” and “epidemic” in the minds of a mass participant in medical discourse. Here we see a vivid example of the emergence of everyday vernacular medical vocabulary characteristic of people who do not belong to the professional medical community. A naïve linguistic picture of the world is reflected in the expansion and transformation of the old meanings of words.

The third category of neologisms is the nominations of people associated with the disease. They include *Coronaed* (when someone gets infected with COVID-19 [Urban Dictionary]) and *Covidiot* (relating to the 2020 Covid-19 virus: someone who ignores the warnings regarding public health or safety. A person who hoards goods, denying them from their neighbors [Urban Dictionary]). The latter nomination conveys the negative attitude of society towards those who violate security measures during the pandemic. Thus, the ironic nomination serves the purposes of public safety and is a form of expression of social consciousness. The invective *Maskhole* (assholes who don't wear masks publicly during the Coronavirus/COVID 19 Pandemic [Urban Dictionary]) has a similar character. This neologism reflects the attitude of society towards violators of the quarantine regime who ignore the recommendation to wear masks in public places. The synonym for this expression is *anti-masker* (someone who refuses to obey the rule that a mask must be worn in public places to help protect people from covid-19 [Urban Dictionary]). Thus, this layer of neologisms reflects social attitudes towards observing the rules of isolation during the pandemic. (People who violate the

quarantine rules are opposed by *space marshal* (someone whose job is to make sure people are obeying the rules of physical distancing in places such as shops, libraries etc. [Cambridge Dictionary]). This neologism can be attributed to the police discourse as well as the word *Ronadobbing* (informing on those contravening crisis-related restrictions [Thorne]) denoting informing (denunciation) of a violation of the quarantine conditions by any individual or company, obviously created from the truncated name of the coronavirus *The Rona* [Urban Dictionary]).

A slightly different type of marginal behavior during the pandemic is presented by the neologism *coron-optimistic* (when someone thinks they have already been exposed to Covid-19, and thus have antibodies for it, because they had one or more symptoms of the disease between January and March 2020 [Urban Dictionary]). This perception of illness is a self-deception, natural for a certain kind of people trying to overcome their fear of illness by incorrect correlation between some of the signs of illness that are characteristic of most respiratory diseases and the symptoms of coronavirus itself. Thus, this category of people gets rid of the responsibility of observing quarantine by means of protective fantasies that they have already had coronavirus. This kind of destructive optimism is also condemned by society shown as behavior inappropriate to the situation. The ironic nomination serves the purposes of public safety and is a form of expression of social consciousness – the above neologisms have an implicit manipulative potential aimed at criticizing covid dissidents and other individuals who ignore the pandemic. The word *Covid-38* (a person who has been unlucky enough to contract the covid-19 virus twice [Urban Dictionary]) is an example of a specific imagery characteristic of black humor – the number 19 in the name of the disease doubles as a sign that the patient is re-ill with the coronavirus. Ironic expression *social distancing zombies* (in order to maintain a safe distance from others, people were conditioned to raise their arms in front of them. When everyone shuffled around with their arms raised in front of them, the advised level of social distancing was maintained. In lockdown, only a few social distancing zombies were out and about [Urban Dictionary]) denotes those quarantined people whose comical appearance evoked associations with the image of a zombie known in pop culture. (It is worth noting that

this nomination of socially acceptable behavior can be interpreted by engaged interpreters of informal folk humor as additional evidence of their grotesque theories about the zombification of the population with official propaganda – an initially purely humorous expression can also acquire manipulative potential). The neologism *Coronabod* (*a pasty, doughy body resulting from anxiety eating and inactivity related to the new coronavirus* [Urban Dictionary]) describing being in quarantine as degradation has an ironic connotation. Like it is the expression *The COVID 19 (lbs)* (*extra body weight accrued during quarantine* [Thorne]) reflecting such a reality as obesity during a forced stay at home in quarantine. The opposite of the types of behavior discussed above has become such a phenomenon as *antisocial nearing* (*the opposite of social distancing. In a pandemic when people ignore the advice of social distancing and instead engage in anti-social nearing activities like shaking hands, hugging, and spending time in large crowds* [Urban Dictionary]). The name of this phenomenon emphasizes the antisocial nature of the disregard for security measures inherent in individuals who ignore the danger of a pandemic. At the same time, some neologisms record acts of care and assistance during the pandemic: *Caremongering* (*organised acts of kindness and propagation of good news by volunteers* [Thorne]), *Corona warriors* (*frontline professionals, also known as covid-19 warriors, working to control the pandemic* [Thorne]). The latter neologism is characterized by a natural romanticization of people fighting the spread of the pandemic.

Items and activities related to the coronavirus pandemic can be placed in a separate category. The category of subjects includes *Hand Sanitizer* (*the most expensive thing during the corona virus* [Urban Dictionary]). There is irony in the definition of this word in relation to the increased demand for antiseptics. The diminutive form of the nomination of the sanitizer looks like the diminutive form of the name Alexander – *Sanny* (*hand sanitizer* [Thorne]). Perhaps the truncated colloquial form reflects the entry of this object into everyday life – the word acquires an emphatically mundane character due to its short form. Similarly, by truncation, another neologism was formed, reflecting the everyday life of the self-isolation regime. – *Iso* (*(self-) isolation* [Thorne]). Some neologisms were formed by blending the word *Iso* with other lexical units. – *Isobar* (*a home bar stocked, dis-*

played and/or depleted in confinement [Thorne]) and *Isodesk* (a workplace improvised or used in confinement [Thorne]) adapting to a pandemic reflecting the realities. A separate case of coronavirus vocabulary is *Coviding* (computer programming (Coding) during the Covid-19 outbreak [Urban Dictionary]). The neologism *Quarandating* (using cellular dating apps to meet people and go on virtual dates through platforms such as FaceTime [Thorne]) reflects the common practice of electronic communication during the lockdown. The general word for life during quarantine has become *homecation* (holiday spent completely at home [Cambridge Dictionary]). Close to it is the verb [to] *Quaz* (to quarantine (oneself) [Thorne]) which means being in quarantine.

Joking expressions became a separate part of the vocabulary dedicated to coronavirus – *Corona Time* (the phrase you use when someone near you coughs, often as a joke saying they're going to spread the coronavirus [Urban Dictionary]) and *Go corona corona go* (a very powerful curse words that will stop the spread of coronavirus [Urban Dictionary]). The ironic abbreviation *BCAC* (*BCAC stands for Before Corona Virus and After Corona Virus. This refers to December 31st 2019 which was the first recorded day of Corona Virus BCAC* [Urban Dictionary]) becomes a dividing point between two eras – before and after the start of the pandemic. These kinds of humorous expressions are becoming a form of psychological defense against panic-induced panic. At the same time, sarcastic notes are also present in the vocabulary of the coronavirus pandemic, for example, the expression *Security theater* (measures that make individuals feel safer without necessarily actually protecting them: public temperature measuring, and airport security procedures are examples [Thorne]) carries a veiled irony about measures to combat the pandemic which, according to the authors of the expression, are more ostentatious than effective. The analysis of the metaphor relating these measures to the theater reflects distrust of the official policy of the state and fits into the framework of the use of humor as coping behavior characteristic of the vocabulary of the coronavirus pandemic in general (Katermina, Lipiridi, 2020).

An attempt to adapt old realities to new circumstances also led to word creation. In this series, we highlight the neologism *Coronati-ni* (just like a regular martini but you drink it during a Coronavirus

Pandemic or Coronavirus quarantine [Urban Dictionary]). In this neologism, the interpenetration of gastronomic and medical discourses is obvious. The word is at the junction of two lexical categories – the names of diseases and the names of alcoholic beverages. The contamination of obviously dissimilar objects gives this word a humorous connotation that conveys the specifics of the pandemic era – the adaptation of familiar things to life circumstances changing due to the spread of coronavirus infection. This expression gives the usual everyday actions (drinking alcoholic beverages) some romanticization – one of the defensive reactions of the psyche to changing conditions of existence.

A separate category of vocabulary of the coronavirus pandemic is made up of neologisms related to anatomical and physiological discourses which clearly reflect the realities of human life during the pandemic. So, *acne*, which appeared as a reaction of the facial skin to the constant wearing of a mask, was called *maskne* (*acne caused or made worse by wearing a mask* [Cambridge Dictionary]). The neologism *Covid toe* (*a rash or red swelling on the toes, thought to be a symptom of the covid-19 virus Covid toe* [Cambridge Dictionary]) can be attributed to anatomical discourse. Neologisms with an anatomical component include *coronavision* (*problems with eyesight that began or worsened during the period of the covid-19 pandemic* and *lockdown tache* (*a moustache that its wearer has allowed to grow during lockdown*) [Cambridge Dictionary]). Also, neologisms that do not contain the name of the disease, but reflect the consequences of quarantine, can be attributed to vocabulary with an anatomical component. So, the psychological need for touching the body of another person, which increased during the period of isolation, was called *skin hunger* (*the basic human need to be touched* [Cambridge Dictionary]). The neologism *lockdown tache* (*a moustache that its wearer has allowed to grow during lockdown*) contains an anatomical component reflecting the emergence of a new everyday habit indicating a change in social norms. The neologism *above-the-mask* (*describes a beauty treatment or product that is used on an area of the face above where a mask is worn, such as the eyes or forehead. While the percentage of Americans getting manicures and pedicures has dropped 55% from 2019 to 2020, many above-the-mask beauty services have stayed strong. Permanent makeup (including eyebrow tinting and microblading) have remained*

steady year over year. BOTOX®, fillers, and similar treatments have been consistent, as well [Mindbodyonline.com]) reflects the adaptation of the beauty industry to the realities of the coronavirus pandemic. The definition of this entry has a certain cultural connotation – it shows the importance of the day-to-day functioning of the beauty industry for US residents seeking to adapt to changed conditions while maintaining everyday habits.

Some neologisms of the coronavirus pandemic reflect the national mentality of their creators. The semantic neologism of Irish origin is the expression *Wet pubs ([Irish] pubs selling only drinks and not food, so the last to be allowed to open after lockdown [Thorne])* describing the mode of operation of pubs offering their customers exclusively alcoholic beverages under conditions of cancellation or mitigation of quarantine. In this case, the focus on the culture of drinking can be explained by the peculiarities of the Irish mentality. The neologism *Zoomitzvah ([Jewish Chronicle] a bar mitzvah celebrated via video app in confinement [Thorne])* reflects such a peculiarity of the mentality of the British of Jewish origin as a combination of a modern lifestyle with the performance of traditional religious rites – in conditions of quarantine the presence of spectators at the bar mitzvah ceremony (Hebrew בַּר מִצְוָה) is possible in the “Zoom” application format. Some words can refer to a historical context, sometimes not obvious even to the immediate creators of new words. Especially curious from this point of view is the neologism *Nightingales (first used as a nickname for those singing or performing morale-boosting music from balconies, in gardens, later abandoned when the Nightingale emergency hospitals were opened across the UK [Thorne])* humorously reflecting the habit of singing from the balcony during self-isolation. Unexpectedly for the creators of the new vocabulary, the word *Nightingale* which has long been associated with beautiful singing began to remind of the surname of the sister of mercy F. Nightingale. The surname which is a common noun for many generations of the British gave the names to several hospitals that received the first patients with coronavirus. The inadmissibility of humorous play on the surname of the national hero and irony in relation to hospital patients led to a drop in the popularity of the neologism. Thus, the interference of the historical and modern cultural context into the initially neutral humorous vocabulary led to self-

ensorship – respect for the memory of the heroes of British history and compassion for the victims of the disease revealed the peculiarities of the British mentality.

Some neologisms reflect the specifics of the behavior of school-children who perceive the vacations introduced by the protection of the population as a reason for entertainment. Among them, we will single out the neologism *Coronaviruseando* (or in English, *coronavirusing*) (the act of pretending that the coronavirus school break is just an extended spring break (continuing to go to the beach, drinking, etc [Urban Dictionary]). The definition of this neologism is judgmental since this phenomenon contributes to the loss of control and the spread of the pandemic. Close to this word is a neologism *Coronacation* (the time where many students party and enjoy their time off from school because of the coronavirus pandemic [Urban Dictionary]) conveying the style of behavior of many students during the pandemic. The word *Loopholing* (exploiting imprecisions or allowances in distancing restrictions to travel [Thorne]) describes finding loopholes in quarantine mode to allow travel during the pandemic.

The negative consequence of the pandemic has caused an increase in mistrust and violence. The stigmatization of coronavirus patients has spawned such a social phenomenon as *Corohara* ((short for “coronavirus harassment”) – the bullying of people who have recently returned from abroad, or who cough in public places [Urban Dictionary]). This neologism has a veiled negative connotation – the bullying of people with coronavirus is associated with the topic of harassment that has been relevant in recent years. (Discrimination against coronavirus patients has become international (Swapnajeet 2020)). One form of denial of the importance of precautions during the pandemic has been *Coronomics* (a special brand of pandemic denial that promotes economic status over health and preservation of life [Urban Dictionary]). Those who hold this view of the epidemic prioritize economic growth over the health and safety of the majority (this neologism belongs to social and economic discourses). These neologisms are judgmental in nature, their axiological significance lies in the censure of socially unacceptable behavior.

The neologism *corona corridor* (an area that people are allowed to travel through to reach a particular destination as the covid-19 lockdown measures are gradually eased [Urban Diction-

ary]) reflected the gradual easing of government measures to combat coronavirus infection. Another relaxation was the so-called *social bubble* (*a small group of family and friends who are permitted to see each other as the covid-19 lockdown measures are gradually eased* [Urban Dictionary]). The relaxation of restrictions was associated with both a gradual decline in the growth of the disease and social reasons – a drop in the quality of life of people in quarantine (Brooks 2020), (Courtenay 2020), (Mazza 2020), (Volpert 2020). This strategy of relaxing constraints reduced stress and other side effects of self-isolation. The general process of easing restrictions imposed due to the spread of coronavirus is reflected in an ironic metaphor *covexit* (*the process of easing the restrictions on public life imposed by the covid-19 pandemic* [Urban Dictionary]) and its variant *loxit* (*the process of exiting from lockdown impositions* [Thorne]). These words are a humorous reference to Brexit, the problem of leaving the European Union that dominates the public consciousness of the British. This lexeme is in the same series of ironic transformations of the original word as *Mexit* (a neologism that appeared after the statement of Prince Harry and his wife Meghan Markle about leaving the official composition of the Royal family of Great Britain). In this neologism, the function of humor, as a protective mechanism, again manifested itself – the relaxation of restrictions caused an ironic reaction of the collective consciousness expressed in word creation. Thus, the vocabulary of the coronavirus pandemic in its constant development ironically foreshadows the end of the pandemic and overcoming its consequences.

In general, the vocabulary of the coronavirus pandemic can be divided into several categories depending on their specificity. We distinguish the following interrelated groups of neologisms:

- nominations of the coronavirus;
- types of socially unacceptable behavior during the quarantine;
- lexics of a predominantly humorous nature serving the purpose of mitigating the psychological consequences of a pandemic;
- everyday vocabulary reflecting the realities associated with the pandemic;
- the names of social events aimed at overcoming the consequences of the pandemic;

- lexics with veiled political overtones;
- lexics with a national and cultural flavor.

Due to the total impact of the pandemic on a significant number of spheres of human activity, the vocabulary of the coronavirus pandemic has a distinct interdiscursive nature – the connections of the coronavirus pandemic vocabulary with medical, anatomical, physiological, psychiatric, psychological, social, religious, political, economic, police, and gastronomic discourses are revealed. Based on the analysis of the interdiscursive nature of the vocabulary of the coronavirus pandemic, we conclude that it is universal in nature which allows us to consider this lexical layer as a complex reflection of socio-cultural transformations in English neological discourse. The vocabulary of the coronavirus pandemic is extremely rich and diffuse – it reflects the perception of everyday changes during the pandemic through social, cultural and national concepts that give the vocabulary a unique flavor and semantic and axiological potential. Most of the considered neologisms correspond to the main parameters of vernacular everyday medical vocabulary: they were created by ordinary participants in non-professional medical discourse and have a predominantly humorous or ironic character. The appeal to humor and irony in this case is a defensive reaction of the collective consciousness to the threat of the pandemic. The totality of lexical units from these groups creates a comprehensive picture of the social struggle against the consequences of the spread of the disease. The semantic and axiological plan of the new vocabulary of the coronavirus pandemic reflects the socio-psychological ways of countering the pandemic – the glorification of the fighters against the coronavirus and the humorous perception of adaptation to the consequences of the pandemic. The vocabulary of the coronavirus pandemic reflected a wide cross-section of acute social problems of our time and their result – radical socio-cultural transformations. We assume that online dictionary articles that display informal medical vocabulary are a form of non-professional sociological observation the analysis of which is necessary to create a comprehensive sociological picture of the impact of the coronavirus pandemic on public life. Obviously, the axiological field of this part of the neological discourse reflects both similar and opposite trends in the perception of the pandemic. The analysis of the manipulative potential of several lexemes of the coro-

navirus pandemic revealed three social strategies for perceiving the pandemic, the dominant tendencies in the manipulation of society – the desire to use the pandemic for political purposes, the desire to ignore the consequences of the pandemic, and the maximum spread of the pandemic containment strategy. The main discovery of the study is the fact that the vocabulary dedicated to the pandemic is evolving reflecting the following stages of the mass perception of the spread of the disease – the initial panic or denial of the pandemic, the emergence of an effective strategy to resist the pandemic and the creation of a new value system aimed at protecting society, reducing panic and humorous comprehension of what is happening, relaxation of government bans because of the effectiveness of quarantine measures. Thus, the evolution of attitudes towards the coronavirus pandemic has its own sequence acquiring the character of a gradual weakening of panic and negativistic sentiments which are replaced by a balanced assessment of what is happening.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный дискурс пандемии как определенный самостоятельный вид пограничного дискурса имеет свои особенности (вариативность, многогранность, незавершенность и т.д.), соответственно, порождение его является перманентным творением различных многомерных смыслов, которые в своей поликодовой и полидискурсивной репрезентации бывают недоступны прямому восприятию на базе функциональной логики, и понимание которого, по сути, есть повторное распределчивание реципиентом вербализованных интенциональных смыслов в условиях конситуативной интерпретации. Кроме того, характеристики поликодовости и дискурсивной контаминированности обеспечиваются не только интраязыковыми междискурсивными аспектами его существования, но и глобальным характером функционирования.

Концептуализированные предельные понятия осложненной ситуации в объективном реальном действии и новые, а также переосмысленные номинанты, используемые в рассматриваемом топикально и ситуативно маркированном дискурсе COVID-19, вербализующие особый тип понимания и описания феноменов в привязке к детерминированным пандемийным реалиям в текстах различной направленности, представляются комплексными, иерархически организованными когнитивно-культурологическими структурами интенционально релевантных ассоциатов, саккадически избираемых в различных кодовых системах (вербальной, визуальной, символьной и т.д.). Их внутренняя глубинная структура обусловливается не только универсальными (глобальными) и национально-специфическими аксиологическими установками (в поле доминантных прецедентных феноменов, вовлекаемых в производство ассоциативного высказывания), социально-историческим опытом – константами фонового знания и ситуативности (в поле интенсификации реминисцентных отсылок к коррелятивным и дистантным областям человеческой деятельности), но и личностными мотивами при вербализации когнитивно-валерной системы продуцента – константами интенциональности и субъективности (в поле экспли-

кации собственного рецептивного опыта при описании фактов, связанных непосредственно с пандемией COVID-19).

Контаминация дискурсивных практик в топикально маркированном интерпретативном пространстве представляет собой особый вид дискурса и является специфичным культурным кодом, преодолевающим на настоящий момент эпистемический барьер и входящим в систему детерминации ценностей и интересов глобального сообщества, в котором реализуются потенциальные, имманентно присущие тем или иным языковым, текстовым и дискурсивным единицам скрытые в монодискурсивном узусе грани интерпретации; данный вид обнаруживает гибридную метаструктуру дискурсопорождения и интерпретации в процессе продуцирования и декодирования ассоциативных и конкретизированных компонентов смыслового пространства пандемии, что предполагает комплексное оперирование несколькими кодовыми и дискурсивными системами, выступающими на различных уровнях абстракции.

Процесс порождения и декодирования смысла в современном дискурсе пандемии представляет собой особый алгоритм (схему действия), где на каждом этапе процесса интегративного восприятия и осознания происходит мутация и трансформация типов представления информации, конвергенция кодов и смена векторов интерпретации. Поликодовые и полидискурсивные единства, в отличие от других типов высказываний, предполагают возможность максимально использовать особенности многогранных, потенциальных, скрытых компонентов и реляций, интенсифицируемых в конкретных осложненных реалиях пандемии коронавируса. Как продуцент, так и реципиент каждый раз при декодировании и интерпретации находятся в пограничной ситуации и вовлекают в сферу рефлексивной реальности все новые и новые сферы деятельности и грани собственного рецептивного и апперцептивного опыта, при этом базисом данного включения служат определенные типы трансформации конвергенции институциональных и персональных маркеров дискурсопорождения.

Использование ассоциатов к пандемии COVID-19 в институциональном и персональном взаимодействии как отдельными (рядовыми) гражданами, так и публичными персонами в процес-

се информирования широких масс населения, позволяет в рамках контаминации дискурсивных практик в едином интерпретативном пространстве решать целый спектр совершенно других вопросов, не включенных в собственно пандемийный дискурс. Одновременное использование лингвистических и паралингвистических средств в средствах медиа для манипулирования целевой аудиторией демонстрируют значительные преимущества одновременного применения вербального и невербального компонентов для усиления прагматического эффекта воздействия на реципиента посредством использования креолизованного текста. Не вызывает сомнений, что современные технические каналы информирования (социальные сети, СМИ и т.п.) оказываются эффективным и доступным средством коммуникации во время пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и обладают значительными возможностями для информирования, просвещения и взаимодействия с населением.

Мы полагаем, что главным для понимания процессов смыслопорождения, манипулирования коллективным сознанием, интенсификации необходимых и адекватных ситуации векторов оценивания происходящего и описываемого в рамках пандемического дискурса является выявление степени и основных областей конвергенции, стоящих за эксплицированными в поликодовых и полидискурсивных текстах мыследеятельностными и коммуникативными актами. Другими словами, в процессе анализа контаминированного дискурса пандемии COVID-19 на выявляются онтологические картины когерентных и релятивных понятий и областей человеческой деятельности в условиях, жестко диктующих как последовательность реальных поведенческих реакций, так и «образ мысли» в разных картинах мира и их бифуркационных областях глобального взаимодействия, а также фиксируются и осознаются рефлексивные акты, которые приводят к изменениям аксиологического пространства.

Способы мыслительной рефлексивной работы по порождению и декодированию высказываний дискурса пандемии как особой суперструктуры, отличной как от простого содержания текста (прежде всего, наличием аллюзивных импринтных компонентов), так и от структуры значения в обыденном употреблении той или иной единицы, представляют собой некое подобие

попытки собрать единую картину из элементов различных пазлов, т.е. привести к единому интерпретативному «знаменателю» смыслы человеческой деятельности в условиях диктуемых специфическим набором деривационных «правил» и моделей, которые подчинены стержневому компоненту «противодействие распространению новой коронавирусной инфекции». Потому анализ текстовых поликодовых пространств пандемического дискурса, на наш взгляд, позволяет наилучшим образом продемонстрировать процесс конвергенции и взаимообусловленности всех типов и видов человеческой деятельности в коммуникативном пространстве. При изложении концепции контаминирования дискурсивных практик в осложненном пограничном дискурсе пандемии авторы настоящего труда обращались лишь к тем её моментам, которые наиболее ярко способны проявиться в собственно вербальных компонентах системы инкодирования пандемических реалий и избираемой каждый раз с учетом глобальных, а не только групповых и лингвокультурных факторов форме представления мыследеятельностных актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анекдот №1106991 Полицейские догнали в открытом море и оштрафовали Федора... // anekdot.ru – URL: <https://www.anekdot.ru/id/1106991/>
2. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 184 с.
3. Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 (50), в 3-х ч. – Ч III. – С. 20-22.
4. Бредихин С.Н. Металогические формы мышления и смыслопорождение парадоксальных высказываний // Современные проблемы науки и образования. – 2013а. – № 5. – С. 569.
5. Бредихин С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. – 2013б. – № 1. – С. 374.
6. Бредихин С.Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных нозм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 12-15.
7. Бредихин С.Н., Бабаянц В.В. Структурно-экспликативный потенциал в трансляции юмористических высказываний виртуального дискурса // Язык. Текст. Дискурс. – 2019. – № 17. – С. 169-180.
8. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И., Махова И.Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 2 (106). – С. 119-124.
9. Бредихин С.Н., Бургакова Л.Д. Перформативы и прескриптивы как маркеры конвенционально-финального компонента в людическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 12-21.
10. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И., Махова И.Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 2 (106). – С. 119-124.

11. Бредихина Ю.И. К проблеме делимитации дискурса социальной работы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-2 (75). – С. 88–90.
12. Бредихина Ю.И. Личный архив исследователя: Ставрополь, Россия, 2019–2021.
13. Брифинг Министра науки и высшего образования Валерия Фалькова. 25 марта 2020 12:00 Дом Правительства, Москва. – URL: <http://government.ru/news/39267/#>
14. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 248 с.
15. Быкова О. Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1999. – Вып. 1. – С. 99– 103.
16. В Бурятии начнет работать ковидный госпиталь. – URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.baika1-daily.ru%2Fnews%2F16%2F388668%2F>
17. Выпавшего из окна москвича спасли и оштрафовали за нарушение самоизоляции // Известия iz. – URL: <https://iz.ru/998825/2020-04-12/vypavshego-iz-okna-moskvicha-spasli-i-oshtrafovali-za-narushenie-samoizoliatcii>
18. Герасюкова М. Ковидиот, карантины, зумбомбинг: какие неологизмы принес коронавирус. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/20/13055605/coronawords.shtml>
19. Гермашева Т.М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-diskurs-k-postanovke-problemy>
20. Глотова Т. А., Кривова О. Г., Кульбаченко Н. А. Метафоризация вируса Зика в Российских электронных изданиях: когнитивно-дискурсивный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65): в 3х ч. – Ч. 2. – С. 51-58.
21. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. – 2009. – Вып.6: Жанр и язык. – С. 111-127.
22. Денисов С. Ф. Художественные антиутопии: типология и философско-антропологические смыслы // Вестник Челябин-

ского государственного университета. Философские науки. – Вып. 45. – 2017. – № 7 (403). – С. 19-26.

23. Детей начали называть в честь коронавируса. – URL: https://www.znak.com/2020-04-04/detey_nachali_nazyvat_v_chest_koronavirusa

24. Жители Башкирии обеспечат «ковидные» отделения республики зеркалами, посудой и маркерами. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/zhiteli-bashkirii-obespechat-kovidnye-otdeleniya-respubliki-zerkalami-posudoy-i-markerami>

25. Заболеваемость. – URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%97%D0%90%D0%91%D0%9E%D0%9B%D0%95%D0%92%D0%90%D0%95%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC>

26. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Изд. 5-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

27. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.

28. Как используя COVID-19 людей превратят в подконтрольных апокалиптических зомби // livejournal.com. – URL: <https://shabdua.livejournal.com/7569988.html>

29. Как я преодолела синдром выгорания на самоизоляции // ЯндексДзен.ru. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cc1e1366e47b000b322069c/kak-ia-preodolela-sindrom-vygoraniia-na-samoizoliacii-5e9a29174b1b0c58c88d64e6>

30. Калашникова А.А. Блог как гибридный речевой жанр // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3 (63). – С. 172-176.

31. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.

32. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием // Век XXI «Алисторус». – 2015. – URL: <https://www.litres.ru/sergey-karamurza/manipulyaciya-soznaniemvek-xxi-2/> (дата обращения 18.10.2021).

33. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 25-34.

34. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

35. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.

36. Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/>

37. Компанцева Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Луганск: Знание, 2007. – 444 с.

38. Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 50-71.

39. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дисс. ...докт. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 519 с.

40. Лучше дома: как погибают нарушители самоизоляции // Газета.ру. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/13/13046761.shtml>

41. Мой опыт вакцинации от COVID-19! Сомнения, страхи, аргументы о вреде и пользе вакцин. Ч. 2 // Психологи на b17.ru – URL: <https://www.b17.ru/article/330061>

42. Осипова А.А. Конфликтемы в речевом взаимодействии // «MagisterDixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – Вып. 4 (12). – С. 78-84.

43. Падучева Е. В. Модальность // Русская корпусная грамматика. – 2016. – URL: <http://rusgram.ru>.

44. Пандемия и политика выживания: горизонты диктатуры нового типа // Геополитика.ru – URL: <https://www.geopolitica.ru/article/pandemiya-i-politika-vyzhivaniya-gorizonty-diktatury-novogo-tipa>

45. Пандемия. – URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%9F%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%AF>

46.Пищина М.О. Языковые средства репрезентации действительности в англоязычном медиадискурсе // ОГАРЁВ-ONLINE: Языкознание и литературоведение. – 2019. – С. 1-7.

47.Портал социологических данных РАНХиГС, Вторая волна массового опроса ППС ВУЗов РФ о развитии дистанционного образования в условиях коронавирусной инфекции COVID-19. – URL: <https://social.ranepa.ru/tsestry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/114-vtoraya-volna-massovogo-oprosa-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-vyssshikh-uchebnykh-zavedenij-rossijskoj-federatsii-o-razvitii-distantsionnogo-obrazovaniya-v-usloviyakh-koronavirusnoj-infektsii-covid19>

48.Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефа-бук, Ваклер, 1999. – 200 с.

49.Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации № 16-32-р от 28 июля 2017 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

50.Результаты опроса студентов ВУЗов, проведенного ВШЭ совместно с ТГУ. – URL: <https://vc.ru/education/147925-kak-studenty-rossijskih-vuzov-perezhili-samoizolyaciyu-vo-vremya-covid-19>

51.Рюмина М. Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность. – М.: КомКнига, 2006. – 320 с.

52.Самоизолировались: истории россиян, переставших выходить из дома, чтобы уберечь других от вируса // Милосердие.ru. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/samoizolirovalis-istorii-rossiyan-perestavshih-vyhodit-iz-doma-chtoby-uberech-drugih-ot-virusa/>

53.Селютин А.А. Корпоративная культура вуза как совокупность текстов: лингвокультурологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 25 с.

54.Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсных смешений. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 222 с.

55.Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. / отв. ред.

Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

56. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

57. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов. – М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2013. – 249 с.

58. Тарасова Н. П. Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе (на материале русских и немецких текстов): автореф. ... дисс. канд. филол. н. – Пермь, 2013. – 20 с.

59. Трудности дистанционного обучения. Результаты исследования. Forbes Russia Education. – URL: <https://education.forbes.ru/partners-news/distance-learning-skyes-research>

60. Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Пермь, 2006. – 23 с.

61. Ученые рассказали, почему во время самоизоляции люди теряют чувство времени // Комсомольская правда. – URL: <https://kp-ru.turbopages.org/turbo/kp.ru/s/daily/27127/4212013/>

62. Франц В. А. Политический маркетинг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2017. – 92 с.

63. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

64. Храменко Д. С. Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) // Филологические науки МГИМО. – 2017. – № 12 (4). – С. 70-75.

65. Чанышева З. З. Меганарратив как единица структурирования медийной информации // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8. – № 3. – С. 206-219.

66. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. – Ч. 1. – 213 с.

67. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 83–93.

68. Ширяева Т.А. Ключевые метафорические модели институционального делового дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 3. – С. 44–49.

69. Шмелёва Т.В. Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 22.-226.

70. Эпидемия. – URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%AD%D0%9F%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%AF>

71. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы // Лингвистика информационно-психологической войны. – Книга I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во СибФУ, 2016. – Глава 3. – 280 с.

72. Abramov V., Abramova G. Sociolectic and everyday vernacular medical vocabulary. – Krasnodar: KubSU, 2003.

73. Al-Azzawi Q.O., Haneen A.H. “Do you speak Corona?": Hashtags and Neologisms since the COVID-19 Pandemic Outbreak” // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. – 2021. – № 4 (4). – P. 113-122. DOI: 10.32996/ijllt.2021.4.4.12

74. Ali W. Online and Remote Learning in Higher Education Institutes: A Necessity in light of COVID-19 Pandemic // Higher Education Studies. – 2020. - № 10. – P. 16. DOI: 10.5539/hes.v10n3p16.

75. Alikaev R., Asanova M., Shiryayeva T., Cheprakova T., Bredikhin S. Representation of the morphological information at the level of lexical input during the process of speech decoding: philological and phenomenological hermeneutics vs. psycholinguistic models // XLinguae: European Scientific Language Journal. – 2018. – № 1. – P. 70-81.

76. Al-Salman S., Haider A. COVID-19 as the cause of neologisms and word-formation processes in the English language // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – № 25 (1). – P. 24-42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42

77. Army on standby as Boris declares war on coronavirus with battle plan to kill off deadly bug. – URL: <https://news-video.su/video/12353687>

78. Baigozhina D.O., Zheltukhina M.R., Shiryaeva T.A., Talybina E.V., Minakova N.A., Zyubina I.A. The threat and fear of war: the state and politics in American mass media // Media Watch. – 2020. – № 11 (3). – P. 439-446.

79. Barantseva O., Ikova Y. Humor in medical discourse // Problems of Romance and Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages. – 2014. – № 10. – P. 1-15.

80. Blas Javier Trump's oil deal: The inside story of how the Saudi-Russia price war ended. – URL: <https://fortune.com/2020/04/14/trump-oil-deal-inside-story-saudi-arabia-russia-price-war-ended/>

81. Boris Johnson official account // Twitter. – URL: <https://twitter.com/BorisJohnson/status/>

82. Bredikhin S., Babayants V., Plevina I. A Comprehensive cognitive-perceptual model of analysis for contextually determined components of a conceptualized term // E3S Web of Conferences – 14. – 2021. – Vol. 273. – No. 11038. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311038

83. Bredikhin S.N., Tsybulevskaya A.V. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2020. – Vol. 92. – P. 1507-1514. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.198

84. Brooks S., Webster R., Smith L., Woodlan L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // The Lancet. – 2020. – № 395. – P. 912-920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

85. Caballero R. Theorizing about Genre and Cyber-genre // Computer Resources for Language Learning. – 2008. – № 2. – P. 14-27.

86. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.blog.cambridge.org>

87. Casero-Ripolles A. Impact of Covid-19 on the media system. Communicative and democratic consequences of news consumption during the outbreak. El Prof. Inf. – 2020. – P. 1-11.

88. Coombs W.T., Holladay, S.J. The handbook of crisis communication. – NJ: Wiley, 2010.

89. Courtenay K., Perera B. COVID-19 and people with intellectual disability: impacts of a pandemic // *Irish Journal of Psychological Medicine*. – 2020. DOI: 10.1017/ipm.2020.45

90. Covid toes. – URL: <https://www.dictionary.com/e/coronavirus-words/>

91. COVID-19 // *Dictionary by Merriam-Webster*. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/COVID-19>

92. COVID-19 опустошает планету // *Euronews*. – URL: <https://ru.euronews.com/2020/03/23/europe-wrap-Monday>

93. Covidiot. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Covidiot>

94. Dankova N., Krekhtunova E. Representation of the pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on the material of American Newspapers) // *Scientific dialogue*. – 2020. – № 1(8). – P. 69-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.

95. Dijk T.A. van. Discourse and Manipulation // *Discourse & Society*. – 2006. – Vol. 17. – № 2. – P. 359–383.

96. Dijk T.A. van. Discourse Semantics and Ideology // *Discourse & Society*. – 1995. – Vol. 6. – № 2. – P. 243–289.

97. Essina I. The role of neologisms in political discourse // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2020. – № 3 (23). – P. 9-13. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.28

98. Fenclova M., Horova H. The expression of politeness and modesty in the texts of the social sciences // *XLinguae Journal*. – 2017. – Vol. 10. – Issue 1. – P. 42–48.

99. Fink S. Crisis communications. The definitive guide to managing the message. – Chicago: McGraw-Hill Education, 2013.

100. Gamson W.A. Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructionist approach // *American journal of sociology*. – 1989. – Vol. 95. – № 1. – P. 1-37.

101. Garoon J. P., Duggan P. S. Discourses of disease, discourses of disadvantage: A critical analysis of National Pandemic Influenza Preparedness Plans // *Social Science & Medicine*. – 2008. – Vol. 67. – Is. 7. – P. 1133-1142.

102. Golev N., Shpilnaya N. Ordinary medical communication (types of discursive practices) // *Bulletin of the Kemerovo State University*. – 2012. – № 1 (49). – P.128-137.

103. Guidance Note: Remote Learning & COVID-19 // World Bank. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/531681585957264427/pdf/Guidance-Note-on-Remote-Learning-and-COVID-19.pdf>

104. Guidance Note: Remote Learning & COVID-19 // World Bank. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/531681585957264427/pdf/Guidance-Note-on-Remote-Learning-and-COVID-19.pdf>

105. Gumbrecht J., Howard J. WHO declares novel coronavirus outbreak a pandemic. CNN, March 12, 2020. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/11/health/coronavirus-pandemic-world-health-organization/index.html>

106. Haddad H.A., Montero-Martínez S. COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic // Journal of Science Communication. – 2020. – № 19 (05). DOI: 10.22323/2.19050201.

107. Halliday M.A.K., Ruquaiya H. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. – Oxford: University Press, 1989. – 118 p.

108. Hazova S. Humor as a resource for coping behavior // Siberian pedagogical journal. – 2017. – № 3. P. 177-182.

109. Herring S.C., Paolillo J.C., Ramos-Vielba I. et al. Language Networks on LiveJournal, Indiana University, Bloomington // Proceedings of the Fortieth Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-40). – Los Alamitos: IEEE Press, 2007. – P. 48-79.

110. Hughes D.J., Rowe M., Batey M., Lee A. A tale of two sites: Twitter vs. Facebook and the personality predictors of social media usage // Computer, Human, Behavior. – 2012. – No. 28 (2). – P. 561-569.

111. IEA Head Gas Producers Are To Blame For Energy Crisis In Europe. – URL: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/IEA-Head-Gas-Producers-Are-To-Blame-For-Energy-Crisis-In-Europe.html>.

112. Impact of covid-19 on the global energy sector. – URL: <https://www.pv-magazine.com/2020/04/24/impact-of-covid-19-on-the-global-energy-sector/>

113. Katermina V., Lipiridi S. Peculiarities of the reflection of the coronavirus pandemic in the vocabulary of the medical discourse (based on the English neologisms) // *Volgograd State University Bulletin*. – 2020. – № 4 (147). – P. 170-175.

114. Kazakova D. The category of the comic in medical discourse. Doctoral thesis. – Krasnoyarsk: Siberian State University, 2013.

115. Khalfan M., Batool H., Shehzad W. Covid-19 Neologisms and their Social Use: An Analysis from the Perspective of Linguistic Relativism // *Linguistics and Literature Review*. – 2020. – № 6 (2). – P. 17-129. DOI: 10.32350/llr.62.11

116. Klare M.T. Twenty-first century energy wars: how oil and gas are fuelling global conflicts. – URL: <https://energypost.eu/twenty-first-century-energy-wars-oil-gas-fuelling-global-conflicts/>

117. Laux L., Schütz A. "Wir, die wir gut sind". Die Selbstdarstellung von Politikern zwischen Glorifizierung und Glaubwürdigkeit. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996. – 223 S.

118. Maiboroda S. Medical discourse: modern theoretical and methodological approaches and research prospects // *Communicative research*. – 2017. – № 1(11). – P. 63-74.

119. Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli Ch., Roma P. A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2020. – № 17 (9). – P. 3165. DOI: 10.3390/ijerph17093165

120. McCombs M., Stroud N.J. Psychology of Agenda-Setting Effects. Mapping the Paths of Information Processing // *Review of Communication Research*. – 2014. – Vol.2. – № 1. – P. 68–93.

121. Mindbodyonline.com. – URL: <http://www.mindbodyonline.com>.

122. Mustajoki A., Zorikhina N.N., Tous-Rovirosa A., Guzman T.R., Dergacheva D., Vepreva I., Itskovich T. Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries // *Quaestio Rossica*. – 2020. – № 8 (4). – P. 1369-1390. DOI: 10.15826/qr.2020.4.533

123. Myuller A. On the reflection of the pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public

space of Minsk, Nuremberg and Warsaw) // Communicative research. – 2020. – № 7 (4). – P. 846-864. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864.

124. Nevzorova M. Communicative behavior of equal-status subjects of medical discourse (based on the English language). Doctoral thesis. – Volgograd: Volgograd State University, 2017.

125. Pleasance Ch. US warns Putin weaponising gas supplies backfires. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10071975/US-warns-Putin-weaponsing-gas-supplies-backfire.html>.

126. Prieto-Ramos F., Pei J., Cheng L. Institutional and news media denominations of COVID-19 and its causative virus: Between naming policies and naming politics // Discourse & Communication. – 2020. – № 14. – P. 635-652.

127. Radbil T. “Self-Isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect // Communicative research. – 2020. – № 7 (4). – P. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

128. Radbil T., Ratsiburskaya L., Paloshi I. Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect // Scientific dialogue. – 2021. – № 1. – P. 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

129. Rafi M.Sh. Language of COVID-19: Discourse of Fear and Sinophobia // Social Sciences & Humanities Open. – 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3603922

130. Ratsiburskaya L., Radbil T., Paloshi I. Dialectics of national and international in active processes in the Russian language of the latest period // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2020. – № 6. – P. 170-176.

131. Remote Learning and COVID-19 The use of educational technologies at scale across an education system as a result of massive school closings in response to the COVID-19 pandemic to enable distance education and online learning // World Bank. – URL: <file:///E:/PC/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf>

132. Rogester M. Crisis Management. What to do when the unthinkable happens. – London: Business Books, 1989. – 160 p.

133. Roig-Marín A. English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary // *English Today, First View*. – 2020. – № 1-3. DOI: 10.1017/S0266078420000255

134. Russia denies weaponising energy amid Europe gas crisis. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-58896847>

135. Russia will beat Saudi Arabia in this oil price war. – URL: <https://www.forbes.com/sites/ellenrwald/2020/03/09/russia-will-beat-saudi-arabia-in-this-oil-price-war/>.

136. Savchenko A., Lai Yan-Jun “Coronavirus neologisms”: from lexicon and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese languages) // *Communicative research*. – 2020. – № 7 (4). – P. 865-886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.

137. Severskaya O. Covidioties on quarantines: coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices // *Communicative research*. – 2020. – № 7 (4). – P. 887-906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

138. Shamne N., Shishkina E. Features of the lexical composition of medical popular scientific discourse (based on the material of German-language Internet publications) // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. – 2020. – № 17 (4). – P. 170-179.

139. Shiryayeva T., Arakelova A., Golubovskaya E., Mekeko N. Shaping values with “YouTube freedoms”: linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse // *Heliyon*. – 2019. – Vol. 5. – № 12. – P. e02988.

140. Social Security Administration (US). – URL: https://www.ssa.gov/ssnumber/#issnrc_4797847ic24.

141. Stanway D., Kelland K. Explainer: Coronavirus reappears in discharged patients, raising questions in containment fight. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-health-reinfection-explainer-idUSKCN20M124>

142. Stenson, K. Social work discourse and the social work interview // *Economy and Society*. – 1993. – Vol. 22. – № 1. – P. 42–76.

143. Swapnajeet S., Aseem M., Vikas S., Pankaj M., Lakshmi N.Y., Goverdhan D.P., Sandeep G. Lived experiences of the corona survivors (patients admitted in COVID wards): A narrative real-life documented summaries of internalized guilt, shame, stigma, anger // *Asian Journal of Psychiatry*. – 2020. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102187

144. Tan Kim Hua, Woods P., Azman H., Abdullah I.H., Hashim R.S., Rahim H.A., Idrus M.M., Said N.Eh.M., Lew R., Kosem I. COVID-19 Insights and Linguistic Methods. 3L // The Southeast Asian Journal of English Language Studies. – 2020. – № 26 (2). – P. 1-23. DOI: 10.17576/3L-2020-2602-01

145. Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. – URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/>

146. Trout J., Ries A. Positioning: The Battle for Your Mind. – NY.: The McGraw-Hill Companies, 2001.

147. Turner V. Betwixt and between: the liminal period in rites of passage // Betwixt and Between: Patterns of Masculine and Feminine Initiation. – Peru, IL: Open Court, 1987. – P. 3-22.

148. UNESCO. (2020). COVID-19 Educational Disruption and Response – 2020. – URL: <https://en.unesco.org/covid19/education-response/>

149. Urban Dictionary. – URL: <http://www.urbandictionary.com>.

150. Volpert V., Banerjee M., d’Onofrio A., Lipniacki T., Petrovskii S., Viet Chi Tran. Coronavirus: Scientific insights and societal aspects // Mathematical Modelling of Natural Phenomena. – 2020. – Vol. 15. DOI: 10.1051/mmnp/2020010

151. Watermeyer R., Crick T., Knight C., Goodall J. COVID-19 and digital disruption in UK universities: afflictions and affordances of emergency online migration // Higher Education. – 2021. – № 81. – P. 1-19. DOI: 10.1007/s10734-020-00561-y.

152. Watters C., Shepherd M. The digital broadsheet: an evolving genre // Proceedings of the 30th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. – Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society Press, 1997. – P. 22-29.

153. WHO Director-General's remarks at the media briefing on 2019-nCoV on 11 February 2020. – URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-remarks-at-the-media-briefing-on-2019-ncov-on-11-february-2020>

154. Wodak R. Crisis communication and crisis management during COVID-19. – 2021. – URL: https://www.academia.edu/46938467/Crisis_communication_and_crisis_management_during_COVID_19_1.

155. Xi Jinping evaluated the role of international cooperation in the fight against COVID-19. – URL: <https://en.news-front.info/2020/05/18/xi-jinping-evaluated-the-role-of-international-cooperation-in-the-fight-against-covid-19/>

156. Yates S.J., Sumner T. Digital Genre and the New Burden of Fixity // Proceedings of the Thirtieth Annual Hawaii International Conference on System Sciences. – Maui, Hawaii, 1997. – Vol. 6. – P. 3-12.

157. Zaytseva I. “Coronapsychosis”, “coronasceptics”, “covidism”, “covidophobiya” and other sociolinguistic markers of 2020 // Communicative research. – 2020. – № 7 (4). – P. 01-813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.

158. Zheltukhina M., Paramonova D. The image of Russia in the era of coronavirus: verbal American, British and Spanish media coverage // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. – 2020. – № 3. – P. 22-32. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-22-32

159. Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. – New York: Random House, 2007. – 576 p.

160. Zogopoulos E Analysis: Chronicles of an oil war. – URL: <https://energyindustryreview.com/analysis/analysis-chronicles-of-an-oil-war/>

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКАЙ Оксана Михайловна
БРЕДИХИН Сергей Николаевич
БРЕДИХИНА Юлия Игоревна
КАТЕРМИНА Вероника Викторовна
ЛЕДОВИЧ Татьяна Сергеевна
ЧАНЬШЕВА Зульфира Закиевна
ШИРЯЕВА Татьяна Александровна

**КОНТАМИНИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР
СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ПАНДЕМИИ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ**

Монография

Компьютерная верстка *В.Л. Сыровец*
Дизайн обложки *В.Л. Сыровец*

ООО «Ставропольское издательство «Параграф»
г. Ставрополь, ул. Розы Люксембург, 57, к.17
тел.: + 7-928-339-48-78
www.paraграф.chat.ru

Подписано в печать 27.01.2022

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 9,62.
Тираж 500. Заказ № 22002.

Отпечатано в ООО «Ставропольское издательство «Параграф»